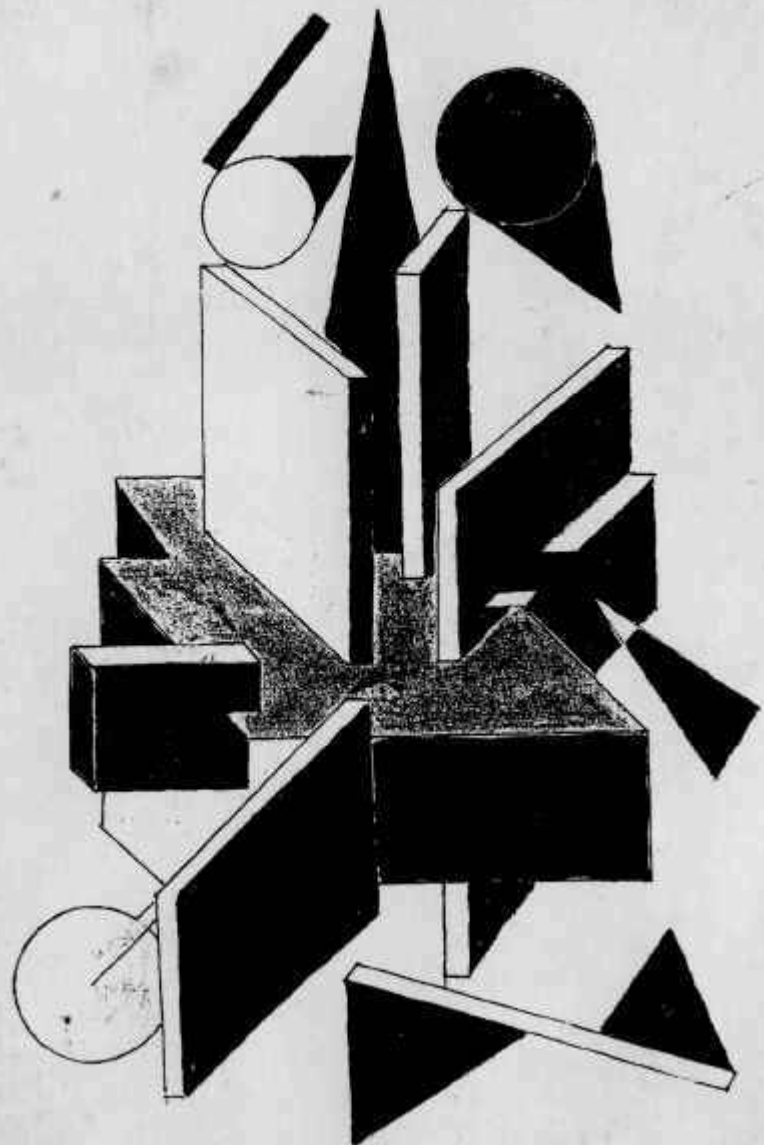

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

47 - 48

PROBLEMS OF EASTERN EUROPE

NUMBER 47 - 48

Edited by Frantisek Silnitsky and Larisa Silnitsky
Copyright by *Problems of Eastern Europe*

Manufactured in the U.S.A.

**ПРОБЛЕМЫ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

47 - 48

Вашингтон

1996

Publication of this issue was made possible
by a grant from the National Endowment
for Democracy

СОДЕРЖАНИЕ

Журнал редактируют: **Франтишек Силницкий**
Лариса Силницкая

Сотрудники редакции: **Людмила Алексеева**
Алексей Левин

ХУДОЖНИК: **Лев Межберг**

Технический редактор: **Джули Моффетт**

*

ФАШИЗМ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Уолтер Лакер. Сущность фашизма.....5

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Сеймур Мартин Липсет,
Эрл Рааб. Евреи в Америке.....103

НОВЫЕ КНИГИ

Аркадий Львов. Посмертное вскрытие империи.....190

40 ЛЕТ ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Тибор Мераи. Тринадцать дней, которые потрясли
Кремль.....237

Этот номер был издан благодаря финансовой помощи
американского Национального фонда в поддержку
демократии

TABLE OF CONTENTS

FASCISM: PAST, PRESENT AND FUTURE

Walter Laqueur. The Essence of Fascism.....5

NATIONALITIES QUESTIONS

*Seymour Martin Lipset
and Earl Raab.* Jews in the USA. .103

NEW BOOKS

Arkady Lvov. Autopsy of an Empire. .190

40 YEARS OF HUNGARIAN REVOLUTION

Tibor Meray. Thirteen Days That Shook the
Kremlin....., ,237

ФАШИЗМ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Уолтер Лакер

СУЩНОСТЬ ФАШИЗМА

Что такое фашизм? Этот вопрос горячо обсуждается уже несколько десятилетий, но до сих пор не стал яснее. Политологи пытались создать "обобщающую" модель, описывающую все разновидности фашизма, но специалистам эти упражнения не покажутся интересными. Можно бесконечно рассуждать о том, был ли нацизм высшей, наиболее завершенной формой фашизма, а режим Муссолини - лишь остановкой на полпути; или же итальянский фашизм (потому, что он появился на сцене первым) должно использовать в качестве эталона для оценки всех прочих разновидностей фашизма. В этом случае нацизм в ретроспективе представляется гипертрофированной модификацией некоей новой ультрарадикальной идеи, последовательно доведенной до логического завершения. Можно без конца дискутировать о том, чем были нацизм и итальянский фашизм - движениями к обновлению (по замыслу или вопреки замыслу их основоположников), или же это были движения реакционные. Безусловно, фашизм не является ни крайней левой, ни крайней правой. Во многих отношениях фашизм не был консервативным - его целью являлось создание нового человека и нового общества.

Вполне вероятно, что новое определение фашизма вовсе не нужно. Однако нам кажется, что оно необходимо, ибо в повседневной речи термин "фашизм" употребляют по поводу и без повода. Публицисты и ораторы склонны называть своих противников фашистами (или, по крайней мере,

полуфашистами и профашистами), так что это слово стало обозначать более десятка явлений, отрицательных по своему характеру. Поэтому легче определить, чем фашизм не является. Отнюдь не все диктатуры XX века были фашистскими. Ни Япония 1930-х гг., ни Турция при Ататюрке, ни Польша при Пилсудском, ни франкистская Испания не были фашистскими странами. Точно так же не были фашистскими военная диктатура Пиночета в Чили и власть полковников в Греции.

Уже при первом появлении фашизма на исторической арене важно было понять, что эта нетрадиционная политическая идея содержит некоторые существенно новые элементы. Но тогда этого не сделали. Все соглашались, что фашизм крайне националистичен и антидемократичен, но относительно других его особенностей единогласия не было и, поскольку вполне естественно толковать новые явления с помощью старых аналогий, некоторые аналитики использовали для сравнения бонапартистскую модель (Наполеона Бонапарта или же Наполеона III). Другие же сопоставляли фашизм с крайне правыми антилиберальными группировками конца XIX в. Дать строгое определение, что такое фашизм, было непросто, поскольку всего лишь два государства стали фашистскими. (Существовавшие во время Второй мировой войны режимы типа вишистского не были подлинно фашистскими, хотя некоторые из них, например, режим в Хорватии, приложили немалые усилия, чтобы продвинуться в этом направлении.)

Не был фашизм и явлением статичным. В ранний период своей истории итальянский фашизм был весьма радикален, после захвата власти стал гораздо умеренней в отношении многих существенно важных вопросов, а на последней стадии существования - снова радикалистским. Итальянский фашизм в городе отличался от фашизма в сельской местности.

Всего шесть лет прошло от захвата власти нацистским

режимом до начала развязанной им войны, но за эти годы все внутренние потребности Германии оказались подчинены военным нуждам. Поэтому можно лишь гадать, какой стала бы политика нацистов в случае победы Германии: изменилась ли бы экономическая система? Какими оказались бы отношения с церковью? Что ожидало бы представителей "низшей расы"- уничтожение, изгнание? Стал бы режим умереннее политически, то есть, говоря социологическим языком, более *рутинным* и *нормализованным*?

В одном, однако, многие были согласны уже тогда - фашизм - явление европейское. И сегодня это представляется справедливым в отношении "исторического" фашизма. В те времена фашизм в отсталых странах был технически неосуществим, поскольку мобилизация масс была невозможна, а пропаганда и террор - малоэффективны. С меньшей уверенностью можно полагать, что это справедливо и сегодня, поскольку с распространением современной техники условия для возникновения неевропейских разновидностей фашизма реально существуют во многих районах мира.

От прежних диктатур фашизм отличается наличием массовой партии, монополизировавшей власть с помощью армии и секретных служб и насильственно устранившей все другие партии. Во главе этой партии нового типа стоит вождь, обладающий, по существу, неограниченной властью, обожаемый своими последователями и являющийся средоточием квазирелигиозного культа. Партийная доктрина становится обязательным символом веры не только для членов партии, но и для всех прочих граждан, и эта доктрина постоянно тиражируется средствами могучей пропагандистской машины. Подобная партия (перерастающая в дальнейшем в государственный аппарат) не могла существовать ранее, ибо не существовало средств столь интенсивного влияния на массы и столь жесткого

контроля над социальной, политической и культурной сферами

Сказанное выше относится и к коммунистическим режимам. Действительно, вмешательство фашистского государства в экономику было гораздо меньшим, чем при коммунистическом режиме. Советская идеология настаивала на том, что режим имеет классовый характер и что антагонистические классы необходимо постепенно устранить. Согласно фашистской доктрине, высшей целью, наоборот, является солидарность классов. Коммунизм был строго атеистичен, в то время как фашизм был неявно деистичен и стремился к интеграции организованных религий при условии, что церковь признает и поддержит верховенство государства. Если фашизм был открыто националистическим, милитаристским и экспансионистским явлением, коммунизм в теории был интернационалистским и антимилитаристским и не стремился к территориальной экспансии. Тем не менее, в особенности начиная с 1930-х гг., не всегда можно было усмотреть невооруженным глазом разницу между фашизмом и коммунизмом.

Во многом обе системы были весьма сходны, почти тождественны, кое в чем - различались; и нет ничего удивительного в том, что после победы фашизма в Германии им суждено было столкнуться. Гитлер убедил себя, что если Германия незамедлительно не приобретет нового "жизненного пространства", страна рухнет, ибо не будет обладать сырьевыми ресурсами, необходимыми для поддержания статуса великой державы и обеспечения достойного уровня жизни граждан.

У Советского Союза не было похожих стимулов, хотя в длительной перспективе страна могла бы чувствовать себя в безопасности, по меньшей мере, при условии, что коммунизм советского типа победит в Европе и сопредельных частях Азии. Сталин не нуждался в немедленной экспансии.

Что способствовало доминированию массовых партий нового типа и какие факторы ограничили бы дальнейшее развитие фашизма? Хотя в этом уравнении "факторы" - лишь одна из составляющих, их наличие весьма важно. Однако сами по себе благоприятные условия не смогли бы привести к власти Гитлера и Муссолини. С другой стороны, в отсутствие благоприятной политической ситуации даже величайший политический гений не смог бы проложить себе дорогу.

И в Германии, и в Италии приходу к власти нацистов и фашистов во многом способствовали ведущие силы старого порядка: в Германии - консерваторы и окружение Гинденбурга, в Италии - консерваторы и монархия. Гитлер был лидером сильнейшей парламентской фракции и, согласно конституции, ему мог быть предложен пост канцлера. Отдавая себе отчет в собственной слабости, консерваторы все же полагали, что смогут руководить нацистами и заставят их действовать "разумно". Причины, приведшие одиннадцать лет назад к фашистскому перевороту в Италии, были сходными.

Даже зная то, что мы знаем сегодня, нельзя сколь-нибудь определенно утверждать, что Гитлер и Муссолини осмелились бы захватить власть незаконными средствами. И даже если бы осмелились, невозможно быть уверенными, что они преуспели бы в этом. Действительно, в других странах насильственные фашистские перевороты не удались; но это не решающее доказательство, поскольку нацизм и итальянский фашизм были сильнее и встречали меньшее сопротивление, чем те, кто потерпел поражение.

Почему в одних странах возникли мощные фашистские партии, а в других нет, что влекло к фашизму мужчин и женщин и вызывало гораздо больше энтузиазма, чем демократические движения? Британские и французские наблюдатели, посещавшие Италию и Германию в 1930-е гг., с восхищением и даже завистью писали о царившем в

фашистском движении духе нового оптимизма. Фашизм победил в странах, где чувствовалось, что старый порядок уже "не работает", где демократия не имела глубоких корней, где национализм поднялся высокой волной и где был велик страх перед экономической катастрофой и общественными беспорядками. Не будь Первой мировой войны и послевоенного кризиса, фашизм или вообще бы не возник, или же остался бы идеологией немногочисленной секты. Так вот, в результате послевоенного кризиса большие группы населения этих стран были готовы поддержать движение, которое, в отличие от других партий, выступало не за узкие групповые или классовые интересы, а провозглашало верность ценностям общества в целом, заявляло, что стремится к солидарности и порядку и что это единственный путь спасения страны от хаоса.

Подобное объяснение может вызвать множество возражений. Можно, например, доказывать, что послевоенный кризис в Италии в 1920 г. проявился острее, чем в 1921 г., а в 1921 г. - острее, чем в 1922, когда состоялся "поход на Рим". К 1922 г. интенсивность кризиса сгладилась, и угроза революции минула. Во всяком случае, мнение Муссолини было однозначным: "Заявлять, что в Италии все еще существует большевистская опасность, - подменять действительность страхом" ("Popolo d'Italia", 2 июля 1921 г.).

Можно утверждать, что экономический кризис в Германии в 1923 г. был намного тяжелее, чем в 1933, но в 1923 г. нацизм был еще местным явлением и сразу же потерпел поражение. Кризис в Германии достиг пика в 1932 г., и если бы правоцентристскому правительству удалось продержаться у власти еще год, положение могло бы улучшиться. И действительно, некоторые звенья "версальских цепей" (ненавистного мира, завершившего Первую мировую войну) распались бы раньше, чем Гитлер занял пост канцлера. Однако и экономическое восстановление,

и уступки союзников пришли слишком поздно: кризис обладал кумулятивным эффектом, слишком многие в Германии утратили надежду. Интересно, что правительство не было коррумпированным, хотя нацисты и коммунисты всегда доказывали обратное. Если что и отличало режим, то это были чрезмерная порядочность и чрезмерное отсутствие воображения. Однако немцы четко видели лишь то, что правительство пришло в смятение из-за серьезности кризиса и все предпринятые им меры не дали результатов. Со своей стороны правительство не скрывало, что возможности его исчерпаны и что оно не знает, как справиться с кризисом. В подобной ситуации правительство просто обречено на поражение перед лицом решительного противника.

Если Германия потерпела величайшее поражение в Первой мировой войне, то Италия находилась среди победителей, хотя не получила возможности воспользоваться плодами победы, на что так надеялась. Более того, националистические настроения проявлялись здесь не менее остро, чем в Германии: лишь два поколения отделяли страну от эпохи объединения, и народ еще не привык к тому, что единому государству ничто не угрожает.

Глубина экономического кризиса не может быть единственным объяснением колоссального успеха нацизма и фашизма. На США и Великобританию Великая депрессия оказала не меньшее влияние, чем на Германию. Действительно, воздействие кризиса на Америку было, вероятно, даже сильнее, хотя бы потому, что американцы совершенно не были подготовлены к катастрофе и считали постоянное улучшение экономической ситуации само собой разумеющимся. Немцы же уже имели опыт национальных травм. Несмотря на высокий уровень безработицы и экономический спад, в Англии фашизм не получил широкого распространения, хотя его лидер Освальд Мосли вызывал не меньший резонанс в массах, нежели фашистские ли-

деры континентальной Европы. В США также имелись различные фашистские и профашистские организации, но ни одна из них не пробила себе дороги в большую политику. Вожди испанского фашизма обладали немалой популярностью, а во Франции коммунист Жак Дорио был одной из самых известных личностей еще даже до того, как стал фашистом. Но ни в Испании, ни во Франции личная популярность этих людей не сыграла решающей роли.

Скорее можно сказать, что послевоенный кризис был кризисом культуры и морали. До 1914 г. европейские общества оставались во многих отношениях далеки от демократии, но были гораздо цивилизованней, чем когда-либо ранее. Права человека пользовались все большим уважением, и лишь немногие отваживались без печальных для себя последствий отвергать их. Так, ложные обвинения против малоизвестного французского офицера еврейского происхождения вызвали скандал общеевропейского масштаба.

Первая мировая война с ее гекатомбами жертв и огромными разрушениями все изменила, и изменения эти имели далеко идущие последствия. Оргии шовинистов привели к брутализации жизни общества. После гибели миллионов ценность человеческой жизни уже не принимали в расчет. Политические убийства происходили и до 1914 г., но ни в одной цивилизованной стране никто бы и не помыслил хоть как-то оправдать подобные акции, а специальные лагеря уничтожения людей просто невозможно было представить. Режим царской России был самым отсталым и жестоким в Европе, но число его жертв было ничтожно по сравнению с теми миллионами, которых обрек на смерть режим, пришедший на смену царизму. Моральный кризис, последовавший за Первой мировой войной, был еще глубже, чем кризис экономический.

Кризис морали совпал с кризисом государственной власти, с растущей неуверенностью в правящих слоях

общества, с нежеланием применять силу против уличных беспорядков, организованных фашистами. Силы порядка были в состоянии подавить вооруженные выступления фашистов (как это произошло в Мюнхене в 1923 году), но их действия были половинчаты, незначительны по масштабам и предприняты слишком поздно. Результатом этого стало то, что полувоенные фашистские группы получили дополнительный стимул. Они множились, наращивали мощь и агрессивность, а борьба с ними становилась все более рискованной.

История показывает, что фашизм (как и терроризм) может победить лишь в рамках либеральной демократической системы. У него есть шансы только в условиях свободы агитации. В противостоянии с военными диктатурами (Румыния, Испания), не говоря уже о коммунистических режимах, он неизменно терпит поражение. Даже при умеренно авторитарном режиме (Австрия, 1934 г.) фашизм оказывается разбит. Фашисты скорее презирают, нежели ненавидят демократические институты: парламент для них - говорильня, где происходят бесконечные дискуссии, которые ведут презираемые за бессилие политики. Подобное отношение встречается не только среди крайней левой и крайней правой, но часто и среди тех, кто не считает себя радикалами. В конечном счете, демократия рушится просто потому, что не хватает демократов, готовых ее защитить.

Кого привлекал фашизм? Это зависело от политических традиций и социальных условий в каждой стране. В целом наибольшую приверженность фашизму обнаруживали низшие слои среднего класса, в особенности те, кто сильнее всего пострадал от экономического кризиса 1930-х годов. Нацисты приобрели влияние среди крестьянства, испытавшего тяжелые потери, среди городского среднего класса, во время инфляции потерявшего все свои сбережения и опять стоящего на пороге дальнейших потерь. Итальянский фашизм нашел поддержку среди ветеранов

войны, которые не смогли вновь найти свое место в гражданской жизни, и среди студентов, после окончания учебы оставшихся безработными

Более тщательная проверка показывает, что строго определенной пронацистской популяции с четким распределением по классам, полу и возрасту просто не существовало. До 1933 г. не наблюдалось существенных различий в характере поведения избирателей - представителей различных возрастных групп, мужчин и женщин. Хотя вожди нацистов были молоды, их избиратели таковыми не были. До 1931 г. нацистов поддерживали в основном низы среднего класса, а после 1931 г. - и верхние слои общества

С определенностью можно сказать, что нацисты обладали большим влиянием в протестантских, нежели в католических регионах и не смогли завоевать серьезных позиций в Партии католического центра. Во многих странах фашизм столкнулся со сходными препятствиями, однако в Хорватии и в Словакии церковь поддержала местных фашистов.

Различия в характере голосования в больших и малых городах были весьма любопытны. Если в среднем по стране в июле 1932 г. за нацистов проголосовало 37% избирателей, то в малых городах за них было подано 42% голосов, тогда как в таких крупных городах, как Берлин и Гамбург - около 33%. Рабочий класс не обнаружил иммунитета к нацизму: в 1932 г. за нацистов проголосовало больше рабочих и безработных, чем за социал-демократов и коммунистов вместе взятых. И нацизм и итальянский фашизм сумели мобилизовать как раз те слои населения, которые ранее были политически пассивны.

Ситуация в Италии была иной: "фаши" сначала появились в Северной Италии и постепенно распространились к югу. В дальнейшем, однако, Юг предстал более сильным оплотом фашизма, нежели Север; это же произошло и с

неофашизмом в послевоенную эпоху. Немаловажное для Италии движение фашистов-аграриев возникло как реакция крупных землевладельцев долины реки По и мелких землевладельцев Эмилии-Романьи на рост политического влияния безземельных батраков. Что касается Западной Европы, то фашизм не нашел себе опоры в деревне ни во Франции ни в Нидерландах, а в Англии практически не покинул пределов Лондона.

С другой стороны, в Румынии и Венгрии фашисты пользовались поддержкой в сельской местности, а финские лапуасцы были в основном деревенскими жителями. В большинстве фашистских движений участвовало немало представителей интеллигенции, в то время как рабочие были заметно представлены в фашистских организациях Франции: в несколько меньшей мере - в Испании, но в Восточной Европе, за исключением Венгрии, дело обстоит по-иному. Вряд ли здесь имеет место случайность: популярный местный лидер, переходя к фашистам, обычно приводил с собой и своих сторонников.

Студенты в значительной степени поддерживали фашистские движения в Испании и Румынии. В этих странах фашизм в свои ранние годы был явлением, ограниченным стенами некоторых университетов. Точно так же нацисты победили на выборах в университетах Германии задолго до того, как стали серьезной политической силой общенационального масштаба. И все же в высших эшелонах нацистской партии было мало выпускников университетов; Геббельс, Ганс Франк и Лей - редкие исключения. Если последние правительства Веймарской республики в основном состояли из лиц свободных профессий, то в нацистских и фашистских правительствах их было гораздо меньше. Лишь пятеро нацистских гаулейтеров окончили университет или же технический институт; 17 рейхслейтеров в прошлом относились к верхушке. В состав нацистской верхушки вошло немало учи-

телей начальных школ, хотя Гитлер временами выражал пренебрежение к этой профессии, которая, по его мнению, привлекала лишь людей с ограниченными умственными способностями.

В нацистском и фашистском руководстве в целом господствовали антиинтеллигентские настроения. К людям с высшим образованием относились с недоверием, подозревая их в сословном высокомерии, которому "не было места в среде нацистов". В Третьем рейхе численность выпускников университетов заметно снизилась. Сам Гитлер отказывался от степени почетного доктора из принципиальных соображений.

Фашисты признавали иерархию, но стремились ослабить классовые перегородки. Нацизм и фашизм проповедовали, что на смену классовой борьбе придет национальное единство, что идеалы и ценности важнее материальных благ, что фюрер, партия и государство - высшие судьи. Эта пропаганда была высокоэффективной и вызывала взрывы искреннего энтузиазма. Даже противники вынуждены были признать популярность Гитлера. Нацисты, находившиеся уже у власти, получили высокий процент голосов на вполне честных выборах. Гитлер действительно дал приказ не вмешиваться в процесс голосования, и нет никаких свидетельств о фальсификации результатов выборов. Нацистские лидеры не без основания были уверены, что общество их поддержит.

Нацисты разумеется, обладали монополией на средства информации, но только после прихода к власти. До 1933 г. дела обстояли по-иному. У них не было доступа на радио, и до успеха на выборах 1930 г. они издавали меньше газет, чем другие партии. Печатное слово не имело решающего значения для поразительного успеха нацизма в период с 1930 по 1933 г., и вряд ли кто-либо стал убежденным фашистом, прочтя "Майн кампф". Иной была ситуация в Италии, поскольку Муссолини был опытным журналистом и имел в своем распоряжении влиятельную газету.

Печатному слову нацисты предпочитали непосредственное воздействие речей высших партийных вождей и ораторов несколько более низкого ранга, но только этим нельзя объяснить их успешное восхождение к власти, поскольку лишь Гитлер и Геббельс (а также Муссолини) были одаренными ораторами. Гитлер и Геббельс не могли присутствовать одновременно повсюду, и поэтому можно сделать вывод, что главную роль исполняла именно живая идея, а не средства, при помощи которых она распространялась. Нацистская пропаганда была чрезвычайно интенсивной, но столь же интенсивной была и коммунистическая пропаганда, однако ее успех не шел ни в какое сравнение с успехом фашистов. Нацистская пропаганда была чересчур примитивной, чтобы завоевать уважение интеллигенции, но после прихода нацистов к власти все же большая ее часть начинает склоняться на сторону фашизма. Еще до 1933 г. в нацистской партии состояли врачи и юристы, хотя их и не было много. Должное нацистам воздали такие ведущие мыслители, как Мартин Хайдеггер и юрист Карл Шмитт, а Джованни Джентиле был столпом режима Муссолини. Ход мышления этих профашистских интеллигентов был следующим: к гению и его политическому успеху не могут быть применимы обычные эстетические и этические эталоны. Они считали Гитлера чрезвычайно прогрессивным по сравнению с прежними беспомощными руководителями. Нацисты преуспели там, где другие потерпели поражение, и несмотря на некоторые недостатки (которые нужно рассматривать как временные), именно они - великая и единственная надежда Германии. Такую положительную оценку порой разделяли ведущие писатели и мыслители и за пределами Германии. Даже у многих иностранных государственных деятелей вначале находились добрые слова для Муссолини, хотя Гитлер подобного успеха вне границ Германии не добился.

Немногие представители западной интеллигенции сами стали фашистами. И все же многие полагали, что для их собственной страны фашизм не нужен, но он может быть вполне пригоден для Германии и Италии, точно так же как коммунизм - для Советского Союза. Они даже доказывали, что такой динамичный лидер, как, например, Муссолини смог бы оказаться полезным Франции и Великобритании, сведя на нет эксцессы парламентаризма и заставив государственную машину работать эффективно.

Фашизм по-разному воспринимался различными людьми и, соответственно, был для них привлекателен по различным причинам. Если бы мы, чтобы дать определение фашизму, учли все субъективные факторы, формулировка все равно не была бы строгой и четкой. И сейчас, через 50 лет после разгрома фашизма, суть его лучше всего объясняет то, что было отмечено при его зарождении: фашизм был проявлением кризиса морали и культуры, результатом крушения традиционных религиозных и гуманистических ценностей. Фашизм развился из безумия, порожденного Первой мировой войной, из неуверенности и политической незрелости, из бунта против разума и реакции на распад общественных связей.

В какой-то степени подобные тенденции начали возникать еще задолго до войны: национализм трансформировался в империализм, развивались корпоративистские и расистские теории, социальный дарвинизм, бунт против разума, культ молодости. Однако разрушить общественные заветы могли лишь крупные политические, социальные и экономические потрясения. Для завоевания массовой поддержки апостолы крайнего национализма, "вitalности" и "мощи" (в противопоставление разуму и миру) считали недостаточным, чтобы люди лишились духовных корней - они должны были стать обездоленными и в социально-экономическом отношении. Болезнетворный микроб фашизма можно обнаружить в любом организме.

Но болезнь развивается лишь тогда, когда организм ослаблен или же предрасположен к инфекции.

ФАШИСТСКАЯ ДОКТРИНА

Возникновение и быстрое распространение фашизма в Европе стало результатом Первой мировой войны: физических опустошений, политического и духовного вакуума, оставшегося после нее. Континент содрогнулся в конвульсиях политического и экономического насилия; на территории половины Европы старые консервативные режимы рухнули, но новые не завоевали признания. Вчерашние моральные эталоны исчезли, средний класс обнищал. Многие сочли, что последним бастионам цивилизации угрожает новая, загадочная и весьма заразная болезнь - большевизм. И тем, кто считал необходимым сильное руководство и новый порядок, но не признавал за коммунизмом способность эти задачи решить (хотя бы потому, что основной идеей коммунизма в то время был интернационализм и эгалитаризм), нужна была политическая альтернатива.

Многие принципы фашизма не отличались новизной, они были сформулированы задолго до Первой мировой войны. Ни одно серьезное исследование фашизма не может пренебречь этим; хотя верно и то, что поиски предтеч таят в себе немалую опасность, поскольку проводя подобное исследование, нельзя преуменьшать или же игнорировать отличие между идеями антилиберализма и антидемократизма довоенных апостолов и тем элементом, который привнес послевоенный фашизм. Ссылки на Ницше и Сореля лишь отчасти могут помочь понять политику фашизма, подобно тому, как изучения дискуссий реформистов и революционеров Второго Интернационала в девяностые годы прошлого века явно недостаточно, чтобы понять, что произошло в России после революции. Пред-

военные публикации отражали нездоровую моральную и политическую атмосферу, недовольство наследием эпохи Просвещения и являлись одним из проявлений нового иррационализма.

Однако нельзя расположить на одной прямой мыслителей XIX века и фашизм. Во все времена все идеи - и хорошие, и плохие, и нейтральные, идеи, вызывающие к чувствам, и идеи безумные - рождаются в литературных кафе и в трудах профессуры; на политику они влияют лишь при определенных обстоятельствах. Так, немало написано о реакционных традициях интеллектуальной жизни Германии от времен Лютера до шовинистов и расистов конца XIX века. Невозможно отрицать, что такие традиции действительно существовали и что они способствовали созданию психологической атмосферы, обеспечившей возникновение и расцвет нацизма. Но хотя подобное интеллектуальное наследие досталось также и Франции, и Англии, там его воздействие на политику было маргинальным. С другой стороны, в Италии начала века антилиберальные, антидемократические настроения были чрезвычайно сильными, и именно здесь фашизм победил.

Фашизм был прежде всего явлением националистическим, элитарным, антилиберальным и милитаристским. В тех фашистских государствах, которые обладали военной мощью, милитаризм проповедовал империализм и территориальную экспансию. Однако во многих странах и до 1914 г. национализм был господствовавшей идеей, и его влияние нисколько не ограничивалось правой и центром. Не была новинкой и элитарность. Немногие политические партии готовы были в этом признаться, но тем не менее практиковали ее. Католическая церковь и правые круги громко проповедовали антилиберализм. Странников империализма можно было найти и среди либералов, и среди консерваторов, а подчас даже среди социалистов.

Различие между фашизмом и его предшественниками

отчасти можно объяснить последствиями общей радикализации и высокой степенью ожесточенности, вызванными Первой мировой войной. До 1914 г. политическими партиями руководили небольшие группы лидеров, но в отличие от фашистского движения, ни в одной из них, ни теоретически, ни практически не существовало "принципа вождя". Расизм проповедовали до 1914 г. и германские консерваторы, и "Аксьон франсез".* Однако этот расизм не был крайним, разве что некоторые экзальтированные писатели и малозначительные аутсайдеры позволяли себе подобное. Многие консерваторы не испытывали восторга от все возрастающего влияния левой, и немало было говорено, что для предотвращения этой опасности необходимы жесткие действия. Некоторые молодые представители итальянской интеллигенции писали, что бедные страны имеют право приобрести новые территории для получения сырья и облегчения бремени перенаселенности. Практически же между 1890 и 1914 гг. государственных переворотов было немного, а экспансия была незначительной.

И все же существует принципиальное отличие между фашизмом и довоенными правыми партиями: фашизм стремился к далеко идущим переменам революционного характера; консерваторы, даже критикуя парламентскую демократию, принимали принцип разделения властей. Фашисты хотели абсолютной власти, и они знали, что для достижения этой цели необходимы совершенно иные, внепарламентские действия. Консерваторы были партией сохранения порядка и статус кво. Фашисты хотели нового порядка и поэтому стремились разрушить старый. Мус-

* *Реакционно-националистический еженедельник, основанный в 1900 г. Шарлем Морра и Леоном Доде на волне дела Дрейфуса. Впоследствии группа "Аксьон франсез" симпатизировала итальянскому фашизму и сотрудничала с режимом Виши. Морра был исключен из Французской академии и приговорен к пожизненному заключению. - Ред.*

солини, несомненно, был знаком с идеями "Аксон франсез", и они не оставили его равнодушным. Но еще большее влияние оказал на Муссолини Сорель, который консервативным не был. Пропасть между Гитлером и старой немецкой консервативной и антидемократической традицией была еще глубже, и это не являлось лишь следствием новой тактики. Существует связь между нацистской доктриной и "идеями 1914 г.", которые в свою очередь были несколько более откровенным выражением некоторых идей девяностых годов прошлого века. Но можно лишь еще раз повторить, что только в результате мировой войны, политических беспорядков и экономического кризиса эти идеи, упрощенные и популяризированные, приобрели могущество, которым не обладали ранее.

Настроения и идеи не были одинаковыми в разных странах, но порождало их чувство недовольства общим состоянием дел и сомнения относительно роли культуры (*Kulturpessimismus*), распространившиеся в последней четверти XIX в. Врагом Франции и Италии был объявлен "либерализм", в кайзеровской Германии - "разрушительный рационализм" и "чрезмерный индивидуализм". Критически настроенные немецкие публицисты сетовали по поводу распространения материализма - и как философии, и как образа жизни; по поводу упадка духовных ценностей; по поводу последствий индустриализации, с одной стороны, и либерального капитализма - с другой; по поводу раздробленности общества, разрыва прежних социальных связей, крушения этических ценностей. Они с сожалением отмечали, насколько возросла моральная опустошенность, и предрекали, что без возрождения национальной общности (*Volk*) декаданс, уже царивший повсюду, будет углубляться и сможет привести к всеобщему краху.

Все эти печальные пророчества можно считать преувеличением, но основывались они на существовавших отрицательных явлениях. Это отмечали и левые авторы,

объяснявшие происходящее неизбежными последствиями банкротства капитализма, с которыми будет покончено сразу после свержения старого общественного порядка. Они также указывали на упадок культуры, распад общественных связей, отчуждение. Однако их метод лечения - революция - не был приемлемым для критиков капитализма справа. Социализм, с точки зрения правых, представлял собой сугубо материалистическую доктрину без высоких идеалов, нацеленную исключительно на перестройку экономики. Правые не могли поверить, что социализм приблизит лучшее будущее. В их понимании социализм означал "больше, но того же", замену существующей элиты новой иерархической структурой еще более низкого ранга. С их точки зрения, социализм был "сползанием до уровня масс" (*Vermassung*), а не восхождением общества на более высокую ступень; прогрессирующей деградацией морали и культуры; забвением всех ценностей, выработанных человечеством за многие века.

Консервативные предшественники национал-социализма подумывали о культурной революции, основой которой должно было стать возрождение народа-общины (*Volk*), возвращение к традиционным ценностям, восстановление общины с естественной иерархией, аристократией пророков и воинов. Германская концепция общины (*Gemeinschaft*) противопоставлялась гражданскому обществу Запада, а германская культура объявлялась высшей по сравнению с западной цивилизацией. Во Франции и Италии особо акцентировали понятие нации, а не народа (*Volk*), но несмотря на то, что мыслители французской правой не чурались расизма, наиболее плодородную почву расизм нашел для себя именно в Германии.

Согласно этой доктрине, немецкому народу, который неизмеримо выше всех других народов, грозит смертельная опасность. Поэтому следует строго блюсти чистоту крови, и это прежде всего означает устранить влияние ев-

реев, марксистов, предшественников либерализма и всех прочих наднациональных сил. Это означало, что для выполнения своей исторической миссии германской расе необходимо "жизненное пространство" (*Lebensraum*). Подобные идеи развивали и популяризировали многие мыслители, причем некоторые были выходцами из левого лагеря (Вильгельм Марр и Евгений Дюринг), а некоторые - иностранцами (Хьюстон Стюарт Чемберлен). Не все они верили, что превосходство германской расы можно доказать научными методами. Но в конце концов, не столь уж важно, как они пришли к своим выводам - на основе псевдонаучных рассуждений или исходя из символа веры крайнего национализма.

Миф "народа" (*Volk*) и упор на расизм были особенно сильны в Германии. В других странах, как, например, в Италии, серьезную роль отдавали нации и государству. Д'Аннунцио писал, что гордится тем, что является латинянином и любого нелатинянина считал варваром. Но д'Аннунцио не был представителем основного направления фашизма. Муссолини утверждал, что не нация порождает государство. Эту идею он считал устаревшей "натуралистической концепцией", которая легла в основу национализма XIX в. В действительности государство создает нацию, дарует ей волю к существованию, и только народ, сознающий свое моральное единство, живет настоящей жизнью. В этой связи некий британский фашист, поклонник Муссолини, писал: "Расизм - материалистическая иллюзия, противоречащая законам природы и разрушительная для цивилизации; логическое приложение расизма было бы смешным и непрактичным".

Таким образом, на философском уровне присутствовал острый конфликт между нацистской идеологией и фашистской доктриной; однако он был скорее иллюзорным, нежели реальным. Миф "народа" ни в коей мере не исключал мифа рейха. Во всяком случае, и нацисты,

и итальянцы стремились возродить сильную государственную власть, противопоставляемую бессильному либеральному государству. Согласно взглядам нацистов, цель государства - не обеспечение большего счастья большому числу граждан. Наоборот, интересы государства всегда выше прав индивидуума. Государственная власть основана на руководителе, и легитимность лидера гарантируется тем простым фактом, что люди идут за вождем. В этом смысле лидер выражает волю народа, а фашизм - подлинная демократия.

Согласно нацистской и фашистской доктринам, высшей ценностью и целью является величие, а равенство и гуманизм - ложные идола эпохи Просвещения. Правильно то, что помогает государству и нации. Согласно "Майн кампф", каждая нация - естественный враг другой, и та, которая обладает большей волей, более фанатична и жестока, победит. Внутри нации и между нациями существует расовая иерархия. Высшие расы - господа - призваны править, низшие - подчиняться, а прогресс человечества может быть достигнут лишь при сохранении чистоты крови (расы). Естественный порядок вещей таков, что лидерство Германской империи отвечает потребностям всего человечества. Соответственно, любая война, которую ведет Германия, - война справедливая по определению. Германия и Франция - извечные враги, славяне - низшая раса. Внутри Германии власть должна принадлежать вождю и новой аристократии, рожденной кровью и почвой. Но если фюрер и новая аристократия не соответствуют своим должностям, возможно ли устранить их? Этот вопрос нацистская доктрина оставила без ответа.

Итальянский фашизм основывал свою идеологию на принципе центральной роли нации в естественном порядке вещей. На самом деле, фашисты сознавали, что нация - миф, а не реальность. Перед "походом на Рим" Муссолини четко и кратко высказался по этому поводу: "Мы

создали наш миф. Миф - это вера, это страсть; наш миф - нация, и этому мифу, этому величию мы подчиняем все остальное". В этой доктрине нет места тонкостям демократии. Гуманизм не имеет к ней никакого отношения. Главная цель - работать ради величия нации. Средство достижения этой цели - государство, которое должно осуществлять контроль над всеми политическими, моральными и экономическими факторами.

Государство - не просто арбитр, разрешающий конфликты интересов. У него есть своя воля; вне государства не существует никаких гуманистических и духовных ценностей. Таков был идеал, и с философской точки зрения не столь уж важно, что реальность фашизма так никогда и не приблизилась по-настоящему к его доктрине.

В значительной мере корни фашизма начали прорастать в довоенной философской среде, оставившей далеко позади официальную националистическую идеологию и не приемлющей либерализм, демократию и наследие эпохи Просвещения. В свою очередь эта идейная среда создала почву для дальнейшего развития и распространения фашизма. Среда эта была одновременно и буржуазной, и антибуржуазной, отвергала рационализм и индивидуализм либерального общества и самодовольство консерваторов. Высшими ценностями считались не стремление к счастью, а борьба и героика. "Жить, презирая страх"- вот лозунг фашизма того времени. Фашизм поклонялся природе (в собственном понимании), физической силе, жестокости, варварству. Это восстание молодости против филистерства, бунт против посредственности, осторожности, терпимости, размеренной городской жизни. Фашизм хочет сотворить нового человека и новую цивилизацию (по немецкой терминологии, "новую культуру"). В какой-то мере фашизм был всего лишь позой и способом самовыражения мелких философов, надеявшихся завоевать широкую аудиторию, шокируя публику крайне резкими

заявлениями, а также писателей-декадентов, таких как Барре и д'Аннунцио, превратившихся из мечтателей в людей действия. В течение многих лет старый порядок как-то существовал, несмотря на всеобщее недовольство и уныние, но духовная атмосфера для многих была невыносимой. Многие молодые европейские писатели в канун Первой мировой войны вспоминали ощущение удушья и то облегчение, которое они почувствовали с началом войны: наконец-то все должно измениться!

Если бы не разразившаяся катастрофа, эти настроения остались бы не более чем интересной главой истории культуры, такой как символизм и натурализм. Но справиться с неопределенностью послевоенной эпохи можно было лишь с помощью ясных идей и сильного руководства, способного противостоять множеству опасностей, угрожавших Италии и Германии. Либеральная демократия нередко выглядела слабой и нерешительной (и была таковой на самом деле). В подобных условиях обычно резко возрастает готовность поддерживать политические движения, пусть антидемократические, лишь бы они были способны покончить с кризисом. Кроме того возникла не существовавшая до войны психологическая готовность примириться с насилием.

Остается ответить еще на два вопроса. Разрыв между тоской по новой тесной общности, мечтой о величии и героизме, и преступлениями, совершенными фашизмом, чудовищно велик. Различия между идеями "критиков культуры" (*Kulturkritiker*) конца XIX в. и реалиями фашизма столь же огромны, как несоответствие гитлеров, геббельсов и штрейхеров эстетическим идеалам нордической расы. Экспансионистская и милитаристская доктрина неизбежно привели бы к конфликту. Но нельзя с определенностью заявить, что особый радикализм фашизма и полный провал этой идеологии были predeterminedены.

Идеи философских предтеч фашизма не были ошибочны во всем. Они апеллировали к сильному идеали-

тическому началу и к фундаментальным инстинктам человека, ибо отчасти основывались на благородной мечте и вере в предначертанное. Именно поэтому фашизм привлек множество юных идеалистов, а не одних лишь карьеристов, авантюристов и отбросы общества. Но до какой степени вожди фашизма верили в собственную доктрину? Возможно, они лишь цинично пользовались ей, чтобы манипулировать людьми для захвата и сохранения власти? Даже Гитлер не верил в обскурантские нелепости ранних расистских мыслителей относительно крови и почвы и нередко пренебрежительно отзывался об их фантазиях. Он никогда не читал розенберговский "Миф XX века" и однажды в разговоре заявил, что "только наши враги читают эту книгу". Придя к власти, фашисты вынуждены были идти на компромиссы: они так и не совершили ни обещанной социальной революции, ни даже "возврата к почве", столь красноречиво провозглашавшегося нацистскими мыслителями. Так же наглядно выявился нацистский "прагматизм" в союзе с ненормативными нациями - Италией и Японией, который с точки зрения нацистской расовой доктрины нелегко было оправдать.

В остальных отношениях фашистские лидеры остались верны своим принципам: они действовали в соответствии с идеей "священного эгоизма" нации; практиковали принцип вождизма; и уж, конечно, не обращались к принципам гуманизма и терпимости. Фашисты не были, как иногда полагают, нигилистами. Чтобы понять политику нацистов и фашистов, необходимо учесть, что фашистские вожди следовали идее, в которую они твердо верили, безотносительно к тому, насколько извращенной эта идея была. Их миф был и пропагандистским орудием, и (по их мнению) элементом высшего порядка вещей, который неизбежно утвердит свою истинность. Один из расистских мыслителей определил это с обезоруживающей откровенностью: "Возможно, что высшей расы, к которой мы

неустанно взываем, в действительности не существует. Но мы все равно создадим ее". Среди германских национал-социалистов фанатиков было куда больше, нежели среди итальянских фашистов. Но в определенных масштабах фанатизм типичен для всех фашистских движений именно потому, что фашизм основывается на подлинной вере.

ДОСТИЖЕНИЯ ФАШИЗМА

Ни один режим не мог обойтись без достижений и успехов - и фашизм не исключение. Если бы в послужном списке фашизма числились одни преступления и неудачи, он смог бы удержаться у власти, лишь опираясь на массовый террор, но в действительности все было много сложнее. Фашизм действительно удовлетворял некоторые нужды и чаяния широких слоев общества и тем завоевал их восторженную поддержку и уважение. Большинство фашистских движений так и не добились власти, но их главной задачей был вызов тем, кто находился у власти. Даже обещанный Тысячелетний Рейх просуществовал всего лишь 12 лет, и половина из них пришлась на годы войны, а Италия пребывала под властью фашизма немногим более двадцати лет.

Кризис 30-х годов не обошел и Италию. Хотя в 1929-1939 гг. национальный доход этой страны возрос, доход на душу населения не изменился. Муссолини организовал несколько эффективных кампаний, таких, например, как "битва за пшеницу" и осушение болот в долине реки По. В послевоенный период протекционистская политика Муссолини обеспечила возможность развития итальянской автомобильной промышленности и киноиндустрии. Но несмотря на это, итальянцы в 1940 году жили немногим лучше, чем за 10-20 лет до этого. Хотя Муссолини выступал за автаркию и корпоративность, но он, по-видимому, не питал глубокого интереса к экономике и не

имел в этой области особо конструктивных идей. Он хотел превратить Италию в великую державу, пример для всего человечества, и экономическая политика интересовала его лишь в этой связи.

Фашисты проявляли активный интерес к организации досуга рабочих. Итальянская организация "Dopo lavoro" ("После рабочего дня") не была столь же влиятельна, как немецкая KdF ("Kraft durch Freude" - "Сила через радость"), но тем не менее она способствовала росту популярности фашистов, используя такие средства, как общественные клубы, продажа дешевых билетов в театры, на концерты, экскурсии. Поскольку Италия того времени была менее развитой в промышленном отношении, чем другие крупные европейские государства, то она и меньше пострадала от последствий безработицы в городах, а положением на селе общество не особенно интересовалось. "Христос остановился в Эболи" Карло Леви, "Фонтамара" и "Хлеб и вино" Игнацио Силоне - книги, реалистически показывающие жизнь в деревне, были опубликованы лишь после войны.

Иностранцы же видели прежде всего, что при Муссолини была полностью ликвидирована мафия, а поезда ходили по расписанию. Но самым важным было то, что Италия, которую союзники предали при заключении послевоенных мирных договоров, вновь обрела влияние на международной арене. Именно поэтому в 1932 г. Муссолини смог провозгласить, что через десять лет вся Европа станет или фашистской, или "фашизированной". Еще до вторжения в Эфиопию в 1935 г. и участия в гражданской войне в Испании на стороне Франко в 1937 г. Италия как бы уже находилась в состоянии войны: ирредентистская пропаганда постоянно провозглашала, что Средиземное море - "наше море" ("*mare nostrum*"), причем Италия претендовала не только на Северную Африку, но и на Корсику и Ниццу. Это казалось привлекательным

многим итальянцам, в том числе и представителям интеллигенции, которые издавна объявили Италию "нацией пролетариата", обделенной при дележе военной добычи.

Итак, фашизм в стране был достаточно популярен. В плебисците конца 20-х гг. 99% голосовавших поддержали фашизм и Муссолини, и эти результаты, скорее всего, не были фальсифицированы. Можно, однако, полагать, что к концу 30-х гг., в особенности со вступлением Италии в войну, популярность режима существенно снизилась.

Экономические и социальные проблемы, стоявшие перед нацистами после их прихода к власти, были значительно острее, чем в Италии: шесть миллионов безработных и спад промышленного производства на 50% по сравнению с 1929 г. Гитлер обещал восстановить германскую экономику и выполнил обещание, и это в значительной степени объясняет его личную популярность и популярность его партии. Неверно полагать, что все успехи были достигнуты только благодаря перевооружению: в массовых масштабах перевооружение страны началось лишь в 1936 г., когда безработица сократилась до 2,7 миллионов, то есть снизилась на 60% (по сравнению с двадцатипроцентным снижением в США и Великобритании). К этому времени промышленное производство Германии возросло на треть.

Среди нацистов не было экономических гениев; большинство ключевых позиций на местах было отдано специалистам, не состоявшим в партии. Нацисты инстинктивно нашли правильное решение в примитивной кейнсианской стратегии: перекачивание средств в экономику, дефицитное финансирование, широкомасштабные общественные работы. Некоторые решения, принятые нацистами, (и результаты этих решений) должно поставить в заслугу предшествующим правительствам: так, строительство автомагистралей началось и частично завершилось еще до 1933 г. Нацисты всегда выступали в защиту мелкой розничной торговли и против крупных универсальных

магазинов, однако развитие сетей таких универмагов приостановило еще правительство Брюнинга. Следует при этом знать, что нацисты весьма энергично взялись за решение экономических проблем: в 30-е гг. государственные капиталовложения возросли более, чем втрое. Общественные расходы составили в 1938 г. 35% национального дохода по сравнению с 23% в Англии и 10% в США. Вмешательство государства в экономику в Германии было большим, чем в других странах, а вопрос цен и заработной платы в основном решали государственные чиновники, что также ускорило развитие хозяйства по сравнению с другими государствами. Новые хозяева стремились ограничить зависимость германской экономики от международной торговли: они сократили импорт на треть и пытались сделать основой внешней торговли бартерный обмен. Такие меры некоторое время были эффективны, но после 1936 г. привели к росту товарного дефицита и к дестабилизации рынка. Если бы не победы Германии на первых этапах войны, подобная система могла бы рухнуть очень быстро.

Попытки нацистов любой ценой создать рабочие места включали также обязательную трудовую повинность, хотя это была идея молодежного движения 20-х гг. Массированное перевооружение Германии полностью ликвидировало безработицу, более того, возникла нехватка рабочей силы. Дефицит частично покрывался за счет возвращения на производство женщин, лишившихся работы в первые годы пребывания нацистов у власти. Все чаще использовали иностранных рабочих, сначала на добровольной, а затем - на принудительной основе.

В первые годы правления нацистов заработная плата рабочих и служащих была низкой. Почасовая оплата промышленных рабочих в 1932-1938 гг. снизилась, тогда как цены на основные продукты - мясо и масло - возросли. Существовала острая нехватка продуктов, но с улиц

немецких городов исчезли угрюмые очереди безработных; появилось оптимистическое ощущение, что кризис можно преодолеть. Профсоюзы были распущены, но забастовок по существу не было, хотя в нацистской Германии, в отличие от фашистской Италии, забастовки не были запрещены законом. Германское сельское хозяйство также выиграло от сокращения импорта продуктов питания. Богатые жили неплохо, хотя чрезмерные прибыли и расточительность не поощрялись. Крупные землевладельцы (юнкеры) не подвергались экспроприации, но и их доходы контролировались.

Нацистский режим приобрел репутацию режима, заботящегося о судьбе простого человека. Зимой для бедных собирали деньги и одежду ("зимняя помощь"), сфера деятельности организации "Сила через радость", основанной в 1933 году, вскоре весьма расширилась. Билеты в театры и на концерты за 50 пфеннигов были доступны любому, а восьмидневная поездка в долину реки Мозель стоила всего 7 марок. Не менее девяти миллионов немцев не упустили возможности побывать на подобных экскурсиях; гораздо больше народу, чем когда-либо раньше, могло поехать за рубеж. Это было время праздников. Всенародными празднествами стали Олимпийские игры 1936 г. и ежегодные партийные съезды в Нюрнберге, а на местах устраивали праздники сбора урожая и многочисленные шествия в честь исторических событий и событий текущей политики.

Немецкий боксер Макс Шмелинг стал, хотя и на недолгое время, абсолютным чемпионом мира; Рудольф Харбиг установил мировой рекорд в беге на 800 метров. "Народное радио" - дешевый, но качественный радиоприемник - начали производить в массовом масштабе, а позже был создан "фольксваген" - "народный автомобиль", доступный каждому. Кинофильмы и радиопередачи излучали всеобщий оптимизм и глубокое удовлетворение.

Верно и то, что не слишком афишировались теневые

стороны жизни страны: значительные группы населения мало что выиграли от экономического подъема (к примеру, заработная плата государственных служащих была заморожена), некоторые области (Силезия, Саксония, Гессен) экономически отставали от других, также как и Юг Италии не смог догнать Север. Однако Веймарское социальное законодательство не было пересмотрено, и кое в чем социальное обеспечение в Третьем рейхе было лучше, чем в прежние годы. Роберт Лей, руководитель Германского трудового фронта, при каждом удобном случае провозглашал, что новый режим выступает за социальную справедливость и что в Третьем рейхе все имеют равные возможности. Рабочие и крестьяне не часто достигали ключевых политических и экономических позиций. Но руководство поощряло продвижение вверх по социальной лестнице и заявляло, что ликвидация наследственных привилегий и состояний - лишь вопрос времени.

Действительно ли фашизм опирался на новейшие технологические и социологические достижения? Некоторые авторы последних лет склоняются именно к этой точке зрения, но с достаточным ли основанием? Сейчас это уже не так важно. Главное, был ли фашизм привлекателен для его современников. В каком-то смысле итальянский фашизм и нацизм были силой, которая вела к модернизации страны, часто опосредованно и вопреки первоначальному замыслу режима. И Гитлер и Муссолини восхищались современной техникой и старались использовать ее как можно эффективнее. Так, Гитлер был первым среди политиков, кто ежедневно летал самолетом, чтобы посетить как можно больше мест в ходе предвыборной кампании.

Но идеология нацизма была устремлена в прошлое, равно как и фашистская доктрина: идеалами были Римская империя и германское средневековье. Нацисты рисовали унылые картины жутких последствий урбанизации и индустриализации и противопоставляли все эти ужасы

спокойной идиллической жизни в средневековой деревне, маленьком городишке или же в Нюрнберге эпохи мейстерзингеров. Даже у Гимmlера, одного из самых влиятельных вождей Третьего рейха, командующего элитными частями СС, взгляды на многие вопросы сформировались под влиянием темных и нелепых предрассудков. Да и вся нацистская доктрина была по сути своей иррациональной, взывающей не к разуму, а к крови, инстинктам и эмоциям.

Через много лет исследователи выделили четкие компоненты современного планирования и рационализации сельского хозяйства и промышленности Германии, но в тридцатые годы лишь немногие осознавали эти новшества. Если фашизм и отступал от собственных реакционных концепций, то лишь из чистого прагматизма. Нацисты осуждали пороки больших городов, но большинство немцев жило именно там; и как ни критиковали нацисты индустриальное общество, страна с 70-миллионным населением нуждалась в экономической основе, гораздо более мощной, нежели базирующаяся на сельском хозяйстве. И коль скоро Гитлер и Муссолини предпочли вооружить свои армии бомбардировщиками и танками, а не мечами и алебардами, они не могли обойтись без развитой тяжелой промышленности.

Со временем нацистам пришлось постепенно расстаться с прежними фетишами. Некоторых вождей даже не пришлось долго в этом убеждать - например, Геббельс и Геринг никогда особо не верили в действенность средневекового идолопоклонства. Но модернизация, проводившаяся фашистами, имела реакционную окраску, поскольку нацисты не переставали отвергать современную цивилизацию Запада. Подобное сочетание вполне возможно: варварство - не монополия слаборазвитых стран и донаучной эпохи. Сталина называли "Чингис-ханом с атомной бомбой", а мусульманские фундаменталисты не отказываются

от мощной современной взрывчатки лишь потому, что изобрели ее на прогнившем Западе.

Некоторые шаги к обновлению, такие как отмена в Германии религиозных школ, пережили фашизм. Но социальные перемены в стране наступили лишь как следствие великих потрясений, вызванных Второй мировой войной: беды одних обернулись удачей для других, а гибель огромного числа людей создавала возможность продвижения для выживших. Но, как мы уже говорили, полагать, что фашизм привлек миллионы людей, обещая революционные перемены в обществе, было бы ошибкой. Подавляющее большинство в 30-е гг. требовало порядка и стабильности, и Гитлер отлично это сознавал. Вскоре после захвата власти он заявил, что национальная революция завершилась и в ближайшее тысячелетие никаких революций больше не будет.

В международной политике фашизм действовал весьма успешно: Германия и Италия стали сильными европейскими государствами. Большинство населения преодолело заботы и тяготы повседневной жизни, и важным политическим фактором оставалась национальная обида - прежде всего на победителей в Первой мировой войне, которые не позволили Германии и Италии занять подобающие им места. Становится понятно, почему призывы Муссолини к аннексиям и пересмотру границ получили столь активную поддержку. По этой же причине для немцев воссоединение Саара с Германией в 1935 г., ввод немецких войск в Рейнскую область в 1936 г. (в нарушение Версальского договора) и вступление германской армии в Австрию в 1938 г. стали национальным триумфом.

После каждого очередного вторжения в чужую страну Гитлер обычно провозглашал, что это его "последнее территориальное требование". Большинство австрийцев и немцев, живших в Чехословакии, действительно не возражали против воссоединения с рейхом. Но в марте

1939 г. после захвата остатка Чехословакии стало, наконец, понятно, что устремления Гитлера вовсе не ограничиваются национальным объединением. Но в какой степени они выходят за рамки этой цели? Хотел ли он завоевать лишь Европу или мечтал о мировом господстве? Вероятно, Гитлер сам этого не знал, а его соратники не дают ответа на этот вопрос. Они лишь следовали за фюрером, чье видение было несравненно шире, как и подобает судьбоносной личности.

Что бы произошло, если бы в 1938 г. Гитлер, создав мощную великую Германию, остановился? В этом случае не было бы мировой войны, и нацистское государство смогло бы выжить. Некоторые даже полагают, что Гитлер вошел бы в историю как великий и мудрый правитель. Дэвид Ллойд Джордж, бывший премьер-министр Великобритании, заявил в 1934 году, что "Гитлер был самым полезным для Германии лидером со времен Бисмарка, а то и Фридриха II". Это типичное для иностранцев того времени впечатление основывалось на ошибочном суждении. Бисмарк был государственным деятелем, разумом и инстинктом понимавшим, когда следует остановиться; Гитлер, в противоположность ему, был одержимым, не способным остановиться даже тогда, когда понимал необходимость этого. Гитлер был азартным игроком, не обладавшим чувством реальности, и чем больше он преуспевал, как это было в первые годы его правления, тем глубже становилось его убеждение, что он может справиться с любым врагом. Как мог он надеяться противостоять всему миру при ограниченных ресурсах Германии? Его дерзания все более и более оборачиваются безответственностью. Когда в декабре 1941 г. было приостановлено наступление в России, Гитлер объявил войну США; это решение противоречило интересам Германии и оказалось залогом ее будущего поражения. Оно не было простой ошибкой в расчетах, подобной вторже-

нию войск Муссолини в Грецию, а актом самоубийства. И это отнюдь не единственный пример.

Успех нацистов во внешней политике обеспечил Гитлеру огромную популярность в 30-е годы и создал обстановку, которая привела Германию к мировой войне и последующему поражению. Но в какой степени эта обстановка была результатом действий именно нацистов и гитлеровцев? Никакая иная разновидность фашизма не желала и не была состоянием спровоцировать мировую войну. Муссолини собственными силами мог осуществить лишь колониальную экспедицию в Африке, но не решился бы ввязаться во что-либо более серьезное, чем гражданская война.

Но и в малых странах фашизм характеризовался милитаризмом, ультра национализмом и чрезмерной агрессивностью. Соблазнительны были бы размышления на тему, как сложились бы, например, отношения между фашистскими Великобританией и Францией или между нацистской Германией и фашистской Францией? Столкнулись бы интересы этих стран, или же они смогли бы мирно сосуществовать?

В 30-е гг. среди антифашистов был популярен лозунг "Гитлер - это война", примитивный, но по существу верный. Идеология и практические цели нацизма исключали мирное сосуществование с другими странами, не говоря уже об отношениях равенства. И поскольку, согласно фашистской философии, война - не несчастье, а напротив, необходимая страница в истории народов, целительная по своей природе, то следует не избегать войны, а приветствовать ее. Некоторые апологеты Гитлера утверждали, что он желал не войны, а трофеев. Однако можно привести бесчисленные примеры, когда Гитлер заявлял прямо противоположное. Однажды он даже выразил сожаление, что Мюнхенские соглашения (октябрь 1938 г.) лишили его столь желанной войны.

Войны сопровождали человечество всегда; порой они вспыхивали случайно, а порой с заранее намеченной целью. Но никогда ранее цивилизованное государство не строило планов будущей войны столь хладнокровно. Нацистские вожди совершенно не учитывали того, что в XX веке война в Европе неизбежно обернется тяжким несчастьем и для победителей, и для побежденных. Они никогда не задумывались всерьез об издержках войны - это было бы проявлением "психологии рабов". И они слишком поздно поняли, что поднявший меч от меча и погибнет.

Ну и что, что Муссолини добился, чтобы поезда ходили по расписанию, а Гитлер построил превосходную сеть автострад, если города, связанные этими дорогами, оказались разрушены? Можно понять, почему успехи фашизма в его первые годы производили на многих огромное впечатление. Но эти многие слишком долго не задумывались над тем, что за все придется дорого и скоро расплачиваться.

ИДЕОЛОГИЯ НЕОФАШИЗМА

В чем отличие неофашизма от исторического фашизма? Может быть, это лишь новая ослабленная версия итальянского и германского фашизма 1930-х гг.? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно, ибо и прежде существовало множество разновидностей фашизма, да и сейчас их не меньше. Некоторые следуют традициям ультраправых, другие - национально-революционным или даже национал-большевистским традициям, третьи - хранят верность историческому фашизму. Далеко не всегда легко уяснить разницу между ними. Но у всех этих течений есть общие черты - неистовый национализм, вера в могущество государства и чистоту нации, ненависть к либерально-парламентскому устройству общества, оппозиция коммунизму, с одной стороны, и капитализму - с другой.

Существовали и вовсе странные течения, такие как "Народная борьба" итальянца Серафино Луия и "фашистский маоизм" бельгийца Жана-Франсуа Тириара, чья организация "Молодая Европа" имела последователей в нескольких странах.

Новый фашизм набирает силу, только если приспосабливается к изменившейся обстановке. Культ фюрера и дуче вышел из моды, и лидеры этого типа покинули политическую сцену. Воздействие средств массовой информации и пропаганды сильно, как никогда, что и продемонстрировало правление Сильвио Берлускони в Италии 1993-1994 годов. Возникла *телекратия*, способная совершать чудеса - пусть и на короткое время. Национализм не потерял своей привлекательности, но в Европе его проявления - это скорее оборонительная, нежели агрессивная реакция; складывается впечатление, что война правилами игры не предусматривается. К тому же у ультраправых нет монополии на национализм: в Греции, например, и левые, и правые одинаково националистические.

Понимая, что военная агрессия более неприемлема, неофашизм избрал позу спасителя Европы. В этом нет ничего нового и революционного: уже проигрывая войну, Гитлер по-прежнему изображал из себя спасителя Европы, так же поступал и Мосли. Но подобное поведение - скорее проявление отчаяния, нежели подлинной убежденности.

Для движений, ищущих свою цель, призыв спасти Европу содержит определенный элемент логики: экономическое, демографическое и даже политическое давление на Европу постоянно возрастает, несмотря на то, что непосредственная угроза с Востока уже дело прошлого. Однако действительно спасти Европу сможет лишь интеграция, гораздо более тесная, нежели та, что допускается большинством неофашистов, поскольку противоречит их национализму и ксенофобии.

Неофашисты славят великое прошлое и великое бу-

дущее Европы. Проблемы современной реальной Европы оставляют их равнодушными. Большинство из них выступает против Европейского союза, Маастрихтских соглашений и европейской валюты. Неофашисты заняты разработкой "европейской идеи", которой пока еще нет, но которая, по их утверждению, обязательно будет создана. Понятно, почему восточноевропейские неофашисты не особо жаждут чересчур тесного сближения с неофашистами Западной Европы.

Неофашизм выступает против коммунизма, но коммунизм перестал быть угрозой. С ограничением американского присутствия в Европе ослабевает и американская угроза, за исключением, быть может, в сфере культуры и духовной жизни. Ультраправые в Европе, на Ближнем Востоке и в Азии всегда были настроены против Америки и даже в разгар холодной войны исповедовали некую форму нейтралитета (нередко называемую "третий путь"). Некоторые настороженно относились к НАТО, некоторые участвовали в демонстрациях против ядерных вооружений. В пропаганде правых непременно присутствовала завуалированная идея: "Европа - оккупированный континент".

Социализм советского типа мертв, и после его смерти пропаганда ультраправых выдвинула на передний план антикапитализм, несмотря на отсутствие альтернативной социально-экономической программы. Постоянно выступая против либерального капитализма, свободной торговли, транснациональных корпораций и "Уолл-стрита", они никогда не объясняли, что предлагают взамен. В 30-е годы фашисты обычно высказывались за автаркию, но в настоящее время она уже невозможна; теперь неофашисты больше не призывают упразднить биржу и расширить государственную собственность. Не разъясняют они и своих позиций относительно социальной помощи и налогообложения. Они обещают защитить "национальный средний

класс" от иностранных капиталистов (компрадоров). Однако эта старая ленинская концепция не применима в конце XX века. Некоторые (но не все) неонацисты выступают за государственное контролирование экономики, более значительное, чем в США. Однако эту идею они разделяют с многими партиями, в частности - с левыми.

Неонацисты обещают восстановить семейные ценности и принять крутые меры против наркомании и порнографии. Их "ценностный консерватизм" (*Wertkonservative*) призывает уделять большее внимание охране окружающей среды, и действительно, в 90-е годы вопросы экологии стали основной темой их пропаганды. Но и в этой области первенство принадлежит не им, поэтому любая попытка изобразить нацистов и их кредо "крови и почвы" как первых "зеленых", просто неверно понятых, вовсе не убедительна. В своих публикациях неонацисты часто пишут о гибели лесов, озоновых дырах, опасности загрязнения среды. Они не одобряют современный феминизм, но не это главная их забота. Несмотря на издевательское отношение неонацистов к субкультуре современного гомосексуализма, некоторые из неонацистских лидеров, например, немец Михаэль Кюн (умерший от СПИДа) - гомосексуалисты.

У неонацистов нет единства мнений в отношении религии. Русские неонацисты - православные христиане, выступающие за тесное сотрудничество с церковью (но против чрезмерной зависимости от нее). Различные сектантские элементы поддерживают неоязычество, причем их языческие божества вовсе не тождественны. Если некоторые ультраправые провозглашают приверженность традиционному христианству - вследствие подлинных убеждений или оппортунизма, то другие избирают теософские секты в традициях Елены Блаватской и Элис Бейли. Так в 60-е годы среди хиппи, культ которых требовал "пробуждения совести", вновь возникают различные эзотери-

ческие группы. Эзотерические учения, не будучи националистическими и даже политическими в строгом смысле слова, глубоко антирациональны; в них просматривается тенденция к размыванию границ между добром и злом. На смену морали приходит "биоэтика", а понятие добра заменяется планетарной пользой. Однако и это не ново: оккультные идеи проповедовало множество шарлатанов, приложивших руку к возникновению нацизма (и в меньшей степени - итальянского фашизма). Эти идеи нередко резонируют с призывами крайних неосоциалистов из движения зеленых (так называемых эконацистов), выступающих за депопуляцию континентов. Некоторые группы неонацистов и движение "Новый век" связывает идейное родство. Если "добро" - это то, что хорошо только для меня лично, то применение даже самых крайних мер против остальных может считаться оправданным. В этом смысле неонацизм можно рассматривать как часть движения, пытающегося заполнить духовную пустоту, возникшую в результате упадка религиозного сознания.

В настоящее время ощущается недостаток новых политических идей. Сегодня идея фашистской диктатуры лишена былой привлекательности, и поэтому неонацисты стараются не затрагивать этого вопроса. В некоторой идеологической неясности есть и свои преимущества. Основная цель неонацизма - оказаться безупречной альтернативой либерально-демократической системе, малоэффективной, или же хаосу, возникшему в результате крушения коммунизма в Советском Союзе и Восточной Европе. Именно поэтому неонацисты считают разумным не формировать четко свою позицию, чтобы не потерять тех, кого они хотели бы привлечь в свои ряды.

Возможно, для неонацистов достаточно было бы выглядеть, как партия порядка, национального возрождения и спасения своей страны (или Европы) от алчных чужаков-паразитов. Куда важнее добиться респектабельности,

нежели иметь детально разработанную и последовательную программу. Семьдесят лет назад программы нацистов и итальянских фашистов были весьма кратки, но вряд ли кто-либо обращал на это внимание, и отсутствие программ не слишком помешало политическому успеху этих партий. Неофашизму, отметим еще раз, не нужна ни идеология, ни гуру - их роль не самая важная. У неофашизма совсем немного приманок, они несложны, но вполне достаточны для нынешних политических действий. Идеиные построения можно оставить интеллигентам. Достойные своего имени воинствующие неофашисты понимают инстинктивно, за что они выступают, даже если и не имеют ученой степени по политологии.

Фашизм традиционно базировался на мифах, интуиции, инстинктах (воля к власти и голос крови) и иррациональной системе идей, не имеющих ни малейшего отношения к научному знанию, к пониманию историко-политических и экономических тенденций. Положение не изменилось и сейчас. Идеологи фашизма были малозначительными личностями, такими как, например, Альфред Розенберг, автор известного "Мифа XX века". Весьма сомнительно, чтобы хоть кто-нибудь обратился к нацизму после прочтения этой книги. То же относится к Италии, но идеологам положено было пребывать в тени, они были всего лишь толкователями. Пророками и кладезями мудрости были фюрер и дуче. Однако, в противоположность Ленину и Сталину, у них не было идеологических амбиций. Они стремились творить историю, а не толковать ее; они предпочли роль не мыслителей, а людей действия. Основные черты фашизма были (и есть) самоочевидны - национализм, социальный дарвинизм, расизм, насущная необходимость в вожде и новой аристократии, послушание, неприятие идеалов Просвещения и Французской революции.

Никто из "бритоголовых", "фашо", "хулиганов" не прочел ни страницы Джулио Эвола или Алена Бенуа; это

справедливо и для большинства тех, кто голосовал за партию Жана-Мари Ле Пена, для британских и германских правых, для австрийских и других ультраправых европейских группировок. Скорее всего, они приобрели идеологию со второй попытки, ощутив отсутствие теории как некую незавершенность.

Теоретики, оказавшие определенное влияние на политическое руководство ультраправых и на наиболее грамотных членов воинствующих неофашистских групп, практически не были известны за пределами своего лагеря. Один из них - Джулио Эвола (1898-1974 гг.), принадлежал к крайнему флангу исторического фашизма; он впервые появился на итальянской сцене как яркий антиклерикальный (антикатолический) писатель. Можно увидеть некоторое сходство между Эволой и Розенбергом, однако Розенберг (его повесили по приговору Нюрнбергского трибунала) при жизни был весьма известен, а после смерти совершенно забыт. Эвола, напротив, приобрел влияние после поражения фашизма. При Муссолини он не входил в высшее руководство. Дуче считал его несколько экзальтированным интеллигентом (что на языке фашистов отнюдь не было похвалой), но достаточно полезным, поскольку немногие истинные последователи фашизма были способны написать статью, не говоря уже о книге. Эвола был ярким антисемитом и еще более фанатичным врагом масонства. В конце войны во время воздушного налета он был тяжело ранен и стал инвалидом. Поскольку в строго юридическом смысле он не был военным преступником, то после недолгого пребывания в тюрьме продолжал писать и печататься. Среди тех, кто попал под его влияние, был Пино Раути, предшественник Жианфранко Фини на посту лидера итальянских неофашистов. Джорджи Альмиранте называл Эволу "наш Маркузе, только еще лучше". Некоторые работы Эволы опубликовали на французском и немецком, ему посвятили конференцию в Сорбонне;

после 1988 года теоретики из рядов российской ультраправой избрали его своим духовным наставником.

В чем заключались идеи Эвола? Уже упоминалось, что он тяготел к язычеству. Эвола, как и Бенуа, считал христианство причиной падения Римской империи - этот тезис был опровергнут еще Гиббоном и дальнейшему обсуждению не подлежал. Антикатолические выступления Эвола Джованни Монтини, будущий папа Павел VI, охарактеризовал следующим образом: "отступление от истины в пользу интеллектуальной лихорадки - странной формы смещения рассудочности и неврастении, интенсивного культа невнятицы, псевдомистической манерности и каббалистической восторженности, магическим образом экстрагированных с утонченной отравой восточной эрудиции"¹. Отзыв, полученный 26-летним Эволой, не устарел и в отношении его последующих творений. Будущий папа мог бы упомянуть еще и дадаизм, ибо Эвола начинал карьеру как дадаистский поэт и художник (некоторые его картины того периода и сегодня можно увидеть в римском музее). Он считал себя и традиционалистом и величайшим революционером, антиисторическим метафизиком, антиэгалитаристом, антигуманистом, сторонником примата интуиции перед разумом, верующим в иерархию и "духовную потенцию". Он выступал против современной цивилизации и свободы: современный свободный человек - эмансипированный раб и перехваленный пария.

Все подобные идеи не новы: их легко обнаружить в трудах европейских философов конца XIX - начала XX вв., есть у Эвола немножко от Ницше, немножко от Сореля, концепцию "политического солдата" он признал у Юнгера, можно наткнуться на заимствования из Бергсона, Вейнингера, германских *"Kulturpessimisten"*, Моска и Парето. Близким по духу, хотя и не оригинальным философом могли бы признать Эволу молодые итальянские революционеры 1905 г.

Чем можно объяснить устойчивый интерес определенных кругов к работам Эвола после 1945 года? Стиль его отличался экстравагантностью, и читатель, не знакомый с источниками, на которые опирался Эвола, мог ошибочно заключить, что его блеск и нарочитая неясность стиля - проявления оригинальности, мудрости и глубины. Эвола пользовался модифицированной шпенглеровской теорией исторических циклов и часто, чтобы создать видимость широкой эрудиции, ссылаясь на восточную, в основном индийскую философию.

Даже обещая не выходить за пределы чисто философских рассуждений ("метаполитики"), Эвола не смог удержаться от толкований недавней истории и текущих событий. Суждения его обычно были чудовищны. В 60-е гг. вместо того, чтобы постараться придать неофашизму респектабельность, он выступает в защиту терроризма. Его герой - не Гитлер и Муссолини, а Кодряну, румынский террорист-мистик, наиболее радикальный фашист межвоенного периода. Выступая против коммунизма и Советского Союза, Эвола в той же степени не принимал и демократию. Между коммунизмом и демократией нет существенной разницы, демократия - это "сифилис духа". Воззрения Эвола значительно повлияли на "Новый порядок" ("Ordine nuovo") - итальянских внепарламентских правых. Когда Эволу отдали под суд, его последователи заявили, что их революционность не агрессивна, а является всего лишь самозащитой. И действительно, в те времена итальянские ультраправые не были достаточно сильными, чтобы пойти по пути последовательного террора. Государство легко раздавило бы правых, и они поступали весьма разумно, воздерживаясь от конфронтации. Эвола умер в 1974 г., когда итальянский фашизм был слаб, а надежды на его возрождение невелики. Новый всплеск фашизма в 90-е гг. уже не был следствием учения Эвола.

То, что Гете сказал о Клопштоке, абсолютно справед-

ливо и в отношении Эвола. Все ультраправые восхищались им, но лишь немногие - читали. Своими корнями Эвола уходил в эпоху дуче. В его писаниях ничто, кроме громких стенаний по поводу упадка и декаданса, материализма и демократии, наркотиков и извращений, не отвечало реалиям современного мира. Подобные жалобы отнюдь не являлись монополией ультраправых. Эвола был образованным шарлатаном, эклектиком, но не новатором.

Французские новые правые - группа молодых интеллектуалов, наиболее известным из которых был Ален Бенуа, чьи сочинения знали не только во Франции, но и за рубежом, предприняла попытку разработать более современную доктрину. Пик интереса к ней пришелся на 70-е - начало 80-х гг.; позднее эта доктрина уже не привлекала серьезного внимания, отчасти из-за раздоров среди ее адептов, но скорее просто потому, что она себя исчерпала.

Новые правые сознательно отгораживались от традиционных правых. Признавая, что в историческом фашизме содержались разумные идеи и здоровые начала, новые правые тем не менее отдавали себе отчет в том, что исторический фашизм изжил себя. Они с презрением взирали на традиционных правых. Тоталитаризм (типа Муссолини и Гитлера) воспринимался этой группой как страшная опасность, сопоставимая лишь с американским образом жизни, который угрожает захлестнуть всю Европу. В их программе не было проповедей территориальной экспансии и агрессивных войн. Оставаясь патриотами Франции, в своей доктрине члены этой группы представляли как бы всю Европу. Бенуа и его единомышленники не были склонны к вульгарному биологическому расизму. Признавая за каждой расой и национальной группой право на самовыражение и самоопределение ("этноплюрализм"), они тем не менее исповедовали концепцию иерархии рас, которую считали "подлинно научной", основанной на открытиях этнологии (Конрад Лоренц), бихевиористской психологии и

современной генетики. В интеллектуальном отношении новые правые склонялись к заимствованиям у левых философов, таких как Антонио Грамши. Чтобы пугнуть французских благонамеренных, Бенуа в канун выборов в Европейский парламент заявил, что будет голосовать за коммунистов. Но поскольку серьезной опасности, что коммунисты победят именно благодаря голосу Бенуа, не было, эту угрозу восприняли спокойно.

После недолгих сомнений доктрину новых правых стали воспринимать как программу, в которой не хватает новизны и серьезности. Но поскольку лидеры группы были выпускниками престижных университетов, сначала к ним отнеслись довольно внимательно. Эти теоретики много читали и пользовались немалым числом источников: "Аксон франсез" и германские консервативные революционеры (1920 - 1932 гг.), Ницше, Карл Шмитт, Эвола, антиамериканские авторы. У Эвола новые правые взяли неоязычество и убеждение, что на совести иудео-христианской традиции лежат все несчастья в истории Запада за последние две тысячи лет. Такие взгляды не только были оскорбительны для германских ультраправых, но встретили отпор во Франции, где Ле Пен и ряд ультраправых лидеров либо практиковали католицизм, либо, по меньшей мере, не имели желания вступать в конфликт с церковью.

Новые правые - реакция на социалистический эгалитаризм, господствовавший во французских академических кругах после Второй мировой войны. Но в то самое время, когда новые правые вошли в моду, среди французских левых просоветизм уже исчез. Понимая, что нет смысла продолжать избивать дохлую лошадь марксизма, Бенуа направил свои атаки на "американизм", известный также как "культура кока-колы" и "макдональдизм", либерализм и западный капитализм. Он не предлагал никакой четкой альтернативы, кроме общих ссылок на необходимость обновления элиты и на пагубные послед-

ствия "арифметической" демократии. Новые правые всегда гордились тем, что для них наибольший интерес представляли проблемы и перспективы культурной революции. Среди их публикаций гораздо больше рецензий на кинофильмы, нежели статей по экономике. На самом деле, изучение идей новых правых напоминает визит на склад (или кладбище) идей и идеологий, собранных, чтобы предпринять новую попытку их синтеза.

Новые правые и подобные им группы пробовали найти "антилевую" идеологическую альтернативу. Но в отличие от исторического фашизма они стартовали со слабой позиции. В ядерный век ни одна европейская страна не может претендовать на роль великой державы. Объединенная Европа, в лучшем случае - отдаленная мечта, а война, как средство достижения политических целей, исключается. В историческом же фашизме культ силы и военной доблести, жертвенности и героизма играли решающую роль. Наследникам фашизма нужны новые идеи и новые идолы.

Неофашисты обвиняют новых правых в пустой трате времени на бесплодные теоретические дискуссии, ничем не отличающиеся от дискуссий новых левых. В какой-то степени это верно, но и неофашисты сталкиваются с аналогичной проблемой - резким ограничением политической сцены, где не остается места мечте о славе; фашизм вынужден приспосабливаться к условиям страны лилипутов. Идеиное вооружение новых правых весьма похоже на багаж итальянского фашизма - небиологический расизм, опасность американизации европейского общества и культуры (у фашистов - декаданс), верховенство элит, иерархическая структура политических институтов, отказ от парламентской системы. Призыв к "ориентации на Восток" - реминисценция национал-большевизма 20-х гг.

И все же новые правые и фашизм отличаются друг от друга: фашизм сознает, что лишь мобилизация масс спо-

собна привести к политическим переменам. Новые правые, напротив, жаждут возвращения к идеям элитаризма начала XIX в., которые не оставляют в политике места простому человеку. Фашизм утратил агрессивный шовинизм, идеологию военной силы и войны. Самое большее, на что он способен, - это на оборону и обещания спасти Европу от нашествия иностранцев. В "государстве социальной помощи" (welfare state) фашизм может сохраниться как источник радикальных идей в духовной сфере, но политическая реальность резко ограничила свободу его действий. Корни фашизма - протест и чувство отчаяния, а не вера в политическое мессианство и грядущее национальное возрождение. Оживление ультраправых в 1980-е и 1990-е гг. связано с всеобщим недовольством, преступностью, эмиграцией, неполадками в политической системе. Все это лишь в малой степени напоминает "героический пессимизм" Эволы, Бенуа и их популяризаторов.

КЛЕРИКАЛЬНЫЙ ФАШИЗМ И ТРЕТИЙ МИР

В последние годы одна из давних разновидностей фашизма, клерикальный фашизм, переживает стадию возрождения и в некоторых странах имеет немалые шансы на успех. Клерикальный фашизм может существовать в самых разных ипостасях, таких, например, как симбиоз с радикальной фундаменталистской религией.

Термин "фундаментализм" несовершенен, как и большинство терминов, используемых в современных политических и общего характера дискуссиях. Но пока еще никто не дал определения, которое бы лучше характеризовало данное явление и столь же широко использовалось. Если фундаментализм есть нечто ортодоксальное, возвращение к источникам, к священным текстам, то легитимность современного фундаментализма явно вызывает сомнение.

Нередко фундаменталисты предлагают свою собственную, новую интерпретацию этих текстов, ни коим образом не тождественную традиционной. Точнее было бы определение фундаментализма как антимодернизма, но поскольку формулировок модернизма тоже немало, это не принесет существенной пользы. Остановимся на том, что фундаментализм представляет собой радикальное, воинствующее, фанатичное движение, пытающееся силой навязать другим свои верования. Следовательно, это движение политическое.

Сходство между фашизмом и фундаментализмом заметили еще в 1920-е гг., задолго до того, как имя Гитлера стало широко известным. Один из самых первых отчетов о фундаментализме в США (на немецком языке) был озаглавлен "Фашизм и фундаментализм в США".² Автор наглядно показал, как политический фанатизм подпитывает религиозную нетерпимость, как крайний национализм и популизм идут рука об руку с радикальной религиозностью, и как Ку-Клукс-Клан сотрудничает с фундаменталистами. И фашисты, и фундаменталисты - выходцы из одинаковых слоев общества; и те и другие, плохо образованные и недовольные, отдают предпочтение примитивным и насильственным методам.

Термин "клерикальные фашисты" появился еще раньше - в 1922 г. Так называли группу католиков, члены которой жили в Риме и Северной Италии и выступали за синтез католицизма и фашизма. Еще в 30-е годы было отмечено сходство между "мусульманскими братьями" и фашистами; известно и то, что крайние мусульманские организации поддерживали страны оси во время Второй мировой войны.

В выдающейся работе, опубликованной в 1937 году, немецкий католический автор назвал нацизм новым политическим исламом, а Гитлера - его пророком Мухаммадом. Откуда этот "новогерманский" (*neudeutsch*)

ислам? Гитлер, от "Майн кампф" и до позднейших публикаций, утверждал, что носителем, провозвестником и паладином новой религии всегда был меч. "Основная движущая сила всех революционных перемен - ненависть; всепроникающий фанатизм и даже истерия поднимают массы быстрее любой научной теории".³

Нацизм содержал элементы язычества, итальянский фашизм проявлял антиклерикальные тенденции, но это были лишь маргинальные явления. Однако после захвата власти фашистское руководство старалось не осложнять отношения с церковью. С другой стороны, духовенство играло важную роль в фашистских государствах и профашистских движениях. Фашистские и профашистские партии в Латинской Америке и различные "интегралистские" движения отвергали языческие элементы нацизма и призывали к необходимости христианской духовной революции (о. Чарльз Кофлин в США). Освальд Мосли писал впоследствии, что слабость британского фашизма состояла в том, что в своем духовном облике он не был в достаточной степени инспирирован христианскими идеями. И Энгельберт Дольфус и Курт Шушниг в Австрии, и словацкое правительство католического священника Йозефа Тисо (в свое время нередко называемого клерикальным фашистом) не были религиозными фанатиками, они были скорее авторитарны, нежели тоталитарны. С другой стороны, хорватское государство усташей - истинный пример взаимопроникновения религии и фашизма, приведшего к государственному терроризму, беспрецедентному даже по балканским меркам.

Некоторые утверждают, что долговременного взаимопонимания между фашизмом и религией не может быть просто потому, что это мировоззрения холистские, предъявляющие претензии на человеческую личность во всех ее проявлениях. "Да не будет у тебя иных богов, кроме

Меня", - провозглашает Библия, но Библия же требует, "отдать Кесарю - кесарево, а Богу - Богово". Талмуд недвусмысленно объявляет *"Дина де мальхута - дина"*, то есть "Закон светского государства - это закон". Однако ислам, согласно фундаменталистам, - *"дин да дауля"* - и религия, и социально-политическая система. Ислам не призывает мусульман к неподчинению немусульманским правителям, но утверждает, что подчиняться следует лишь до тех пор, пока не придет конец господству "неверных".

Доказывалось также, что синтез фашизма и религии невозможен, поскольку все фашистские течения глубоко националистичны, тогда как сегодняшний светский национализм для современных мировых религий безразличен или же абсолютно неприемлем. Однако воинствующая религиозность и национализм сосуществуют в шиитском Иране, среди еврейских фанатиков в Израиле, среди сикхов - в Индии и в других районах Азии. Русская православная церковь всегда была оплотом русского национализма, также как и армянская, грузинская, украинская и болгарская церкви - оплоты национализма в своих странах.

Еще одним серьезным аргументом может быть и то, что исторически некоторые религии не столь фанатичны, как другие. Поэтому они не могут превратиться в борцов за клерикальный фашизм. Отнюдь не все религии стремились к установлению теократии. Так, в далеком прошлом Индия была образцом веротерпимого государства, где царь Ашока почитал все религии, а Акбар проповедовал религиозную терпимость.

Подобная терпимость наблюдалась в Европе при Фридрихе Гогенштауфене в XIII веке; но это было исключением. История христианства с раннего средневековья - это преследование еретиков, сожжение ведьм, крестовые походы и погромы, инквизиция и иные формы нетерпимости. Борьба за власть между церковью и светскими

правителями продолжалась в течение долгих веков и закончилась с секуляризацией государств на пороге нового времени (в России это произошло несколько позже, при Иване Грозном, наложившим на церковь свою тяжкую десницу).

Иран - наиболее известный пример религиозной нетерпимости ислама. Строго говоря, эта традиция уходит вглубь доисламских времен; она проявляется в преследовании турок, узбеков, а в недавнее время - и различных исламских сект, а также бахайцев, христиан, евреев и всех прочих религий. Объявление священной войны - ("джихада") неисламскому миру - *"дар аль-харб"* - жизненно важный коллективный долг - *"фард аль-кифайя"*. Джихад - перманентная революция, допускающая временные перемирия, но не подлинный мир. Таков общий закон, но на практике постоянно приходится делать уступки.

Разумеется, фундаментализм - не монополия ислама, его можно обнаружить и в христианстве, и в иудаизме, и в других религиях. Крайняя форма проявления фундаментализма - политический терроризм. В США это убийства сторонников абортов, в Израиле - каханизм, в Индии - нападения индуистов на мусульман. Фундаменталисты осуществляют политическое давление на правительства в Америке, Европе и Азии. Радикалы приобрели власть в мусульманском мире, но не исключено, что их влияние еще возрастет на огромном пространстве от Алжира до Бангладеша. С другой стороны, во многих странах Востока и Запада настолько усилился секуляризм, что захват власти фундаменталистами не представляется возможным.

Полезно выделить основные политические особенности исламского радикализма и черты, роднящие его с фашизмом. К ним можно отнести обскурантистский и антизападный характер исламского радикализма; отказ от цен-

ностей либерального общества и прав человека, примат коллективного над индивидуальным, особую власть элиты и диктаторские методы управления, широкое использование пропаганды и террора, исключительные агрессивность, прозелитство и фанатизм.

Интеллектуальные предтечи итальянского фашизма и национал-социализма проповедовали, что общественное выше личного. Они прославляли страдания во имя святой цели, считали демократию искусительной ересью, верили, что мир четко поделен на друзей и врагов ("наших" и "не наших", по терминологии русских ультраправых 1990-х гг.). На их знамени были начертаны такие принципы, как окруженное тайной руководство, слепое подчинение, почти абсолютная вера в превосходство мужчины, непримиримый конфликт с прогнившей западной цивилизацией. Таковы были символы веры Людвиг Клягеса и Карла Шмитта, Ханса Фрейера и Фридриха Вольтерса, правых протестантских теологов Веймарской республики и прочих, ныне забытых.

Но если рассуждать с иной точки зрения, то некоторые перечисленные выше принципы являются символами веры радикального Ислама. Фундаментализм сам по себе нельзя уравнивать с фашизмом. Во многих странах фундаментализм консервативен и обращен в прошлое. Иногда фундаментализм затрагивает главным образом сферу духовную, а иногда это метод защиты - реакция религиозного меньшинства на светское большинство или же на религию большинства. Таковы, например, крайне ортодоксальные евреи в Израиле, шииты в Ираке, мусульмане - в Индии. Подобные группы фундаменталистских меньшинств могут быть весьма радикальны и способны на насилие и даже террор. Но они не могут и мечтать о теократии: максимум их возможностей - добиться большей автономии.

В таких странах как Индонезия и Малайзия культурные традиции не допускают возможности развития

фашизма, а общество настолько секуляризовано, что нейтрализует влияние фундаменталистов. Победа Хомейни в Иране безусловно придала новый стимул фундаментализму во многих мусульманских странах, в частности, в Пакистане и Египте, но фундаменталисты-шииты и фундаменталисты-сунниты и в теории, и на практике резко отличаются друг от друга. Большинство фундаменталистов-суннитов считает шиитов сектантами и не приемлет пример Ирана.

И все же между мусульманским радикализмом и фашизмом есть несомненное родство. Не будучи тождественными движениями, они весьма сходны в существенных деталях, иногда даже поразительно сходны. Гитлер, придя к власти, распустил профсоюзы и отменил празднование Первого мая. День международной солидарности трудящихся стал Национальным днем труда и оплаченного отпуска, каковым не был прежде. Хомейни сделал то же самое. Отныне иранцы маршируют под лозунгами "Рабочие и труженики, Ислам - для вас!". "Наша партия - партия Аллаха, наш вождь - Рухолла Хомейни!". И в Германии, и в Иране празднование Первого мая продолжалось еще некоторое время, но постепенно потеряло свое значение⁴. Вряд ли аятолле была известна политика нацистов по отношению к профсоюзам и левым - скорее всего это было инстинктивное действие.

Один из исследователей современного Ирана сравнил фундаменталистский Иран не с европейским фашизмом, как таковым, а с его наиболее крайней группировкой - румынской "Железной гвардией", которая, как и иранские исламисты, пополняла ряды своих боевиков за счет студенческой молодежи крестьянского происхождения. Оба движения исповедовали страдание, жертвенность, мученичество. Среди румынских фашистов немаловажную роль играли священнослужители, собрания начинались богослужениями, во время фашистских шествий развешивались хоругви (как и на демонстрациях русской "черной

сотни"). По словам лидера "Железной гвардии" Корнелиу Кодряну, ее целью было "воскрешение во Христе".⁵ Шииты предпочитают воскрешение имама, но параллели тем не менее поразительны.

Если радикализация в исламском мире будет продолжаться, то усилятся и фашистские тенденции. На Западе многие опасаются даже термина фашизм, но вне Европы и Северной Америки фашизм не всегда рассматривается в негативном контексте: для боевиков Третьего мира Гитлер и Муссолини - борцы за национальное освобождение, которые, даже потерпев поражение, не покрыли себя позором.

Основная черта, общая для фундаментализма и фашизма, - тоталитаризм. Фундаменталисты - в некоторых отношениях традиционалисты, но в то же время они хотят улучшить общество и человека, а не сохранять их в прежнем виде. Им нужно не просто пассивное послушание, а энтузиазм и полное подчинение. Такой фундаментализм глубоко антидемократичен и антилиберален. Нет свободомыслия, есть только ересь. Прав отдельного человека и свободы мнений не существует. Радикальные мусульманские философы воспринимают демократию как богохульство.

Это же относится к коммунизму, в особенности к его сталинистской форме. Однако теоретически сталинизм никогда полностью не отходил от своей интеллектуальной основы - Просвещения, секуляризма, идеалов Французской революции. Заявляя, что его вдохновляют идеи рационализма, коммунизм был, разумеется, антирелигиозным, в противоположность фашизму, который хотя бы на словах отдавал должное религии. Подобно фашизму, радикальный фундаментализм - популистское движение, основанное на социальной напряженности, вызванной недовольством деклассированных элементов, обделенных благами современного общества и чувствующих себя отвержен-

ными. Он носит явно эгалитарный характер и направлен против более благополучных.

Мятежники в Алжире и Египте, забрасывающие камнями новые автомобили и врывающиеся в новые дома, столь же одержимы завистью и отчаянием, как и глубоким религиозным чувством. Под "священным гневом" скрываются разочарование и старомодные идеи "классовой борьбы". У рекрутов плебейских штурмовых отрядов в Германии 1932-1933 гг. много общих черт с тегеранскими хулиганами, которые стали хребтом движения мулл.

Исламскую революцию в Иране поддержали многочисленные недовольные: средний класс и "базарис" - мелкие торговцы и ремесленники, считающие себя обделенными и отвергнутыми сегодняшним днем. Они не могли получить кредитов и чувствовали угрозу, которую несут им современные магазины и импорт высоких технологий. Существовал и новый, современный средний класс, но шахский режим, опасавшийся любых проявлений общественной независимости, не позволил ему организоваться. Движения, приведшие к победе европейский фашизм и исламскую революцию, состояли из разрозненных групп с противоречивыми классовыми интересами. Но не эти интересы играли решающую роль, особенно на позднейших этапах. Новый режим пообещал во имя высшей цели сгладить классовые противоречия. "Базарис" было велено вернуться к традиционным занятиям, а Хомейни объявил, что отнюдь не высокие цены на дыни явились причиной его "славной революции".

При фашизме главный инструмент власти - государственная партия, при фундаментализме - религиозные организации. Такие организации могут подчиняться харизматическому лидеру, подобному Хомейни, но как правило, имеют коллективное руководство. Духовное сословие в шиитской системе играет центральную роль, в суннитском фундаментализме - гораздо меньшую. Однако для всех

фундаменталистских движений характерно, что священнослужители никогда не стоят слишком далеко от руководящих постов. Это касается и радикальных раввинов в Израиле, и сингалезских монахов в Шри-Ланке, и священников в других районах мира. Радикальная политизированная религия, как и фашизм, притягивает молодежь и студентов. Это вызвано крушением альтернативных идеологий, неприятием западного образа жизни, безработицей и невозможностью добиться положения, достойного полученного образования.

Как исторический, так и клерикальный фашизм имеют похожие экономические программы. Вернее было бы указать на отсутствие таковых. Оба движения выступают против материалистического социализма, но за "справедливый общественный строй", оба движения отвергают капитализм западного типа, но не возражают против частной собственности. Не доверяя рынку, они тяготеют к государственному капитализму. В нацистской Германии СС и некоторые нацистские лидеры создали крупные корпорации, такие как предприятия Германа Геринга. В Иране правящее духовное сословие, имея в своем распоряжении миллиарды долларов, владеет акционерными компаниями и фондами, контролирующими значительную долю экономики Ирана. Муллы осуждают демонстративное расточительство, но вполне мирятся с роскошью в частной жизни, если она сокрыта от глаз.

И наконец, важнейший вопрос - о насилии. Радикальный ислам взирает на природу человека весьма пессимистически: страх необходим; если человек никого не боится, он будет грешить. Одного лишь внушения недостаточно: требуется принуждение, и не только по отношению к врагам, но и к сторонникам. Применение террора распространяется и на собственную страну, и на зарубежные страны. Нацисты, фашисты и, конечно же, сталинисты в мирное время не брезговали политическими убийствами

за пределами своих стран, но они всегда пытались замести следы. Исламские радикалы практикуют это в открытую, как показали покушения на жизнь Салмана Рушди и бенгальской писательницы Ташимы Нашрин. Отступники и ренегаты должны быть наказаны, иначе их примеру последуют другие. Можно было предположить, что сотни фанатиков-верующих добровольно пожелают исполнить священный долг, ибо каждому мученику гарантировано место в раю. Однако не слишком полагаясь на человеческую природу, муллы сделали задачу еще более привлекательной, посулив более миллиона долларов в вознаграждение за убийство отступника Рушди.

Исламизм - не религия, а религиозная идеология, главная цель которой - бунт против Запада и модернизма. Корни исламизма - в неприязни, которую чувствуют мусульмане против главенствующего положения Запада в политике, культуре и экономике. Западные ценности не приемлются, поскольку подрывают традиционный мусульманский порядок и образ жизни, оттесняя религию и духовенство на второй план. Эта идеология столь же яростно отвергает Китай, Японию и Россию. Но поскольку на протяжении обозримого времени мусульманские страны в основном имели контакты и конфликты с Западом, то ожесточенный гнев направлен в первую очередь против исчадий Сатаны в этой части мира.

Идейное антизападничество по духу весьма близко традиционной позиции ультраправых европейских мыслителей, чьи взгляды проложили дорогу фашизму.⁶

Согласно мнению некоторых специалистов, возрождение фундаментализма - это результат крушения национализма и национальных государств в арабском и мусульманском мире из-за искусственно проведенных границ. Но это верно лишь отчасти. Так или иначе, арабские секулярные националисты также возражали против прежних границ, а конфликт между секулярным национализмом

и исламом нельзя считать непримиримым. Насер и Саддам Хусейн, будучи националистами, в своих антизападных выступлениях как истинно правоверные мусульмане призывали к джихаду. И их широко поддерживали исламистские радикалы, несмотря на гонения на "мусульманских братьев", шиитские секты и другие радикальные группировки.

Неприятие либеральных и светских ценностей, в том числе и прав человека в западном понимании, и их подмена исламским порядком не требуют подробного анализа. Некоторые западные защитники культурного релятивизма заявляют, что это не конфликт, а лишь недоразумение, основанное на традиционном предубеждении христианства против "воинствующего ислама". Кое-кто из них доказывает, что по восточному обычаю слова не всегда употребляются в их прямом значении (например, "священная война") и что между мусульманской догмой и мусульманской практикой пролегает огромная дистанция. Эти аргументы не полностью ошибочны, поскольку любая идеология вынуждена делать некоторую скидку на реальность, несовершенство человека и его слабости. Любая идеология, будь то исторический фашизм или коммунизм, вынуждена приспособливаться к переменам в экономике и технике, не может избежать этого и ислам. Верно также, что арабский язык обнаруживает тенденцию к гиперболам. Но все же эта апологетика ложна, ибо пытаются представить радикальный ислам более умеренным, чем он есть. Китайские коммунисты не были лишь "аграрными реформаторами", как полагали доверчивые иностранцы в 1930-1940-е гг. И мусульманские радикалы - отнюдь не только правоверные, творящие добрые дела и молитвы: их главная цель - наказать неверных. Если исламское судилище ("*фатва*") призывает покарать писателя, осмелившегося критиковать самого пророка или его учение, если женщине, выразившей недовольство об-

ращением с представительницами ее пола в исламском обществе, выносят смертный приговор, то это подтверждает сказанное выше. Если христианских священников убивают в Иране и Центральной Африке, иностранцев - в Алжире, а коптов - в Египте, это отнюдь не результат недоразумения.

Шиитский и суннитский ислам по-разному относятся к элитарному характеру власти и диктатуре. Учение шиитов основано на том, что двенадцатый имам (потомок пророка Али), давно и таинственно исчезнувший, явится вновь, и только тогда государственная власть станет законной. Пока этого не произошло, верующие мусульмане нуждаются в руководстве, и поскольку у большинства из них нет достаточных знаний, Коран истолковывают религиозные *сановники-муджахиды*, высшими из которых являются *аятоллы*. Руководить могут как отдельные личности, подобные покойному Хомейни и его преемнику Хаменеи, так и группа аятолл (*сура-йе раббари*).

"Мусульманские братья" в Египте и в других странах в этом отношении более либеральны. Их главный наставник Сайед Кутб, казненный при Насере в 1966 году, заявлял, что бразды правления мусульманской страной не обязательно должны находиться в руках тех, кто носит чалму. Достаточно, если государство принимает шариат, заменяющий конституцию и своды законов.

Однако у ислама нет всеобъемлющей системы законов. Лишь в небольшой части Корана обсуждаются право и общество (как и Мухаммад не оставил никаких указаний относительно преемника). Многие аспекты в жизни общества вообще не обсуждаются в Коране. Короче говоря, только глубокие знатоки Корана способны истолковывать все подобные неясности, и эту роль вряд ли могут играть короли и президенты, сколь религиозны они бы ни были. Однако некоторые арабские лидеры, как, например, Муаммар Каддафи (Ливия),

однозначно отвергают подобные требования священнослужителей и требуют признать их право на толкование Корана. Они называют экстремистов "шарлатанами и еретиками", которых следует уничтожать, как диких зверей, ибо их цель - разрушить ислам и расколоть нацию.

В клерикальном фашизме роль массовой партии играет община верующих. Они выходят на гигантские демонстрации, вступают в народную милицию и в элитные формирования. Население тщательно контролируется системой участковых надзирателей, аналогичной системе "квартальных уполномоченных" (*blockwart*) при нацизме.

Когда клерикальные фашисты находятся в оппозиции (Алжир, Египет), их террористические организации работают на подрыв государственной власти, убивая крупных правительственных чиновников, иностранцев, туристов и представителей национальных меньшинств страны. Клерикальные фашисты в Северной Африке и на Ближнем Востоке к настоящему времени осуществили больше террористических актов, чем нацисты и фашисты до прихода к власти. В Германии за три года до установления нацистского режима было совершено примерно 300 политических убийств, и не все из них осуществили нацисты, тогда как в Алжире в 1992-1994 гг. было убито несколько тысяч человек.

Насилие - общая черта исторического и клерикального фашизма; оно требует сурового наказания всех противников режима. Аллах, быть может, и милостив, но не его фундаменталистские представители на земле. В противоположность старомодным диктатурам (и азиатским тираниям) радикальный ислам требует полного подчинения. Он контролирует не только политическую активность граждан, но любую их деятельность, даже досуг. Сфера частной жизни сведена к минимуму, и во многих отношениях она находится под таким тотальным контролем, о котором европейский фашизм даже мечтать не мог.

Оппонентов режима уничтожают, сажают в тюрьмы, вынуждают покинуть страну. При Хомейни и его преемниках были убиты десятки тысяч человек. Эмиграция из Ирана и Алжира (законная и не законная) намного превышает эмиграцию из нацистской Германии (350 тысяч покинувших страну, включая евреев) и бесконечно превышает этот же показатель для фашистской Италии. Клерикальный фашизм - это не просто одна из сторон в конфликте между политическими режимами, это одна из сторон в конфликте между современным и анти-современным обществами; и неудивительно, что такого рода конфликт заставляет столь многих стать беженцами.

И, наконец: политический ислам агрессивен. Порожденный защитной реакцией на современность и цивилизацию Запада, он уже на ранних этапах своего развития предъявляет претензии на руководство миром: Запад не только обанкротился морально и политически, но уже близок к гибели, и единственная сила, которая способна установить новый мировой порядок - это политический ислам. Запад погружен в глубокий кризис морали и культуры, поскольку отверг религию как руководящий принцип. Ислам же не прошел периодов Реформации и Просвещения, он готов и способен выполнить ту миссию, которую христианство провалило.

Подобные претензии не оригинальны - их провозглашали уже в 1950-е гг. такие левые радикалы, как Франц Фанон, не менее страстно призывавший к применению силы против прогнившего Запада. Но Фанон и его друзья могли предложить лишь некую мифическую надуманную идею Третьего мира, тогда как фундаменталисты выражают чувства многих миллионов верующих, порожденные страхом и злобой. Движение фундаменталистов объединяет традиционное ощущение общей для всех миссии.

Их агрессивность имеет, вероятно, и иные причины: если западную цивилизацию не разрушить, то западный

рационализм, западная наука, западный секуляризм и западные развлечения одолеют ислам и приведут к его гибели. Поскольку невозможно, да и незачем, строить стену, чтобы отгородиться от влияния западной культуры, то единственный способ остановить сегрегацию - это разрушить источник зла; отсюда следует необходимость исламизировать Испанию и Францию, а затем всю Европу и остальной мир.

Что питает исламистов, и в чем слабость этого движения? Популярность ислама - это реакция на все возрастающую роль Запада в области культуры и политики. В прошлом чрезвычайно развитая культура и огромная сила, ислам ныне беден и слаб. Его попытки копировать западные институты и обычаи, принятые в XIX - начале XX вв., потерпели крушение. Это привело к бунту против Запада под флагом арабского (а также североафриканского и персидского) национализма. И нынешний ислам - это традиционно политическая религия на второй стадии бунта против Запада. Раньше, в конце 30-х гг., у фашизма в его простом и чистом виде были последователи в мусульманском мире. Партия "Мыср аль-Фатат" ("Молодой Египет") Ахмада Хусейна черпала вдохновение в европейском фашизме, то же можно сказать и о социал-националистической партии Сирии Антуана Са'аде и панарабской партии Баас, которая впоследствии раскололась на сирийское и иракское крылья, ожесточенно воюющие друг с другом, несмотря на минимальные идеологические различия.

Два поколения арабских военных, в том числе Насер и Садат, а позднее - Саддам и Асад, в молодые годы подпали под влияние европейского фашизма или его разновидностей в других регионах. Но их партии не были исключительно исламскими; в руководящих кругах партии Баас были и арабы-христиане. После поражения стран оси, когда фашизм лишился ореола всепобеждающей силы, его

восточным последователям пришлось припасть к другим источникам вдохновения - коммунизму, правому и левому популизму, и наконец, к исламу. Первый натиск фашизма на Ближнем Востоке был безуспешен, но за ним последовал второй - всплеск мусульманского радикализма.

Выше упоминалось о связи между социально-экономическими бедами и активизацией мусульманского радикализма. Государства с самыми острыми политическими проблемами одновременно переживают самые тяжелые экономические трудности. Судан и Бангладеш относятся к беднейшим странам мира. В течение многих лет в Судане происходит сокращение валового национального продукта, а Бангладеш постигли стихийные бедствия. Алжирская экономика не развивается уже долгие годы, доход на душу населения там упал, уровень безработицы составляет 50%, а для молодежи этот показатель еще выше. Миллионы людей не имеют приличного жилья. В экономике бывших советских мусульманских республик наблюдается резкий спад (за исключением Казахстана, где, впрочем, в 1993 г. инфляция составила 150%); экономика Таджикистана находится по существу в катастрофическом состоянии. В то же время ежегодный прирост населения в таких странах, как Алжир и Судан, превышает 3%. В 1974 году в Алжире было 16 миллионов жителей, ныне - 31 миллион. За этот же период население Судана удвоилось - с 18 до 35 миллионов, то же произошло с населением Ирана - оно увеличилось с 30 до 60 миллионов. В какой-то степени контроль за рождаемостью практикуется в этих странах, пусть и не с благословения властей, но произошло это слишком поздно, и результаты вряд ли проявятся в обозримом будущем. В конце Второй мировой войны население города Алжира составляло 300 тыс. человек, ныне - 2 миллиона. Население Тегерана (вместе с пригородной зоной) выросло с 1 до 10 миллионов.

Алжир и Иран - страны, производящие нефть и имею-

шие значительные доходы от продажи нефти и природного газа. Алжирские нефтяные доходы были растрочены при "социалистическом" режиме Хуари Бумедьена; Иран пережил значительный экономический подъем в 1960-1970-е гг., однако революция 1979 г. и последовавшие за ней события положили ему конец. Ныне безработица в Иране достигла почти 50%, доход на душу населения резко снизился.

Если при шахе Иран развивался достаточно быстро, то как могло случиться, что на смену шаху пришла теократическая диктатура? Ответ на этот вопрос в следующем: как бы быстро ни развивалась страна, население, в особенности средний класс, хотело, чтобы это происходило еще быстрее. Следует добавить, что оппозиция диктатуре шаха выступала под знаменами свободы, а не режима аятолл. И в результате демократы и левые революционеры проложили дорогу режиму, которого они вовсе не хотели и который расправился с ними быстрее, эффективней и еще более жестоко, чем могло сделать правительство шаха.

Сказанное об экономических и социальных проблемах относится практически ко всем мусульманским странам, кроме крупнейших экспортеров нефти, таких как Саудовская Аравия и малонаселенные эмираты Персидского залива. Это справедливо даже для Пакистана и Турции, где рост производства и дохода на душу населения был невелик, но сопровождался либо высоким уровнем инфляции (Турция), либо такими непроизводительными расходами, как большие ассигнования на военные нужды (в Турции, и в Пакистане).

Когда большие группы населения оказываются за чертой бедности без особых надежд на то, что положение их изменится, популистские движения, утверждающие, что спасение придет через веру, способны мобилизовать огромную армию безработных. Можно, однако, надеяться, что массы, которым обещают столь много, а делают для

них так мало, не будут слепо поддерживать режим, и вскоре начнется пассивное сопротивление, а затем сформируется активная оппозиция.

Во времена тяжелых кризисов политический ислам может оказаться серьезным претендентом на власть в мусульманском мире. Но радикалы идут еще дальше: они уверены, что на них возложена всеобъемлющая миссия. Фантазии о глобальной миссии вряд ли реализуются, но даже бедная и относительно слаборазвитая страна может оказаться весьма опасным соседом, если у нее будет современное оружие.

Иран ведет по числу терактов, осуществленных во многих странах мира - содержит лагеря для подготовки террористов, снабжает их оружием, поддерживает инфраструктуру террористических групп в Ливане, Египте и в других районах Ближнего Востока и Африки. Иран имел непосредственное отношение к взрывам и убийствам в Европе, Северной и Южной Америке и Азии. В долгосрочной перспективе это вряд ли принесет выгоду Ирану, но в настоящий момент такие действия несомненно заставляют помнить о такой опасности. Северную Корею никто не принимал бы всерьез, если бы не ее ядерная программа. То же относится и к Ирану в связи с его стремлением обзавестись ракетами дальнего радиуса действия, ядерными вооружениями, биологическим и химическим оружием. Терроризм и даже обладание средствами массового уничтожения не могут превратить Иран в мировую державу: наоборот, применение такого оружия приведет страну к гибели.

Пока правители Ирана не проявляют склонности к самоубийству, они скорее предпочитают владеть средствами массового уничтожения в первую очередь для того, чтобы обеспечить своей стране доминирующее положение на Ближнем Востоке. Их политика исходит из предположения, что малые страны Ближнего Востока не могут в

военном отношении сравняться с Ираном, но такая предпосылка может оказаться ошибочной. Иран также не принимает во внимание вероятность того, что вызванный им кризис может выйти из-под контроля и привести к катастрофе.

Западные критики признают недостатки своего общества и без напоминаний со стороны ислама. Аскетизм шиитского ислама и других радикальных сект, требующих строгого соблюдения религиозных ритуалов, (некоторые из них носят мазохистский характер), вряд ли сможет найти энтузиастов на Западе. Ислам - древняя религия, и некоторые прославляют ее как бунт против Просвещения и разума, но если Запад или Восток почувствуют потребность в определенной дозе фундаментализма, то у них есть свои религии, не говоря уже о различных эзотерических культах нового времени.

Сила радикального ислама - это сила популистской системы, которая привлекает простых людей, обещая хоть какую-то уверенность в опасном и нестабильном мире. Слабость политической религии состоит именно в том, что она обещает счастье на земле. Она вынуждена демонстрировать реальные успехи, поскольку не может ссылаться на смягчающие обстоятельства, когда дела обстоят не так, как хотелось бы. Отгораживаясь от современной цивилизации, радикальный ислам изолируется и от современной науки - источника силы и благосостояния. Исламские сановники искренне верят, что если современную науку надлежащим образом исламизировать, то она сможет исправно служить исламу, но подобная идеологическая обработка означает отставание. Да и вообще сомнительно, насколько эффективно можно использовать науку в теократической системе.

Результаты правления фундаменталистов в Иране не свидетельствуют в их пользу. Несмотря на значительные доходы от экспорта нефти, экономика страны пере-

живает застой и упадок. И нет оснований полагать, что если радикалы придут к власти в Алжире, Египте или другой мусульманской стране, положение там будет иным.

Что же случится, когда обещания и пророчества не исполнятся? Теоретическая возможность - либерализация: и действительно, рамки свободы постоянно расширяются, и в большей степени, особенно в Тегеране, чем можно было бы ожидать. Небольшие нарушения исламского кодекса игнорируются, а коррупция среди чиновников смягчает строгости исламской ортодоксальности, что напоминает советскую систему, которая никогда не была полностью идентична оруэлловскому "1984"; это же происходит и с радикальным исламом.

Но когда трудности обостряются, а режим в то же время не в состоянии либерализоваться, не подвергая опасности собственное существование, он обычно становится еще более радикальным. Даже если исламисты придут к власти и в других странах, они не смогут оказать существенной помощи муллам в Тегеране. Они не смогут заручиться серьезной финансовой поддержкой, и их собственное руководство окажется под угрозой. Самое большее, на что они смогут надеяться - "фундаменталистский интернационал" небольшого числа стран, временно координирующий политические и террористические акции.

Много говорилось о террористах-самоубийцах, от которых, как некоторые полагают, невозможно защититься; но то же говорили и о японских летчиках-камикадзе. На самом деле, лишь немногие захотели стать кандидатами в самоубийцы, и нет оснований полагать, что в будущем их окажется больше. В прошлом иранские руководители вели себя осторожно и отвергали какие-либо обвинения в государственном терроризме. Но если теократы почувствуют себя загнанными в угол, без борьбы они власть не отдадут. Осторожная политика и непризнание вины уйдут в прошлое.

Очевидно, что радикальный ислам слаб: не создав жизнеспособной альтернативной социально-экономической системы, он не способен конкурировать с остальным миром. Цели и стиль правления исламских правителей и удручающая жизнь фундаменталистского общества (вспомним траурные процессии и самобичевание черных шиитов) противоречат темпераменту, надеждам и чаяниям большинства людей. В чрезвычайной ситуации человек может разделять фанатизм, но фанатизм не способен накормить голодных или сделать жизнь более радостной. В наше время нельзя отгородить общество от запретных импортных развлечений. Если режим шаха подорвали магнитофонные записи речей Хомейни, то режим аятолл расшатывают телевизионные передачи из других стран, которые через спутниковые антенны смотрят миллионы иранцев.

Фашизм лучше, чем исламисты, понимал, что массы необходимо развлекать. Аятоллы не предлагают ни хлеба, ни зрелищ - одни лишь религиозные ритуалы; подобно фашизму они в состоянии мобилизовать массы, но как долго смогут удержать их мобилизованными? Следует отметить еще две не менее серьезные ошибки: радикальному исламу следует понять, что для успешного распространения идей необходим средний класс - предприниматели и интеллигенция, которыми, несомненно, сложнее манипулировать, но без сотрудничества которых радикальный ислам обречен.

Кроме того, долгие годы радикалов заботил западный Сатана, но они не заметили, что за это время возникли и другие центры глобального значения. Так, вместо того, чтобы поддержать добрые отношения с Индией, они угрожали ей. Китай и Россия также обеспокоены радикальным исламом. Короче говоря, клерикальные фашисты бросили вызов не только Америке и Европе - и другие политические силы в мире рассматривают их как потенциальных врагов. Даже если бы все исламские страны

были едины, такое отношение к внешнему миру неразумно: рассчитывать лишь на поддержку меньшинства - самоубийство.

Хвастливые заявления иранских правителей, что больше миллиарда мусульман жаждут присоединиться к их битве, - фантазия чистой воды. Самые многонаселенные мусульманские страны - Индонезия, Пакистан, Турция - не желают быть вовлеченными в дело, в которое сами не верят. Пример Ирана не привлекает даже фундаменталистские группы этих стран, и хотя они и не отказываются от иранских денег и оружия, следовать за аятоллами не желают.

Радикальный ислам усилился в основном в Центральной, Западной и Восточной Африке, где число приверженцев ислама в течение одного поколения возросло вдвое. Стратегия, применяемая в этих отсталых странах, была сходной, а то и просто одинаковой. Первый этап - строительство мечетей, исламских центров и школ. Для привлечения новообращенных издавались газеты, вещали радио- и телестанции. Предпринимались также попытки заменить английский и французский языки арабским. Следующий этап (значительное число жителей уже обращено в истинную веру) - образование политических партий и начало подготовки боевых отрядов. Продолжается кампания по превращению страны в исламскую республику, основанную на шариате. Вооруженные отряды - основной инструмент захвата власти. Сначала их главная цель - уничтожение противников, таких как христианские миссионеры, и дестабилизация государства (в случае, если власти не желают пойти на уступки радикальному исламу).

Такова была стратегия от Мали и Нигера на Западе Африки до Сомали и даже Танзании. Этому религиозному империализму во многом способствовала экономическая отсталость страны и низкий культурный уровень ее населения. В Африке южнее Сахары - в странах Сахеля -

ислам стал религией беднейших из бедных и наиболее отсталых элементов.

Однако распространение радикального ислама тормозилось отсутствием единства среди его последователей: Саудовская Аравия - наиболее активный и щедрый финансовый спонсор - не координировала своих действий с иранцами и их суданскими союзниками (сосредоточившими усилия на Восточной Африке) и с Каддафи, который к тому же является сторонником той разновидности ислама, которая не по нутру ортодоксальным священникам. Радикальному исламу пришлось также столкнуться со старой проблемой особого характера африканского ислама с его культом святых и элементами анимизма, которые особенно заметны в таких значительных африканских мусульманских странах как Сенегал и Нигерия (северная). Фундаменталисты Севера могут смириться с "африканским путем к исламу", но с ним никогда не согласятся ни иранцы, ни саудовцы, ибо в африканском исламе роль женщины куда значительнее, чем в арабском мире и в Иране. Несмотря на глубокие внутренние противоречия, вторжение радикального ислама в Африку - явление огромной важности.

Исламизм (но не сам ислам) - единственная сила в сегодняшнем мире, которая открыто выступает за экспансию, гегемонию, экспорт революции и призывает к джихаду - священной войне против внутренних и внешних врагов, к войне против других культур, компромисс с которыми невозможен. Джихад - отправная точка и основная тема радикального ислама.

Иногда пытаются объяснить понятие джихада как чисто духовную концепцию, но духовной она остается лишь до тех пор, пока радикальный ислам не почувствует себя готовым для всеобъемлющего джихада. Ясно, что невозможно одновременно бороться и со всем миром, и с внутренними врагами ислама. Поэтому "исламская угроза" преувеличена

Западом, и не только потому, что он представляет ислам более фанатичным и агрессивным, чем тот есть на самом деле, а просто потому, что ислам внутренне слаб. Исламский радикализм скорее похож на итальянский фашизм - колосс на глиняных ногах, нежели на германский нацизм. Его постигнет судьба Италии Муссолини, но ждать этого придется, наверное, долгие годы, претерпевая немалые страдания. Ни государство хорватских усташей, ни клерофашисты в Словакии не имели доступа к ракетам и ядерному оружию. Сочетание фанатизма и современного оружия массового уничтожения представляет собой опасность, не существовавшую в прошлом.

Клерикальный фашизм - наиболее заметная среди новых разновидностей фашизма в Третьем мире, но ни в коей мере не единственная. Президент США Джордж Буш во время войны в Персидском заливе назвал Саддама Хусейна фашистом. На подобные эпитеты, к тому же высказанные в пылу битвы, не стоит обращать особого внимания. И все же такое определение иракского режима выходит за рамки обычной риторики. Особенности политической системы Ирака не исчерпываются военной диктатурой и однопартийностью. Такие характерные черты, как движение в направлении тоталитаризма, широкое использование террора и пропаганды, культ личности вождя, необузданный национализм, военная агрессия, сближают этот режим с большинством фашистских режимов и движений 1930-х гг. Репрессии в Ираке более жестоки, чем были в Египте при Насере, и если Хусейн все же пользуется немалой поддержкой, особенно в кругах ближневосточной арабской интеллигенции, то это потому, что он выступает с антизападными и панарабскими лозунгами.

Перед Второй мировой войной к неевропейскому фашизму (и не без причины) относились с известной долей пренебрежения как к "фальшивке". Фашизм предпола-

гает наличие определенной стадии общественного развития, инфраструктуры и способности к эффективному управлению. В противном случае фашистская диктатура невозможна. С тех пор ситуация изменилась, - фашизм вне Европы оказался не только возможен, но кое-где превратился в реальную действительность. Иракский и сирийский режимы обладают явственными фашистскими чертами, хотя по своей направленности они скорее секулярные, нежели религиозные, а власть принадлежит военным с политическими амбициями, а не религиозным сановникам. И иракское и сирийское руководство принадлежат к партии Баас - элитаристской панарабской группировке, возникшей в 1930-е годы отчасти под влиянием европейского фашизма.

После войны партия Баас, однако, не намеревалась копировать предвоенные фашистские режимы. Она поняла, что единственный шанс захватить власть - военный переворот, а не массовое движение, и вербовала рекрутов и своих сторонников в кругу молодых армейских офицеров. До прихода к власти Саддама Хусейна и Хафеза эль-Асада и в Багдаде, и в Дамаске происходили частые смены одного военного диктатора другим. Чтобы удержаться у кормила власти дольше, чем предшественники, новым диктаторам было необходимо создать еще более беспощадный механизм управления - не старомодный военно-полицейский режим, а современный, представляющий возможность использовать для подавления оппозиции террор и пропаганду.

С середины 1970-х гг. и Ирак, и Сирия прошли долгий путь; в обоих государствах установились пусть не совсем идентичные, но националистско-социалистические режимы. Оба режима жестоко подавили движения национальных меньшинств в своих странах, но культ вождя в Багдаде проявляется сильнее, чем в Дамаске. Культ Саддама Хусейна можно сравнить с культом Сталина или

Мао. Оба государства стремятся расширить свои территории, но политика Ирака более агрессивна, чем сирийская. Иракская агрессия против Ирана и Кувейта закончилась поражением, но диктатура была настолько сильной, что Саддаму удалось не только удержаться у власти, но даже стать объектом поклонения для немецких неонацистов, сторонников Ле Пена и русских неофашистов. И это не случайно: Саддам символизирует все, что их восхищает - вождизм, жестокость, агрессивность и антизападничество.

И в Сирии, и в Ираке правят националисты. Они не доверяют стремлению фундаменталистов разрушить арабские национальные государства и создать исламское сверхправительство, для которого границ между мусульманскими странами просто нет. Подавляя внутреннюю исламистскую оппозицию, Саддам и Асад одновременно поддерживают всеобщее возрождение ислама. В настоящее время такая политика способствует снижению напряженности в конфликте с радикально настроенными священнослужителями, но в будущем этого может оказаться недостаточно. Иранцы и бойцы фронтов мусульманского освобождения в других странах знают, что бывшие баасисты - на самом деле не ортодоксальные мусульмане, что их цель - создание светского государства. Обе стороны практикуют катман (в шиитской теологии так называют хитрую уловку) и прекрасно осознают неискренность обоюдных заявлений, но сейчас, когда и те, и другие оказались в изоляции, обещание поддержки, пусть только на словах, предпочтительней открытой вражды.

Духовные метания арабской и мусульманской интеллигенции от секуляризма к фундаментализму и от коммунизма к фашизму были мучительны, хотя весьма интересны для наблюдения. В Турции, Египте, Пакистане, Бангладеш интеллигенция оказала серьезное сопротивление политическим амбициям ислама, а в Алжире и Иране

голосовала ногами против этих амбиций, но кое-где в интеллигентских кругах ислам стал популярным. Многие бывшие марксисты открыли в себе подобный фундаменталистский дух, а значительная часть интеллигенции Африки и ближнего Востока, не питая особых иллюзий по отношению к садамовской "республике страха", поддержала его вторжение в Кувейт.

Насколько искренни эти фундаменталистские или пан-исламские настроения? Обусловлено ли единство Саддама и его режима с народом всеобщей солидарностью братьев-арабов (или мусульман) или антизападничество Саддама-элемент его глубокой симпатии к мировоззрению фашистского типа. А может быть, это всего лишь интеллектуальная мода, не серьезней былой страсти к марксизму-ленинизму? Возможно, эта часть интеллигенции, как и многие русские правые, на самом деле понимает, что их будущее с Западом и секуляризмом, а не с азиатским миром, понятие которого, собственно, никогда не было четко определено. Но все же они испытывают неприязнь к Западу, поскольку не чувствуют себя в отношениях с ним комфортно. Возможно, здесь присутствует и немалая доля оппортунизма, желание оказаться поближе к власти в русле господствующего течения. Мотивы поведения весьма различны для разных стран и разных людей.

Большая часть приведенных наблюдений относится к шиитскому исламу, практикуемому в Иране. Однако существуют и другие движения. В некоторых отношениях они весьма похожи на шиитский ислам, в некоторых - резко отличны от него. Воинствующие группы суннитского ислама также проводят активную пропаганду, организуют массовые выступления и акты террора. Они также характеризуются элементами фашизма и стремятся к установлению диктаторских и агрессивных режимов. Но в то же время век телевидения, факсов и компьютеров придал и суннитскому исламу новые черты.

ИСТОЧНИКИ СУННИТСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Первоначально исламский фундаментализм возник перед Второй мировой войной в Египте и Индии как движение религиозного возрождения и культурной революции. Ближний Восток и Северная Африка выходят на политическую арену лишь в 1960-е гг.. В то же время активизируют свою политическую деятельность Хомейни и его последователи. В Пакистане это произошло еще раньше - после получения независимости и раскола Индийского субконтинента. Большинство мусульман стремились иметь собственное государство, но не теократию. Поэтому борцами за независимость Пакистана и его первыми лидерами стали твердые сторонники светского государства Мухаммад Али Джинна и Лиакат Али-хан.

Объяснить политизацию ислама можно поражением секулярного национализма. Но это нельзя отнести к происходившему в Египте. Хишам Шараби, видный американский специалист, писал в 1966 году, что "ислам в современном арабском мире - уже пройденный этап". Сейчас это заявление можно рассматривать как своего рода близорукость, но тогда оно представлялось вполне корректным, и его мнение разделяли многие специалисты. В 1960-е гг., на которые приходится пик популярности Насера, каирская радиостанция "Голос арабов" вела пропаганду на огромной территории от Атлантики до Индийского океана. При Насере "мусульманские братья" были жестоко подавлены и не имели ни малейшего влияния. Они привлекли к себе внимание позднее, лишь при преемниках Насера, когда в 1971 г. ислам стал государственной религией Египта, а исламские радикалы получили гораздо больше прав, в частности, эфирное время на радио и телевидении.

В Алжире исламисты стали важным фактором лишь в

результате арабизации страны. Как и в Египте, алжирские исламисты выступают против властей, которые приложили немалые усилия в их поддержку. Президент Египта Анвар Садат был убит в 1981 г., президент Алжира Мухаммад Будиаф - в 1992 г. Израильский вопрос не играл важной роли в радикализации арабских государств. Для Ирана и Алжира, стран с наиболее развитым политическим исламом, проблема Израиля безусловно не была первостепенной.

Радикализация ислама совпала с либерализацией экономики и резким усилением неравенства в распределении доходов и уровне жизни. Она совпала также по времени с ростом неприязни к Западу, к тому же правящая элита начала выказывать признаки ослабления.

Эти тенденции сильнее всего проявились в Алжире, где прежнее руководство Фронта Национального освобождения, победившее в борьбе с французами, после тридцати лет правления не могло похвастаться какими-либо серьезными достижениями. В результате демографического взрыва (Иране и Египте) в составе населения увеличилась доля молодежи - грамотной, но недостаточно образованной, без работы и без надежд. Миллионы деревенских жителей хлынули в города, но и там они не смогли найти работы и жилья. В 1980-е гг. в Алжире был основан радикальный исламский Фронт национального спасения (ФНС). В его состав вошло относительно либеральное крыло, считавшее себя преемником лидеров алжирской революции 1950-х гг. Лозунгом этой революции был "Алжир прежде всего", а не панисламизм. Но есть в ФНС и более радикальное крыло (Салафия), которое возглавляет шейх Али бен Джрах, выступающий за истинный ислам.

Алжирское правительство пошло на далеко идущие уступки исламистам, но никаких реальных шагов для достижения соглашения с умеренным крылом ФНС не было предпринято. Кроме того, правительство санкционировало свободные выборы, но сделало это в момент, когда менее

всего могло это себе позволить. Выборы не оправдали ожиданий, и правительство их аннулировало. Дилемма, перед которой стоит алжирское правительство, неразрешима. Если бы исламисты получили власть в результате победы на свободных выборах, то эти свободные выборы оказались бы последними. Согласно учению радикальных исламистов, и шиитов и суннитов, демократия - смертный грех перед Богом и религией. Следовательно, после победы радикалов политические законы были бы изменены.

ФНС создал сеть филиалов по всей стране и даже получил значительную финансовую помощь от Саудовской Аравии и других стран Персидского залива, богатые арабские владыки которых ошибочно полагали, что смогут купить поддержку Фронта или хотя бы гарантию от нападений с его стороны. Алжирские власти, в особенности Бумедьен, также поддерживали радикалов. Опасаясь усиления влияния ультралевых в университетах, они содействовали исламистам, видя в них противовес левым. Марксисты перешли к обороне и были окончательно раздавлены исламистскими радикалами, которые вскоре выступили против тех, кто обеспечил им возможность победить. Разгром левых в Алжире, в Египте и в других северо-африканских и ближневосточных странах, безусловно, явился следствием крушения Советского Союза и мирового коммунизма, но на практике он оказался возможным благодаря организационной и финансовой поддержке антилевых сил со стороны правительств этих стран.

Основной неудачей алжирских властей оказалась неспособность справиться с экономическими и социальными проблемами страны. В 1988 году в Алжире было произведено столько же продовольствия, как и тридцатью годами ранее, но население страны за это время удвоилось. Положение ухудшилось еще больше вследствие ошибочной стратегии борьбы с врагом, который уже не был опасным.

После ареста политических лидеров ФНС движение выдохлось и потеряло многих своих сторонников. В результате инициатива перешла к исламистским террористам - отрядам исламистской армии под руководством Абдель Хак Лайяда, который позднее сбежал в Марокко. Эта радикальная группа проявляла некоторую активность еще с 1970-х гг., действуя независимо от военного крыла ФНС.

Началась кампания убийств. Она была направлена против иностранцев, представителей интеллигенции, не поддерживавших исламских экстремистов, и сторонников оппозиционных режимов. Еще одной важной мишенью оказались школы - террористы взрывали школьные здания и убивали учителей. Теракты унесли тысячи жизней, а неспособность властей справиться с террором привела к дискредитации режима.

Алжирское движение было несомненно религиозным по форме, фанатичным в борьбе с властями и насильственным в борьбе с модернизацией.

Глубинная мотивация алжирского движения не столь очевидна, однако, как в Иране, где роль духовенства намного значительнее, чем в Алжире. Большинство ведущих должностей в Алжире занимают не священнослужители, а миряне. Обращение масс к исламу произошло скорее от ощущения, что прежнее руководство их предало, от нищеты и озлобления. Определенную роль в этом сыграл и недостаток элементарной самокритичности, то есть неспособности понять, что в бедах Алжира после освобождения от колониализма ни в коей мере не повинны ни империализм, ни модернизм - вину за них несут руководители и народ Алжира.

В Египте корни исламского радикализма уходят в 1930-е гг., но в те времена его политическое влияние было ограниченным. В Египте существовала та же социальная напряженность, что и в Алжире, но там давно создалась

традиция терпимости, которая противодействовала всякому фанатизму. Египетский национализм коренится глубже и имеет более долгую историю. В 1970-1980-е гг. на территории Египта активно действовали различные террористические группировки, пользовавшиеся сочувствием студентов, младших офицеров и небольшого числа интеллигентов. Но исламский радикализм возник в конкретных географических рамках, главным образом, в округах Асьют и Нинья в Верхнем Египте, а также в среде каирских бедняков. Радикалы не добились успеха на выборах, нападения на иностранцев не были многочисленными, а реакция на подобные выступления была негативной. Радикалы убили нескольких ведущих представителей ненавистного им режима, но подорвать его всерьез не смогли.

По существу все ключевые посты в радикальных движениях в Иране захвачены священнослужителями; то же относится к Хезболла - шиитской группировке в Ливане. Это одновременно политическая партия, ополчение и террористическая организация. Для суннитских радикалов Египта и Алжира столь прямое вмешательство священнослужителей не стало правилом. В Египте шейх Киш не без успеха проповедовал фундаментализм по каналам государственного радио и телевидения, в Алжире религиозные сановники исполняли немаловажную роль, но все это даже в отдаленной степени нельзя сравнить с тем, что творилось при Хомейни. Радикальные суннитские движения не собирались немедленно устанавливать теократию. В своем государстве они намеревались предоставить священнослужителям ("докторам исламского права") должности советников при лидерах - посты верховных арбитров, но не носителей власти. При таком порядке священнослужители не несли бы прямой ответственности за возможные провалы. Но несмотря на все это, некоторые фашистские черты суннитского радикализма идентичны с шиитским - в первую очередь это демаго-

гический популизм и бескомпромиссное, на основании религиозных догм отрицание демократии и свободных институтов вообще. Сунниты менее тоталитарны, нежели шииты, однако их фанатичная вера в насилие не намного слабее.

Некоторые западные эксперты, защищая радикальный ислам, доказывают, что исламское антизападничество относится исключительно к порнографии и тому подобным издержкам свободы слова, а вовсе не к политическим свободам как таковым. Однако исламский радикализм выступает против демократии потому, что демократия лишит улемов - тех, кому самим Аллахом доверено истолковывать Коран, этого неотъемлемого права, и предоставит свободу тем, кто не может понимать слов Пророка и отправлять религиозное руководство. Подобная нетерпимость не допускает никаких форм политической свободы: радикальный ислам осуществляет строгий надзор над общественной жизнью и определяет каждый ее аспект. Эта нетерпимость распространяется на меньшинства (например, копты в Египте) и на иностранцев. Результат ее - искренняя вера в гигантский заговор против ислама, который возглавляет христианство, другие религии и политические организации "неверных", и ненависть к евреям - не как к сионистам, а как к расе. Радикальный ислам - новая религия, в которой призыв к любви и уважению заменен призывом к строжайшему соблюдению религиозных обрядов.

Фанатизм радикального ислама не делает его приверженцев истинно правоверными мусульманами, как не были наиболее христианнейшими средневековые фанатики-сектанты или же подлинными последователями иудаизма - фанатики -евреи. Однако радикальные исламисты добились в наше время большей власти и политического влияния, чем фанатики, упомянутые выше. Ислам - самая ортодоксальная и жесткая из всех великих мировых религий, но несмотря на это он легче, чем другие, приспособ-

савливался к меняющейся исторической обстановке и был наиболее терпимым. Попытка его ревизии радикалами имеет мало общего с подлинной религиозностью, а скорее связана с социальной, этической и политической напряженностью, возникшей во многих мусульманских странах, и с политическими амбициями теократов. Это в одинаковой степени религиозное возрождение, как и политическое движение, которое использует религиозные мотивы, лексику и глубоко укоренившиеся традиции.

Исламисты должны понять, что жизнь Аравийской пустыни VII века не может больше служить примером. На короткое время она может вдохновить фанатиков, но руководством к жизни в городской среде VII век быть не может, как не помогут воспоминания о нем созданию рабочих мест и улучшению среды обитания. Аятоллам нужна элита для управления государством - офицеры армии и полиции, ученые, врачи и многие другие, которым следует предоставить определенный статус и хоть какую-нибудь свободу действий. Поступая так, исламский радикализм сеет семена собственной гибели, и чем более экстремистским будет его характер, тем более полным будет его крах. Ростки клерикального фашизма появляются во многих странах мира, но пока трудно сказать, есть ли у них шансы расцвести, кроме как на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В Южной Азии перспективы менее благоприятны: Маудуди, ведущий исламский мыслитель Пакистана, всегда подчеркивал, что исламское государство не должно быть тоталитарным и управляться улемами. Кровавая гражданская война в Афганистане идет скорее из-за власти, этнических и племенных устремлений, нежели из-за религии⁷. Это же справедливо и в отношении реисламизации бывших советских республик Средней Азии.

Многие ожидали, что в результате распада Советского Союза главным политическим фактором на территории

Средней Азии станет радикальный ислам; но пока этого не произошло. Во всех среднеазиатских республиках прежняя коммунистическая элита осталась у власти. Описать эту элиту нелегко. Она и при Брежнев не была марксистско-ленинской, а теперь-то и подавно. Это светская, националистическая по взглядам группа, предпочитающая авторитарное правление и смешанную экономику и заботящаяся прежде всего о сохранении собственных привилегий. Этой элите бросает вызов оппозиция, состоящая из различных контрэлит. Некоторые группы оппозиции отличаются либеральными взглядами (главным образом, местная интеллигенция), другие - взглядами более националистическими и авторитарными (и антирусскими), чем правящая элита; некоторые являются исламистами. Но эти исламисты не столь радикальны, как их иранская (и алжирская) разновидность. Иран предпринял немалые усилия, чтобы внедриться в Таджикистан - единственную из среднеазиатских республик, где говорят на фарси; но больших успехов иранцы не добились. Среди населения Таджикистана преобладают не шииты, а сунниты, кроме того, среднеазиатские исламисты всегда заявляли, что не хотят навязывать своим странам исламское общественное устройство. Трудно сказать, насколько эти заявления - результат подлинной умеренности или же осознания своей слабости и отсутствия общественной поддержки. Религиозное возрождение в Средней Азии и на Кавказе лишь немногим интенсивней, чем в России. Так что предостережения среднеазиатских лидеров о серьезной "фундаменталистской угрозе" оказались сильно преувеличенными, но преследовали они весьма конкретные цели - получить поддержку Москвы, и, самое главное - Запада.

Среднеазиатским республикам в будущем предстоит огромные трудности. Они могут привести либо к новому сближению с Россией, либо к развалу и хаосу. Возможность установления здесь клерикальных фашистских ре-

жимов полностью исключить нельзя, но наиболее вероятным представляется сохранение националистических, авторитарных режимов.

Русские ультраправые по-разному относятся к исламскому радикализму. Одни рассматривают его как серьезную угрозу территориальной целостности России и ее национальным интересам в Средней Азии (откуда русских систематически изгоняют), на Кавказе и на Балканах. Другие мечтают о союзе между русским фашизмом и исламским фундаментализмом. Александр Дугин, известный глашатай русских профашистов, отмечает, что евразийцы верят, что фундаменталистский ислам с его антиматериализмом, отрицанием банковской системы и международного ростовщичества, отрицанием международной экономической системы - их естественный союзник. Единственный, по Дугину, геополитический враг русских и мусульман - США с их либеральной, космополитической, антирелигиозной и антитрадиционалистской системой".⁸

Однако подобные эксцентричные взгляды не следует принимать всерьез: интересы этих двух экстремистских движений сталкиваются в очень важных вопросах - исламские радикалы предпочитают полную свободу (вплоть до отделения) для татар и других мусульманских меньшинств внутри России уничтожению "ростовщичества" и банковской системы. Замысел идеологической оси Москва - Тегеран, выражаясь мягко, притянут за уши. Русские правые экстремисты, провозглашающие необходимость ориентации "на ислам", одновременно поддерживают своих сербских братьев в стремлении истребить боснийских мусульман; и в этом состоит одно из множества противоречий в их политике.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

Политические религии часто выполняли роль запала в различных геополитических конфликтах и явно не

способствовали миру в Югославии. Сербская православная церковь поддерживала борьбу боснийских сербов, считая католиков и мусульман своими заклятыми врагами. Католическая церковь никогда не раскаивалась за убийство сотен тысяч православных сербов хорватами в годы Второй мировой войны и полностью поддерживала бескомпромиссные требования хорватского руководства. Как заметил один независимый исследователь, "идол нацизма и фундаментализма вырвался из-под контроля, как злой джинн, и отныне существует угроза, что сейчас церковь встанет на путь поклонения идолам"⁹. Алия Изетбегович, нынешний президент Боснии, в 1970 г., находясь в тюрьме, написал "Исламскую декларацию". В ней он заявлял, что между исламской религией и неисламскими общественными и политическими институтами никогда не наступит ни мир, ни сосуществование и что как только мусульмане составят больше половины населения какой-либо страны, она станет исламской республикой. Когда Босния получила независимость, эти воззрения не были частью ее официальной доктрины. Но постепенно возобладала идея исламской исключительности.

Безоговорочная поддержка националистических стратегий со стороны религиозных лидеров стимулировала и сепаратизм, и начало войны. Никто из них не отождествлял себя с фашистской теорией и практикой, но все же они проложили путь диктатуре и актам геноцида и, следовательно, способствовали созданию политического климата, в котором фашистская политика воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Светские реформы Кемаля Ататюрка в Турции двадцатых годов с самого начала вызвали исламскую оппозицию, а в последнее десятилетие там резко активизировалась Партия национального спасения, начертавшая исламизм на своем знамени. Политический ислам более популярен в турецкой деревне, нежели в городах, но в

1994 г. партия контролировала и Стамбул, и Анкару, а после выборов 1996 г. получила самое многочисленное представительство в парламенте Турции.

Профашистские группы, действовавшие под маской пантуранизма, существовали в Турции еще во времена Второй мировой войны. Позднее правый радикализм начал проявляться и в религиозных организациях, и в националистических партиях. В 1970-е гг. Турция превратилась в арену непрекращающихся вооруженных столкновений между ультраправыми и ультралевыми. Еще позднее к террору, особенно против интеллигенции, подключились фашистские группировки и группировки религиозных фанатиков, поддерживаемые Ираном и арабскими радикалами. Тот факт, что идеи, деньги, оружие, как правило прибывали из-за границы, не прибавил экстремистам популярности. Другим важным источником поддержки ультраправых стала турецкая диаспора, в основном в Германии, где столкновение традиционной культуры мигрантов с западной цивилизацией привело к радикализации диаспоры.

Преемники Ататюрка отступили с некоторых позиций и пошли на немалые уступки исламистам, но модернизация в Турции пустила более глубокие корни, чем в других мусульманских странах. Даже турецкие фундаменталисты, небольшая маргинальная группа, если исходить из сравнения с исламистами Ирана и арабских стран, не являются крайними. В Турции имели место преследования меньшинств, но на национальной, а не на религиозной почве. Национализм - решающий элемент официальной идеологии Турции, и это делает усиление фашизма в стране маловероятным, не говоря уже о том, что и традиционные ультраправые в Турции не были фундаменталистами.

В прошлом фундаменталисты и ультраправые сотрудничали, но в настоящее время неспособность их лидеров прийти к соглашению, как и существенные раз-

линия в программах препятствуют прочной и долговременной кооперации этих групп. К тому же и антизападничество перестало быть монополией сил фашистского толка, и потому им трудно сейчас победить центр, наступая справа.

Во многих странах идет жестокая борьба с секуляризмом, но мотивировка, направленность этой борьбы различны. "Фундаменталистского интернационала", равно как и "Фашитерна" не существует. Религиозные фундаменталисты в США выступают против светского гуманизма; немногочисленные безумцы-маргиналы совершают акты террора против врачей, производящих аборт. Но даже самые фанатичные из евангелистов не мечтают о создании фашистских организаций. Их действия скорее всего вызваны отчаянием, убеждением что грядет Страшный суд, что произойдет катастрофа, что Иисус возьмет избранных их царства земного, а затем вернется строить царствие небесное. Для тех кто глубоко верит в это, в мире нет места штурмовикам и чернорубашечникам.

Русской православной церкви всегда был присущ фундаментализм. Поскольку эта церковь никогда не подвергалась реформированию, она и по сей день остается фундаменталистской. Но даже самые горячие проповедники шовинизма, фанатизма и гонений на другие религии и национальные меньшинства, такие как покойный митрополит Иоанн Петербургский и Ладожский, не защищают фашизм открыто. Иоанн и его последователи могут одарить благословением тех, кто выступает за установление агрессивного диктаторского режима, но их идеал - черная сотня 1906 г., а не современное фашистское государство.

Наиболее воинствующая фундаменталистская группа в русской церкви - Союз православных братств. Один из его ведущих лидеров - Валерий Скурлатов, личность с богатым политическим прошлым. Он занимал высокий пост в комсомоле, затем стал глашатаем национал-большевизма

и язычества и распространителем мифической дохристианской "Велесовой книги". В 1960-е гг. он составляет кодекс морального поведения, повсеместно признанный профашистским. Возможно, что Скурлатов искренне обратился к религии, но столь же возможно, что подобно многим национал-коммунистам, он воспринимает церковь и как политическое убежище, и как место вербовки сторонников.

В целом церковное руководство, сохраняя видимость политической благопристойности, поддерживает ультраправые и даже фашистские группировки. Лишив сана священников-демократов, оно не сделало выговора ни митрополиту Иоанну, ни ему подобным, даже когда имело место откровенное разжигание расовой ненависти. Русская православная церковь всегда уважала власть, и, по-видимому, если оставить в стороне идейные соображения, давно пришла к заключению, что "патриоты" сильнее демократов.

Один русский исследователь, описывая демонстрацию православных фундаменталистов, отметил, что одни называют себя патриотами, другие открыто признают себя фашистами, третьи по-прежнему верны коммунистическим лозунгам. Великой загадкой, он считает вопрос, какой будет новая Россия, если в одном углу портреты Сталина, в другом - последнего царя, и если знамена пролетарской революции развеваются бок о бок с хоругвями религиозных шествий.¹⁰

Некоторые видные представители русских ультраправых яростно выступают за единый фронт русского православия и исламского фундаментализма. Даже при Брежневе приветствовался "прогрессивный характер" (то есть антизападные позиции) режима Хомейни. Подобные спекуляции, разделяемые некоторыми сановниками православной церкви, не учитывают, враждебного отношения к русским в среднеазиатских республиках и того, что сотни тысяч жителей покинули эти места. И все же православная церковь по-прежнему воспринимает католицизм как неприемлемого врага, а ислам - как потенциального союзника.

С 1960-х гг. в Израиле и кое-где в диаспоре приобретают популярность разные формы и проявления еврейского фундаментализма - мессианство, возрождение ортодоксальных форм религии, крайний антиссионизм, вера в раввинов-чудотворцев, а среди израильского религиозного истеблишмента распространяется и агрессивный расистский шовинизм. После войны 1967 года религия политизируется более, чем когда-либо раньше. Однако это движение не едино. Сефардские раввины обычно занимают более умеренные позиции, чем их ашкеназские (европейского происхождения) коллеги. Политизация религии отравляет политическую жизнь Израиля. Несмотря на немногочисленность каждой из религиозных партий их общее число усиливает их влияние. При формировании коалиции более крупные политические партнеры должны дорого платить за поддержку религиозных партий. В результате религиозные партии навязывают в административном порядке всему обществу религиозные предписания, что, в свою очередь, подрывает уважение к политической религии среди граждан.

Религиозный фанатизм - одна из основных причин актов насилия среди государств от Северной Ирландии до Индийского субконтинента; у религиозного фанатизма и фашизма множество общих черт - нетерпимость, агрессивность, пренебрежение правами человека и демократическими институтами. Но есть и различия - в противоположность фашизму, религиозный фанатизм обращен в прошлое.

Буддизм традиционно был самой терпимой, космополитической и антинационалистической из всех мировых религий. На Западе представление о буддизме долгое время формировали взгляды Ганди, Ауробиндо, Вивекананды и других религиозных философов. Все они проповедовали ненасильственные методы политической борьбы. Но Ганди убили, а вслед за ним были убиты Индира Ганди, ее сын

Раджив Ганди и премьер-министр Шри-Ланки. Со времен освобождения от колониализма Южная Азия превратилась в арену этнических конфликтов и общинных бунтов - они возникали там не реже, а, может, и чаще, чем в других регионах. С начала 1980-х гг. агрессивность некоторых этнических и религиозных групп на Индийском субконтиненте еще более возросла, но вызвано это было скорее национальными, а не религиозными причинами. Экстремистское индуистское движение и Бхаратия Джаната Парти (БДП) добились большого успеха на выборах 1980-х гг. и стали ведущей оппозиционной партией в стране и партнером в правящих коалициях некоторых штатов Северной и Западной Индии.

БДП больше стремится к осуществлению идеи Великой Индии, нежели к экспорту буддизма. Члены этой партии смотрят свысока на мусульман, но не из-за их религии, а потому что считают мусульман нетерпимыми и отсталыми в культурном отношении. К ультраправым индуистам приходят низы среднего класса из деревень и небольших городов. Молодежные организации ультраправых сравнивали с гитлерюгендом (это сравнение для тех, кто знаком с нацистской Германией, действительно притянуто за уши), но некоторых партийных лидеров такое сравнение не покорило. В ультраправых кругах весьма заметны антизападничество, пренебрежение демократией, это же относится к необходимости пользоваться английским языком, но истинными жертвами их нетерпимости оказываются меньшинства, подобные мусульманам.

Правые не утверждают, что мусульман необходимо изгнать, но и не считают, что мусульмане должны иметь равноправие. Согласно доктрине БДП, индийская нация - органичное целое, ее национальная душа открыта божественному предназначению; необходимо смягчить классовые различия и восстановить национальную соли-

дарность. Все это хорошо знакомо тем, кто изучал идеологию европейского фашизма. Есть, конечно, и различия: в Индии, в отличие от Европы, культ вождя не пользуется особой популярностью, да и политиков вообще не слишком уважают. Подлинное национально-религиозное возрождение определяется духовными принципами, и революция, если она произойдет, будет культурной, а не политической. Однако с приходом БДП в политику эти благородные принципы нередко игнорируются.

В конфликте между тамилами и сингалезами почти невозможно понять, где кончается религия и начинается национализм. Решающую роль в раздувании этого межнационального конфликта играют социально-культурные причины. Большинство сингалезов считают, что тамилы - зло, а тамилы считают, что зло - сингалезы. В этом конфликте религия оказалась не сдерживающим, а подстрекательным фактором ненависти и насилия. У убийц из организации "Тамильские тигры" гораздо больше общего с легионами Пол Пота в Камбодже, нежели с какой-либо из известных нам религий.

В случае сикхов (они немногочисленны - их всего 13 миллионов по всей Индии - но весьма активны) ситуация еще сложнее. Этнически сикхи относятся к хинди, и, как и хинди, оказываются жертвами сикхского терроризма. Утверждают, что террористические акции сикхов носят оборонительный характер и вызваны желанием сохранить традиционный образ жизни, оружие, длинные волосы, одежду из шкур, и не быть "рабами" хинди. Сикхский экстремизм, как и фашизм, и радикальный ислам не только допускает "праведное убийство", но и считает его священным долгом.

Эти и подобные им движения смогли возбудить религиозную и националистическую горячку, вызвать столкновения на улицах и даже гражданские войны. Но в 1990-е гг. в Индии возвышение БДП приостановилось.

Выступая от имени мусульманского меньшинства, исламские фундаменталисты (чуть более 10% населения страны), не могут надеяться создать здесь теократическое государство. Пакистан в 1970-е гг. прошел процесс исламизации, но политическая власть все еще не перекочевала в руки Джамаат-и-Ислами - главной религиозной организации. Кроме того, из-за большого числа сект не могло возникнуть подлинно массовое исламское движение. В Бангладеш политики пытались умиротворить исламских радикалов различными путями, но сами массы не проявили по отношению к исламистам особого энтузиазма, поскольку радикальный ислам не очень резонирует с бенгальской культурой.

Расцвет фашизма в Иране и Индии объясняют социально-экономическими причинами, главным образом, бунтом средних классов - "базарис" в Иране и лавочников в Индии (БДП нередко называют партией лавочников)¹¹.

Многие полагают, что эти группы осознают, какую угрозу их привычному образу жизни представляет быстрая индустриализация и широкие социальные перемены (отсюда и параллель с Германией перед захватом власти нацистами). Иранские торговцы в 1970-е гг. боялись контроля над ценами и арестов в случае его нарушения, тогда как индийские лавочники, наоборот, опасались отмены контроля со стороны правительства. У "базариса", действительно, были общие интересы со священнослужителями Тегерана, а попытки Индийского национального конгресса улучшить положение низших каст (в частности "неприкасаемых"), составляющих больше половины населения, смутили многих индуистов. Принятые Конгрессом меры повысили шансы образованных представителей низших каст получить работу в государственном аппарате. Этим некоторые объясняют рост оппозиции Конгрессу и возникновение радикального движения за сохранение власти нынешней элиты. Но поскольку главным против-

ником индуистской ультраправой являются мусульмане, такое объяснение не представляется убедительным. Индийские лавочники должны понять, что уличные столкновения полезны лишь плотникам и стекольщикам; что любой вид экстремизма препятствует бизнесу. Деловые круги Индии предпочитают режим одновременно националистический и протекционистский; этому более или менее соответствовала политика всех индийских правительств с 1948 г. Ни фашизм, ни экстремистский режим иного типа им просто не нужен.

Подобно этому, мечеть в Иране была естественным союзником "базарис", но так было лишь в переходный период - до и после изгнания шаха. Режим, который установил Хомейни, хотя и защищал "базарис" от иностранной конкуренции, но в то же время наносил им ущерб в других отношениях. Короче говоря, рост фашистского движения обычно обусловлен социально-экономическими факторами, но, как правило они не бывают решающими - интересы иранских и индийских лавочников вполне могли выразить и политические движения нефашистского толка. У националистическо-религиозных верований есть своя динамика; деклассированные элементы больших городов Востока и их проблемы - отнюдь не та сила, которой легко манипулировать. В Индии движения, напоминающие фашизм, стимулировались причинами политического и культурного характера, а не экономическими и религиозными. И даже цветок шафрана - бывший символ религиозного аскетизма, оказавшись на мундирах индийских ультраправых, стал знаком отличия воинствующих националистов.

Изучение всех проявлений религиозного фундаментализма позволяет выделить характерные черты, общие с фашизмом, в частности, неприятие модернизации и секуляризма. Все фундаменталистские движения являются популистскими; они заявляют, что стремятся не только

к нравственной чистоте и достижению святой цели, но и к социальной справедливости. Одни движения убеждены, что именно на них возложена священная миссия распространить свое мировоззрение не только на родине, но и в других странах. Некоторых фундаменталистов, даже если они и не всегда это признают, вдохновляет национализм сам по себе или в сочетании с радикальной религией, другие выступают за объединение со своими единомышленниками, невзирая на государственные границы. Одни настаивают на теократии, другие готовы допустить секулярное правление, но при условии, что его курс будет соответствовать законам религии. Некоторые священнослужители не скрывают своего отвращения к народу ("они хуже скотов"). Хомейни и его ученик Моттохари, принадлежат именно к этой школе: народ нуждается в милостивом правителе, ибо народ не ведает, что для него хорошо, а что плохо. Иные исламисты с подозрением относятся к священнослужителям, играющим в политические игры. Так что идеологически фундаментализм весьма неоднороден, но на практике эти различия еще весомее.

Между ультрарадикальными разновидностями фундаментализма и национал-социализмом существует значительное сходство, поскольку фундаменталисты, как и нацисты, требуют активного соучастия, а не просто пассивного принятия нового порядка. Под соучастием понимается враждебное отношение к западной демократии и Просвещению, подчинение личных интересов общественным, вера в божественное предназначение, а также широкое использование пропаганды и террора. Сюда же относится обязательная цензура и возвращение женщин на самые низкие ступени общественной жизни. Радикальный фундаментализм не предоставляет никаких свобод религиозным и национальным меньшинствам. Как и фашизм, радикальный фундаментализм, где бы он ни возникал на Ближнем ли Востоке, в Шри-Ланке или в другом регионе,- это движение молодых мужчин.

Этот список можно продолжить. То, что между предвоенным фашизмом и современным радикальным фундаментализмом существуют исторические и культурные расхождения, очевидно. Однако отнюдь не все формы европейского фашизма 1930-х гг. были одинаковыми.

Возможности убеждать, проверять и наказывать в наше время по сравнению со средневековьем значительно расширились, но возросли и мирские искушения. Радикальный ислам обрел значительное политическое влияние в различных районах мира, но весьма сомнительно, что многие последуют иранскому примеру. Да и Ирану самому придется вернуться в русло повседневной жизни, понять необходимость компромиссов, почувствовать эрозию веры и растущий разрыв между его религиозным учением и реальностью. Неспособность этой модели справиться с экономическими и социальными проблемами современного мира наверняка вызовет кризис, подобный тому, который привел к подъему фундаментализма. Что произойдет, когда политическая религия потерпит крах? Число возможностей почти бесконечно - от антиклерикальной реакции до еще более радикальной политической религии.

Современные средства подавления таковы, что диктатор может оставаться у власти сколь угодно долго, даже если его моральное и политическое банкротство очевидно всем (при условии, что он не ввязался в войну и не потерял уверенность в себе). Это означает, что питательная среда для новых разновидностей фашизма просуществует еще долго.

Но почему именно фашизм, а не религиозный фанатизм, популизм, радикальная политическая религия или же воинствующий фундаментализм? Все эти явления родственны, одни ближе друг к другу, другие дальше; однако в современном мире все крайние проявления политического радикализма обречены на то, чтобы оказаться

на орбите фашизма. Коммунизм, несмотря на его сходство с другими радикальными движениями, не может представлять для них альтернативу, тогда как национал-социализм может стать таковой. Секулярные политические религии, подобные фашизму, и вероисповедания, подобные радикальному исламу, разумеется, отличаются друг от друга. Они могут даже бороться друг с другом. Но исследователи уже знают, что политики-популисты легко поворачивается и влево и вправо в зависимости от социально-экономических условий, культурных традиций и общего политического климата. Два-три поколения назад марксистами нередко становились выходцы из ортодоксальной религиозной среды, а в последнее время мы наблюдаем противоположную тенденцию - марксисты становятся новообращенными верующими.

Коммунизм меняется, и в новом обличье, лишенный атеистических элементов, националистический более, чем интернационалистический, он может вновь стать серьезным претендентом в борьбе за власть. Но такой переродившийся коммунизм уже приближается к воскресшему фашизму и радикальной религии.

В чем же основные причины перелома в судьбе радикальных религий? В поисках ответа на этот вопрос нам мало поможет изучение вечных заповедей Будды, Христа и пророка Мухаммада. Учение любой религии может быть истолковано сотней различных способов, и то, что фундаменталисты извлекают из Библии и Корана для себя, больше связано с современностью, нежели со священным писанием. Религиозные чаяния, трансцендентные верования, утопизм (и светский и религиозный), потребность в порядке - в такой же степени присущи человеку, как и насилие, зависть и агрессивность. Некоторые полагают, что в любой религии содержится насилие. Но верно и то, что на некоторых этапах человеческого развития насилию необходима религия - политическая или в форме секулярной

идеологии - для своего оправдания. Насилие пытались объяснять лишениями, отчаянием, священным гневом, но это мало помогает понять, почему в одних обществах меньше проявлений насилия, чем в других, и почему фашизм (терроризм, радикальный фундаментализм) одерживает победу в одной стране, а не другой. Откуда берутся отчаяние и гнев? Может быть, причина в том, что данное общество - жертва угнетения, или в том, что люди там менее талантливы, не обременяют себя тяжелым трудом, не сознательны и не способны привести свой дом в порядок? Социальные условия, безусловно, играют определенную роль, но Германия в 1933 г. была не самой бедной и отсталой страной. С другой стороны, амбиции, чувство обиды и собственного превосходства - тоже необходимы. То, что Гитлер написал в "Майн кампф" о роли ненависти во всех великих потрясениях, было лишь инстинктивным признанием этой горькой истины.

Кризис сознания, общий кризис культуры, затронувший многие общественные формации в последние два столетия, - весьма важный фактор, который заставляет задуматься о различных панацеях - от идеи "Нового века" до религиозного фундаментализма. Эти варианты служат как суррогаты религий, поскольку время подлинной, спонтанной, одухотворенной веры ушло, по всей видимости, вместе с древним миром и средневековьем: дьявольские искушения современности чересчур сильны, слишком много технических чудес создал человек. Фундаменталистская религия подразумевает отход от современной жизни, но этот выбор не представляется привлекательным. Поэтому мы являемся свидетелями лишь националистически-религиозных волнений в отсталых и бедных странах и терроризма. Но к этому же пришли и коммунисты Азии, во всяком случае - на какое-то время.

Политическая религия безусловно созвучна определенным потребностям и чаяниям, отчасти позитивным,

отчасти разрушительным. Без этого она не привлекла бы столь многих людей. Политическая религия обязывает соблюдать дисциплину и порядок, обеспечивает идейную общность среди своих последователей. Однако перед фундаментализмом (исламским или иным) по-прежнему стоит невыполнимая задача: нельзя уйти от экономического и социального развития, недопустимо, чтобы воспитание и образование ограничивались одной лишь религиозной сферой. Поэтому фундаментализм вынужден осваивать технологию власти, ранее применявшуюся фашизмом. Такое сочетание политической религии, национализма и фашизма может превратить народ в массу фанатиков. И только время покажет, как долго продержится такой режим.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Studium, June 1928, стр. 324-328, цитируется по книге Richard Drake, "Julius Evola, Radical Fascism and the Lateran Accords", Catholic Historical Review, July 1988, p. 411. См. также Thomas Sheenhaus, "Myth and Violence", Social Research, Spring 1981.
- 2 Christliche Welt, Faschismus und Fundamentalismus in den USA, 1924, стр. 235-243.
- 3 Edgar Alexander, Der Mythos Hitler (Zurich, 1937), стр. 21, 223-225. Александер цитирует Mein Kampf (Munich, 1933), стр. 189, 379.
- 4 См. E. Abrahamian, "May Day in the Islamic Republic", в Khomeinism (Berkeley, 1993), стр. 66-87. Первоначально исламского духовенства в том виде, в каком христианское духовенство существует на Западе, не было. Происшедшее в Иране, считает Бернард Льюис, можно назвать христианизацией ислама.
- 5 См. Said Arjomand, The Turban and the Cross (New York, 1988), стр. 209.
- 6 См., например, Aurel Kolnai, The Revolt Against the West (London, 1938).
- 7 Но верно и то, что хаос, последовавший за окончанием войны в Афганистане, и непрекращающаяся разрушительная война между племенами привели к возникновению фундаменталистского движения Талибан. Радикализм его молодых членов в некоторых отношениях превосходил радикализм иранских мулл.
- 8 День, 1992, стр. 26.
- 9 Paul Mojzes, Yugoslav Inferno (New York, 1994), стр. 134.
- 10 Алексей Малашенко. Из прошлого в прошлое. Фундаментализм ислама и православие. Свободная мысль. 14 (1993), стр. 69-83.
- 11 Pram Shankar Jha, "The Fascist Impulse in Developing Countries", Studies in Conflict and Terrorism 17 (1994), стр. 229.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Мартин Сеймур Липсет, Эрл Рааб

ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ*

ДИЛЕММА АМЕРИКАНСКИХ МЕНЬШИНСТВ

В романе "Возвышение Давида Левинского", принадлежащем перу Абрахама Кахана, летописца еврейской жизни в США конца XIX - начала XX века, описана сцена в одной из гостиниц Кэтскилла (штат Нью-Йорк). Музыкантам никак не удавалось расшевелить публику в салоне гостиницы, состоящую в основном из преуспевающих иммигрантов-евреев. "Наконец дирижер решился на последнее средство. Оркестр заиграл "Звездное знамя". Эффект был ошеломляющим. Несколько сот обедавших поднялись с мест, как один человек, и разразились аплодисментами. Дети и многие взрослые весело и страстно подхватили мелодию... В нашей овации слышался отзвук вновь обретенных долларов. Но было здесь еще кое-что. Многие из тех, кто отдавал честь звездно-полосатому флагу, слушали песню с торжественными, серьезными лицами. Они как бы провозглашали: "Под этим флагом никто не смеет нас преследовать. Наконец мы обрели дом". Любовь к Америке вспыхнула в моей душе. Я крикнул музыкантам: "Это моя страна", и рыдания пронеслись по всему залу".¹

Эти иммигранты так эмоционально приветствовали Америку за то, что она дала евреям свободу, положение в обществе и виды на будущее. Однако сегодня, на пороге

Главы из книги Seymour Martin Lipset and Earl Raab. Jews and the New American Scene. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts and London, England, 1995

нового века такого взрыва безудержной радости уже не встретишь. У американских евреев ныне значительно больше возможностей и свободы, чем когда-либо раньше; и все же американское еврейство сталкивается в канун нового тысячелетия с некоторой неясностью относительно своего будущего.

Сейчас в 90-е годы XX века евреи избираются в Конгресс США своими соотечественниками-американцами в пропорции, вдвое превышающей их долю в населении страны. Но в то же время еврейские организации сообщают о росте антисемитского вандализма, а социологические обследования выявляют распространение в еврейской среде беспокойства в связи с антиеврейскими настроениями в обществе. Хотя американская еврейская община сейчас сильна, как никогда прежде, если судить по численности еврейских организаций и объему денежных пожертвований, очевидно и то, что все больше молодых евреев отходят от семейных традиций, столь дорогих их отцам и дедам. Хотя возрождение государства Израиль стало поворотным пунктом в активизации еврейской жизни в США, американские евреи не сразу преодолели эмоциональные и философские разногласия в своем отношении к Израилю, и то только поскольку речь шла о политической поддержке страны, находящейся в осаде.

Эта неясность стала предметом острой дискуссии в американской еврейской общине, особенно в ее руководящих кругах. Опасение утратить "еврейскую преемственность" стало главным вопросом повестки дня. В связи с этой проблемой стали создаваться многочисленные комиссии, созываться конференции, проводиться обследования. Вся эта деятельность усилилась после весьма достоверного выборочного статистического обследования еврейского населения США, проведенного в 1990 г. Это обследование подтвердило существовавшие раньше, но не высказывавшиеся вслух опасения. Наибольшую озабо-

ченность вызвал тот обнаружившийся факт, что более половины всех браков, заключенных евреями за предшествовавшее десятилетие, были смешанными и что большинство детей от этих браков вряд ли получают еврейское воспитание. На второе место после вопроса о "еврейской преемственности" вышла проблема неустойчивости отношений между Израилем и диаспорой; по ней тоже в изобилии созывались конференции и комиссии. На ежегодных собраниях еврейских общественных организаций по всей стране все еще идут ожесточенные споры о том, является ли антисемитизм постоянной опасностью или нет. Возникают также споры о том, служит ли по-прежнему интересам американских евреев их традиционная либеральная политическая ориентация, если принять во внимание их нынешнее социально-экономическое положение.

Похоже, что еврейская жизнь в США вся пронизана подобными спорными вопросами; если вспомнить о страсти евреев к словопрениям, неудивительно, что множится количество работ о положении американского еврейства, как ценных, так и не очень. Авторы этих работ, так же как и участники комиссий и конференций, задаются все тем же вопросом - "в чем же проблема американского еврейства?". Ответы на этот вопрос нередко искажаются под влиянием эмоций и идеологических пристрастий.

Обычно проблема ассимиляции и упадка ставится так, что вина за эти явления возлагается исключительно на само американское еврейство, тогда как на самом деле ответ на вопрос следует искать в динамике отношений между американским обществом и еврейской общиной. Во многом отношения между ними носят особый характер вследствие созвучия ценностей и характерных черт еврейского народа и американского общества.

Алексис де Токвиль, автор книги "Демократия в Америке", остающейся самым глубоким исследованием американской культуры, отмечал, что Соединенные Штаты -

страна "исключительная", то есть в ряде отношений качественно отличная от других наций. Почти все страны, за исключением США и приснопамятного Советского Союза, представляют собой исторически определенные нации, объединенные общей историей, а не политической доктриной. Хотя иммигранты почти всюду могут получить гражданство, быть англичанином, французом, немцем или русским означает преимущественно некое врожденное качество. Будучи новой нацией, само возникновение которой было связано с новой для своего времени идеологией, Америка отличается от других государств, и потому быть американцем - нечто иное.

Американизм - это "-изм" или идеология, подобно тому как "-измами" являются коммунизм, фашизм и либерализм. Сложившийся американский символ веры может быть определен четырьмя понятиями: антиэтатизм, индивидуализм, эгалитаризм и популизм.² Сознывая себя с 1776 г. и до XX в. центром либеральной революции, США были открыты для новых граждан, готовых принять этот символ веры. И наоборот, тот, кто отвергал это кредо и принимал другое, мог быть заклеен как чужак, независимо от того, где он родился.

Исключительный характер Америки привел к формированию норм универсализма и равенства, благоприятствовавших индивидуализму и развитию капиталистического рынка. США возникли как новое общество и стали крупной индустриальной страной, не будучи отягощены наследием феодализма. Если исключить особое положение с неграми и, в какой-то степени - с коренными американцами (индейцами), в американском обществе не было четко ограниченных статусных групп, подобных кастам или сословиям (англ. - estates, нем. - standen). Феодальные и аристократические системы требовали видимых знаков почтения к вышестоящим. Они негативно относились к социальной мобильности, подчеркивая се-

мейное происхождение и этнорелигиозную принадлежность как врожденные определители гражданства и социального статуса.

Как отмечается в большинстве туристских путеводителей XIX века, в том числе в бедкеровских, главное отличие Америки от Европы состояло в убеждении, что социальный статус и материальное благосостояние могут быть обретены через достижения. Чтобы заслужить уважение других, не обязательно родиться с высоким положением. В Европе же новый (средний) класс не сразу добился более высокого положения - это произошло лишь по мере роста его экономических ресурсов.³

Как отмечали Фридрих Энгельс, Антонио Грамши, Макс Вебер и другие социальные теоретики, Америка - чистейший пример буржуазного общества, следующего капиталистическим нормам. Главной из этих норм является универсализм, то есть всеобщность логики рынка и отсутствие наследственных преимуществ. Людей нанимают на работу потому, что они наиболее компетентные работники, имеющиеся на рынке, независимо от того, белые они или черные, евреи или христиане. Расовая либо религиозная дискриминация при найме в конечном счете подрывает конкурентоспособность прибегающего к ней предпринимателя. Восприятие Америки как меритократии [общество, в котором социальный статус определяется заслугами. - Ред.], как открытого общества предполагает, что она более открыта для людей талантливых, эффективных, компетентных.

Универсализм - наиболее широкий, и, вероятно, наиболее радикальный основополагающий принцип либерализма, непосредственно ведущий к признанию равенства людей. Однако само равенство - более сложный элемент либеральной идеологии. О том, какова сущность равенства и кого можно включать в число равных, идут вечные споры. Впрочем, в американском понимании равенство никог-

да не означало равного распределения экономических благ. Как отмечал де Токвиль, американская концепция равенства подразумевает, во-первых, равенство возможностей, а во-вторых, право каждого на равное уважение.

Этот второй аспект равенства связан с признанием всеобщей и равной ценности человеческой личности (хотя во времена де Токвиля такой эгалитаризм определял отношения только среди белых мужчин). В отличие от постфеодальной Европы или Японии, в Америке следует проявлять уважение ко всем людям, независимо от их экономического либо политического статуса или от того, евреи они или христиане. Этот эгалитаризм был частью американского сознания еще до Войны за независимость. В 1756 г. газета "Пенсильвания джорнэл" писала: "Народ этой провинции в целом относится к среднему слою и в настоящее время живет вполне сносно... Самый скромный здесь считает, что у него есть право на достойное обращение со стороны самого великого".⁴

Благодаря всем этим исключительным условиям Америки, евреи в США впервые в истории своей жизни в диаспоре получили возможность стать равноправными членами общества. Из множества этнических и религиозных меньшинств, приставших к этим берегам в поисках свободы и перспектив, евреи особенно много выиграли от американской открытости, эгалитаризма и социального разнообразия. В Новом Свете они не находились на положении изгоев, как это было в Европе и в мусульманском мире. Эдвард Тиракян пишет об этом так:

«Исключительность американского отношения к евреям состоит прежде всего в том, что хотя США не являются и не могут стать онтологически и экзистенциально той "Землей", которой является для евреев Израиль, Америка была для них более подходящим и гостеприимным домом, чем любое другое место поселения вне самого Израиля...

...Чем Америка отличается для евреев от других стран?

Главное в том, что евреи в Америке не были отодвинуты на обочину общества как "полностью чуждые" из-за их религии: здесь не было исторического опыта гетто, не было погромов. Напротив, вследствие глубинного структурного сходства между кальвинистским пуританизмом и иудаизмом именно в Америке евреи все больше сливаются в социально-культурном отношении с основной частью общества, что символизируется в последние годы широким распространением термина "иудеохристианин".⁵

В XIX в. в некоторых странах Западной Европы становится нормой предоставление евреям политического равноправия, включая право голосовать и занимать государственные должности. Но эмансипация евреев в Европе происходила иначе, чем в Америке. Как подчеркивал Тодд Эндельман, права английских евреев были скорее "купленными, нежели свободно предоставленными, и когда в 1829 г. [Британский] Совет еврейских депутатов решил добиваться политической эмансипации, то именно богатство и связи в правительстве [Ротшильда и Голдсмита] сыграли главную роль в предоставлении евреям доступа к государственной службе".⁶ В Америке же еврей-мужчины получили избирательное право вместе со всеми белыми мужчинами и намного раньше, чем в других странах, добились заметного положения в политике. Америка обеспечила евреям наиболее благоприятную среду по сравнению со всеми странами, где им приходилось жить со времен изгнания из Палестины в I-II в.в. Получив свободу и новые возможности, евреи стали ориентироваться на интеграцию в американское общество и добились выдающихся успехов в духовной, экономической и политической жизни.

Однако американские исключительные обстоятельства имели и оборотную сторону. Те же причины, которые поощряли евреев принимать участие в изобильной американской жизни, подрывали традиционный иудаизм и побуж-

дали евреев усваивать нормы и обычаи большинства. Опыт всех иммигрантов в США показывает, что успех и ассимиляция идут рука об руку. Большинство из тех немногих евреев, что прибыли в Америку в колониальную эпоху и в первые годы независимости, отошли от иудаизма, главным образом в результате смешанных браков. То же произошло с многочисленными еврейскими иммигрантами, в основном из Германии, поселившимися в США незадолго до и сразу после Гражданской войны. Эта группа, насчитывавшая четверть миллиона человек, стремилась американизировать свою религию, сделать ее похожей на протестантизм или унитаризм американского среднего класса. Как и прежние иммигранты, и они часто вступали в смешанные браки.

Современное еврейское население США сформировалось главным образом в результате иммиграции нескольких миллионов евреев из Восточной Европы, которая продолжалась с 1880-х г.г. до начала Первой мировой войны. Выходцы из Восточной Европы повторили историю выходцев из Германии - экономическое и социальное возвышение, вхождение в средние и высшие круги деловой, научной и политической жизни современной Америки. Но и сегодня будущее еврейства подрывает ассимиляция. Большинство американских евреев отказываются от своей самобытности добровольно, а не чтобы избежать угнетения и невзгод, как это бывало с евреями в другие времена и в других местах, в особенности в Европе. Эрозия самобытности - главным образом, результат жизни в Америке. Проблема состоит в том, что американское общество совершает то, что большинство людей считают правильным: оно гарантирует гражданам личные свободы для достижения успеха и социального статуса по их способностям, независимо от их происхождения.

Разумеется, этот американский *идеал*, осуществляющийся для многих этнических групп довольно медленно -

все еще далек от реализации (в особенности для тех, кто прибыл в страну как рабы, а не как иммигранты). Однако это такой идеал, осуществление которого неизбежно вследствие самой сути общества. Во всяком случае, в такой мере синтезированное американско-еврейское самосознание объясняется теми же уникальными особенностями американской культуры, которые воздействуют и на людей другого национального происхождения, будь то ирландцы, итальянцы, китайцы, выходцы из Латинской Америки или африканцы. Кроме чернокожих, все смешиваются в мощном плавильном котле.

Все подобные группы, включая евреев, могут быть определены, как *племенные* - термин, который в своем исходном смысле относится к группе, связанной кровным родством и обладающей особыми обычаями, традициями и ценностями - религиозными, языковыми и иными. Жизнь в Америке ставит каждую такую группу перед дилеммой в форме антагонизма между индивидуализмом, представляющим собой ценность для большинства членов родовой группы, и групповым самосознанием, также имеющим большое значение для ее членов. Отсюда возникает конфликт, который ослабляет родовые узы, несмотря на все эмоциональное сопротивление этому процессу и организованные попытки его затормозить. Отождествление себя с группой уже не дает человеку того чувства осмысленного существования, которое могло бы перевесить результаты личных достижений.

Мы полагаем, что загадка индивидуального успеха евреев как совокупности отдельных людей на фоне эрозии еврейской общины может быть раскрыта на основе сопоставления между американской исключительностью и еврейской исключительностью. Американская исключительность определяется неповторимыми историческими условиями, в которых зародилась нация, и уникальной национальной идеологией, которую породили эти условия.

Выражение "еврейская исключительность" относится к необычайной истории еврейского народа и к необычайному рвению, с которым американские евреи восприняли американский символ веры, в результате чего им удалось достигнуть экономического, политического и социального преуспевания. Лишь изучив динамическую связь между этими двумя формами исключительности, можно проникнуть в суть исторического развития, приведшего к нынешнему кризису еврейской общины в США.

В 1783 г. после официального прекращения состояния войны между Великобританией и США, Мордехай Шефтель, сын еврейского переселенца из Европы, житель штата Джорджия и активный участник Войны за независимость, подытожил чувства евреев к Америке в письме к сыну: "Перед нами открылась совершенно новая действительность, и мир сотворен вновь". Прошло чуть более двухсот лет, и американская исключительность по-прежнему подтверждается; однако есть признаки того, что "новая действительность", которая предстает перед американскими евреями - и другими родовыми группами - будет иной, и последствия ее будут такими, каких никто не предвидел во времена возникновения США.

ДРЕВНИЙ НАРОД НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Статуи Свободы еще не было, но Бенджамен Шефтель и 42 его спутника-еврея встретили нечто еще более важное для их будущего, когда их судно приблизилось к берегу американского континента в июле 1733 г. Они почувствовали веяние густых девственных лесов; некоторые из матросов говорили, что они слышали этот густой аромат леса за сто миль от берега.

Шефтель, беженец из Германии, проживавший в Англии, стал главой одной из первых известных еврейских семей штата Джорджия. Он не был учеником Джона

Локка. Он мало знал (если вообще знал) о "правах человека" или о философских концепциях политической свободы. Он не думал о новой нации, которая будет руководствоваться конституцией или биллем о правах. Его не привлекали теоретические построения, и он не размышлял об американской исключительности. Но будучи практиком, он знал (и об этом свидетельствовал аромат огромных нетронутых лесов), что Джорджия - *новая* территория, которая в дальнейшем сулит новые возможности, новые начинания. В 1765 г. Шефтель завершает свое последнее завещание благодарственной молитвой: "Ты, спасший меня, Бог истинный".⁷

Без всяких теорий Шефтель и другие ранние еврейские иммигранты поняли, что Америка - первая страна из всех, что они видели, где экономического и социального преуспевания можно достичь собственным трудом, а не благодаря знатным предкам. Более того, они могли предвидеть практические выгоды, которые им сулило этническое разнообразие ранней Америки. К 1790 г. в стране было пять крупных национальных групп и десятки малых. Свыше половины белого населения к югу от Новой Англии было неанглийского происхождения. Единственная из стран мира, молодая Американская республика давала право всем переселенцам на свое гражданство. Для того, чтобы стать американцем, не нужно было обладать правом по признаку родства или крови. Нельзя, конечно, забывать, что на протяжении значительного периода истории США в страну допускались лишь иммигранты из европейских стран, а в течение нескольких десятилетий XX в. даже иммиграция из Европы была резко ограничена. Но в середине века ворота вновь открылись шире, а в последнее время страна начала привлекать весьма многих переселенцев из стран "третьего мира".

Экономические возможности Америки были главным притягательным моментом для большинства иммигран-

тов, в особенности если учесть многочисленные трудности, которые испытывали на европейском рынке труда люди с низким социальным статусом. Однако возможности новых иммигрантов добиться успеха на рынке труда Америки всегда зависели от состояния экономики страны. Не случайно объем иммиграции обычно соответствовал динамике экономических подъемов и спадов в Америке. Но при всех обстоятельствах иммигранты рассматривали равный доступ на рынок труда как признак свободного общества, ориентированного на личные достижения.

Экономические возможности не были единственным стимулом для иммигрантов. Как подчеркивал де Токвиль, Америка предлагала также необычайный уровень свободы и уважения и для отдельных лиц, и для групп, независимо от их экономических достижений. Мэри Энтин писала о своем отце-иммигранте, прибывшем в США в конце XIX в. следующим образом:

"Верно, что он оставил дом в поисках хлеба насущного для семьи; но он покинул его, благословляя необходимость, погнавшую его в Америку. Свобода нового мира означала для него много больше, чем право жить и работать, где ему нравится; это была также свобода высказывать свои мысли, отвергать темные предрассудки, исповедовать свою веру без политической и религиозной тирании. Он был всего лишь 32-летним молодым человеком, когда он прибыл на американский берег; большую часть жизни его держали в шорах, и он испытывал жажду испробовать неведомое ему ощущение свободного выбора".⁸

Факторы притяжения и отталкивания, определявшие динамику иммиграции в Америку, менялись в зависимости от обстановки во всем мире и в странах исхода иммигрантов. Иногда иммигранты благословляли экономическую необходимость, которая неизбежно приводила их и к свободе. Иногда главной мотивацией беженцев была религиозная

или политическая свобода. Однако еще чаще оба побудительных мотива неразличимо переплетались друг с другом.

Для евреев, вековых изгоев Европы, и экономические возможности, и гражданские свободы Америки были неразрывно связаны со свободой религии. Религиозная особенность евреев, воспринимавшаяся как этническое своеобразие, была в конечном счете постоянной причиной преследований. Однако способность евреев конкурировать на равных и преуспевать на рынке обеспечивала им возможность вливаться в основное русло американской жизни.

ЕВРЕИ В ЭКОНОМИКЕ БРИТАНСКИХ КОЛОНИЙ В АМЕРИКЕ

История членов семьи Шефтель показывает, что происходило с еврейскими переселенцами в американском обществе колониального периода. Бенджамен неплохо преуспел в Джорджии, оставив после себя наследникам дом, землю и другую собственность. Его младший сын Леви в двенадцатилетнем возрасте занял у отца денег для коммерческих операций с оленьей кожей для одежды. В 18 лет Леви на скопленные деньги вступил в долю с мясником-христианином. Он и его брат Мордехай постоянно занимались различными торговыми делами. В одной сделке они обменяли табак, индиго и оленью кожу на тонну различных английских товаров. В разные годы Мордехай держал то склад, то верфь, то лесопилку, то дубильную мастерскую. Одно время Леви владел шхуной для каботажных перевозок грузов. Братья также занимались куплей-продажей земли. Однажды они взяли вторую закладную под один из островов у побережья Джорджии, которым владел Беттон Гвиннет - один из тех, кто впоследствии подписал Декларацию независимости США.

Были также и еврейские ремесленники. Исаак Мозес,

искусный мастер по золоту и серебру, был привезен в 1758 г. из Ганновера и продан как законтрактованный слуга на три года в уплату за провоз. Через год Мордехай Шефтель выкупил его, и он смог заняться своим ремеслом.

Однако гораздо больше еврейских семей в колониях первых десятилетий XVIII в., подобно Шефтелям, занимались торговлей, столь важной для колониальной экономики. В 1730-1770 гг. ввоз и вывоз товаров из Пенсильвании и Нью-Йорка вырос вчетверо. Евреи селились в основном вокруг главных портовых городов - Нью-Йорка, Ньюпорта, Филадельфии, Чарльстона и Саванны.

К моменту прибытия в Америку евреи имели не больше экономических ресурсов, чем прочие иммигранты, однако уникальный исторический опыт сформировал у них специфические черты. В частности, они явно превосходили другие этнорелигиозные группы населения страны по тому качеству, которое называется "тягой к преуспеянию".

К источникам этой еврейской "тяги к преуспеянию" относят: (1) стремление к образованию, вдохновленное религией; в процессе секуляризации, со времен раннего средневековья, это стремление преобразуется в исключительную тягу к интеллектуальной деятельности; (2) исторически евреи были городскими жителями, что давало им преимущество при занятии торговлей, умственной деятельностью и вообще квалифицированным трудом; (3) более глубокое усвоение традиций и норм поведения среднего класса и большая способность отказаться от сегодняшней выгоды ради существенного успеха в будущем; (4) длительный опыт жизни на обочине общества, научивший евреев формировать новые связи в любой социальной среде.

Новое американское общество, в котором не было аристократии, проявляло больше уважения, чем жители

Старого Света, к коммерческой деятельности, которой занимались в Европе стремившиеся к успеху евреи. Ранние жители Америки сознавали, что стране не хватает людей с торговыми навыками и энергией, необходимыми для развития экономики. Бенджамен Франклин одобрял стремление к успеху через коммерцию; он говорил, что не хотел бы, чтобы его сын Уильям "стал тем, кого называют «Ваше благородие»". Я хотел бы приставить его к какому-либо делу, посредством которого он мог бы, проявив аккуратность и трудолюбие, достигнуть воздержанной и достойной жизни".⁹

Американский драматург Джозеф Аддисон писал в 1712 г., что евреи "клинья и гвозди большого здания, которые сами по себе невелики, но совершенно необходимы, чтобы весь его корпус не развалился."¹⁰ Джордж Мейсон* говорил, что евреи "не только заметны своим знанием рынка и коммерции, но и своим трудолюбием, предприимчивостью и честностью".¹¹ Стремления и способности европейских евреев и потребности становящейся на ноги буржуазной Америки отлично соответствовали друг другу. Однако взаимоотношения между еврейскими переселенцами и американским обществом менялись с каждым поворотом истории страны.

Евреи в Америке проявили себя исключительно успешно, так как еврейские черты характера и ценности, включая и тягу к преуспеянию, были вполне созвучны общей культуре страны. Еврейские обычаи весьма подходили к той модели общества, которую определили еще первые протестантские колонисты Новой Англии. В 20-е гг. нашего века социолог Роберт Парк предлагал ввести пре-

1725-1792; идеолог республиканизма джефферсоновского толка, автор конституции штата Вирджиния и его знаменитого раздела о гражданских правах, ставшего прообразом т.н. Билля о правах, т.е. первых десяти поправок к конституции США, борец с работоторговлей. - Ред.

подавание еврейской истории и культуры во всех школах США, чтобы и другие американцы могли понять, что такое Америка. Парк доказывал, что евреи - это сущность Америки¹².

К тому же выводу приводит анализ связей между протестантской этикой и духом капитализма в Америке, который провел Макс Вебер. В своей классической работе по этому вопросу Вебер, объясняя экономические успехи США, подчеркивает, что пуритане - христиане Ветхого завета - принесли с собой в страну ценности своей религии - рационализм, трудолюбие, бережливость и стремление к преуспеянию. "Дух капитализма, - писал он, - существовал [в Америке] еще до установления капитализма".¹³ Вебер отмечал, что "пуританизм всегда ощущал свое внутреннее сходство с иудаизмом... Евреи, которых сначала тепло приняли пуританские нации, в особенности американцы..., были встречены ими с самого начала без каких-либо предрассудков, и даже сегодня их принимают с готовностью".¹⁴

Основные приводимые Вебером образчики светского капиталистического духа были взяты им из работ Бенджамина Франклина¹⁵. Вебер приводит обширные цитаты из этих работ, рассматривая их как ранние примеры тех ценностей, которые сыграли главную роль в процессе возникновения индустриальной рыночной системы. Американские ценности в понимании Франклина нашли восторженных почитателей среди восточноевропейских евреев, для которых эти ценности представлялись созвучными их религиозным верованиям и их светской культуре. Труды Франклина были переведены на идиш около 1800 г., и уже вскоре молодые евреи в русской части Польши внимательно читали их и даже обсуждали на талмудический манер после окончания ежедневных занятий в религиозных школах (ешиботах).¹⁶

ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ ВРЕМЕН ЭКСПАНСИИ НА ЗАПАД

Первая волна массовой еврейской иммиграции в Америку началась в 30-е гг. XIX века с ухудшением положения евреев в Германии. Правительства германских государств продолжали подавлять права евреев, антиеврейские беспорядки прокатились по улицам многих городов, перспективы для евреев ухудшились. В ряде мест был введен "еврейский сбор", которым облагались евреи, желавшие приехать в какой-либо город или выехать из него, что подрывало благосостояние евреев. В ответ на это группа германских евреев писала Мордехаю Ноаху - крупному еврейскому политическому руководителю, что "лучшая часть европейского еврейства смотрит с жадной и надеждой на Соединенные Штаты Северной Америки и будет счастлива вновь сменить бедственное положение на родной земле на общественные свободы".¹⁷

Между 1820 и 1860 гг. еврейское население США выросло в девять раз - примерно до 150 тысяч человек. Большинство евреев прибывало с весьма малыми средствами; методами накопления капитала была торговля вразнос и пограничный товарообмен. Их предшественники - еврейские иммигранты колониальной эпохи селились главным образом в немногих крупных городах новой страны; ранние иммигранты из Германии предпочитали расселяться вдоль границы.

Большая часть Америки и была в буквальном смысле пограничьем - страна быстро расширялась в западном направлении, шло бурное и почти не контролируемое государством экономическое развитие новых территорий, ощущалась острая потребность в развитии новых торговых связей. Расширение американских границ всегда предоставляло новые экономические возможности. В архивах фирмы Коэн и Исаак (Ричмонд, штат Вирджиния) хра-

няется расписка от Дэниэля Буна на смеси искаженного английского и идиша за шесть фунтов, уплаченных за продажу 10 тысяч акров только что размеченной топографами земли в штате Кентукки¹⁸. К тому же отдаленные поселения вдоль уходившей на запад границы и могли снабжаться всем необходимым лишь благодаря торговцам-разносчикам.

Не евреи создали пограничную передвижную торговлю - это было старым занятием янки. Иммигрант нееврей Джон Джейкоб Астор еще в 80-е гг. XVIII века продавал индейцам пряники, чай и галантерею, сколотив на этом целое состояние. Но с увеличением числа инициативных немецких евреев торговля вразнос становится преимущественно еврейским занятием. Например в Истоне, штат Пенсильвания, в 1855 г. более 60% евреев, имеющих занятия, были торговцами вразнос.¹⁹

Бенджамен Блумингдейл и Адам Гимбель иммигрировали из Германии в начале XIX в. Блумингдейл начал свой путь, торгуя вразнос самыми разными товарами по всему Канзасу и Великой равнине. Гимбель начал торговать вдоль по реке Миссисипи, бродя с брезентовым мешком и ружьем; затем он открыл бакалейную лавку на берегу реки Уобаш в штате Индиана. К концу жизни они были владельцами империи универсальных магазинов, и их имена стали символом коммерческого успеха.

Большинство еврейских торговцев не были столь удачливы как Гимбель и Блумингдейл. Пограничная торговля была делом трудным и опасным. О Луисе Натане, Генри Леви и Исааке Гольдштейне известно, что они были оскальпированы индейцами. В дневнике Зигманса Шлезингера рассказывается о столкновении его отряда с 700 сиуксами и уейеннами, которое увенчалось тем, что он "оскальпировал трех индейцев".²⁰ Адольфа Кона захватили в плен апачи, затем они продали его команчам, с которыми он скитался по дорогам войны почти два года.

Но и без таких крайностей жизнь странствующего торговца была тяжелой: зачастую он оставался без всякой прибыли. Рабби Исаак Мейер Уайз цитирует рассказ некоего Штейна (конец XIX в.) о жизни такого торговца:

"Наш народ в этой стране можно разделить на следующие классы: 1) коробейник, всегда без языка и без надежды; 2) лоточник со слабым знанием английского и надеждами на лучшее будущее; 3) мешочник, который таскает на спине 45-70 килограммов товара и утешается мыслью, что когда-нибудь станет бизнесменом. Кроме них есть аристократия, которая может быть разделена на три класса: 1) барон с кибиткой, передвигающийся по всей стране имея в упряжке одну-две лошади; 2) граф-ювелир, который таскает в небольшом коробе запас часов и драгоценностей и даже теперь считается богачом; 3) князь-лавочник, который владеет лавкой и продает в ней товары".²¹

Из 20 тысяч странствующих торговцев в Америке накануне Гражданской войны большинство были немецкими евреями. Немногие из них скопили большие богатства, но большинство было "князьями-лавочниками", нажившими кое-какое состояние. В американский фольклор вошел ответ странствующего торговца на вопрос, почему он открыл лавку именно здесь: "Потому что здесь у меня пала лошадь".

Экономика изменялась, промышленность расцветала, границы стабилизировались; то же происходило с экономическим положением евреев. Например, в Олбэни, штат Нью-Йорк, в 1842-1850 гг. более половины всех имевших лицензию торговцев вразнос были евреями. Но к 1870 г. их доля снижается до 10%: странствующие еврейские торговцы и их потомки становятся оседлыми коммерсантами, а иногда и квалифицированными работниками²².

Однако в крупные новые промышленные фирмы евреи проникали не столь легко. В 70-е гг. XIX в. все сто ведущих фирм в области текстиля, железных дорог принад-

лежали протестантам.²³ И все же евреи пробившись в сферу финансов и в горнодобывающую промышленность. Джозеф Зелигман (впоследствии - первый состоятельный еврей, которому откровенно отказали в пребывании на модном курорте) в 1830-е гг. начал с бакалейных лавок и магазинов готового платья в Пенсильвании и Алабаме, а затем создал один из ведущих банкирских домов в Америке с отделениями в Европе.

Братья Джозеф и Иммануэль Розенвальд также стали богатыми банкирами и торговцами. На пути к успеху они совершили немало караванных рейсов с Востока в Калифорнию, которые иногда не обходились без приключений:

"Мы купили в Техасе две полностью снаряженных воловьих упряжки с кибитками и одну упряжку с мулом, а также достаточное количество бакалеи и пошли вниз по реке Арканзас, где в [штате Колорадо] строился в то время Форт Уайз. Джо правил одной повозкой, а я - другой... Оттуда мы привезли остаток товара в Пайкс Пик. По пути за нами следовал отряд индейцев... Но мы от них ушли. Все оставшиеся товары мы обменяли на картофель, привезли его в Денвер, продали, а закончив распродажу, продали также воловьих упряжки и с упряжкой с мулом направились в Вайандот, штат Канзас".²⁴

Генри Леман, странствующий торговец из Алабамы, создал одну из крупнейших инвестиционных фирм страны. Братья Гуггенхайм создали горнодобывающую компанию в штате Колорадо. В Калифорнии Энтони Целлербах и его братья создали империю по производству целлюлозы и бумаги, а Исаак Фридендер через двадцать лет после приезда в штат сосредоточил в своих руках три четверти всего вывоза калифорнийской пшеницы.

В своей хронике деловой жизни за 1864 г. газета "Телеграф" города Солт-Лейк Сити отмечала только еврейские имена: "Семья Рансаховых ожидает богатый и разнообразный завоз товаров. Новая фирма Зигель и Ко. уже до-

стала аванс и открывает оптовую торговлю. Поскольку Боденберг и Кан... прибыли с огромными партиями товара, мы почти наверняка сможем продержаться какое-то время".²⁵ По всей стране, от банкира до "князя-лавочника", в малых и больших городах, еврейские иммигранты, в большинстве (но не все) немецкого происхождения, достигли за полвека беспрецедентных коммерческих успехов и построили широко разветвленную сеть влияния.

Политики заметили это. Участвуя в закладке новой синагоги в Олбэни, мэр города сказал: "Налоговые ведомости показывают, что ваш народ несет весьма значительную долю бремени общественных затрат. Я оцениваю подлежащую обложению собственность города Олбэни в 670 долларов на каждого жителя, тогда как подлежащая обложению собственность, принадлежащая вашему народу, составляет 1323 доллара на каждого мужчину, женщину и ребенка еврейской общины".²⁶

Американские официальные лица и пресса постоянно отмечали влияние евреев на экономическое развитие страны. Так, в 1872 г. самая тиражная газета Филадельфии "Ивнинг стандарт" писала:

"Где бы ни возникал шанс для предприимчивости и энергии, там можно найти еврея. Идите в любую страну и в любой город, и вы встретите его. В нашей стране он крепко укоренился. Важные его достоинства и способности сделали Америку его главным домом. И американцы должны радоваться, что дело обстоит именно так, ибо еврей-гражданин достоин высокого уважения. В любую общину он несет благосостояние и те качества, которые материально помогают укрепить общину и сделать ее устойчивой... Он сам заботится о себе и о своем доме... Он трезв и трудолюбив".²⁷

Антисемитизм существовал и подчас он препятствовал еврейскому преуспеянию. В 1850-е гг. некоторые страховые компании предостерегали против страхования

странствующих торговцев и евреев, что было в то время почти синонимом. Сразу после Гражданской войны решение некоторых страховых компаний отказывать в продаже полисов евреям вызвало митинги протеста и бойкот со стороны еврейской общины. Компания "Дан и Ко." была склонна приписывать евреям низкий кредитный рейтинг, если контролер компании не определит, что данный бизнесмен - "белый еврей" или "иудей высшего класса". Общество открыто противилось этим предрассудкам. В 1867 г. одна филадельфийская газета писала в редакционной статье, что подобная дискриминационная практика безосновательна, разделяет общество и "противоречит интересам страны" и осуждала "самым решительным образом оскорбительные действия некоторых нью-йоркских страховых компаний".²⁸

Впрочем, в то время экономический антисемитизм не имел особого распространения, так как человека оценивали не по этническому происхождению, а по личным достижениям. Исидор Штраусс, отец которого был странствующим торговцем в Джорджии, а затем основал торговый дом "Мэйсис", писал, что один из кредиторов видел в его отце "образец истинной порядочности, что было совершенно несовместимо с его (кредитора) предрассудками".²⁹

ЕВРЕИ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ АМЕРИКИ

С прибытием массы евреев из Восточной Европы, с прекращением экспансии на Запад и наступлением эпохи индустриализации положение американских евреев заметно изменилось. Когда Якоб (Джейкоб) Г. Шифф, сын одного из брокеров Ротшильда, прибыл в 1865 году в Америку из Германии, он вступил в процветающую немецко-еврейскую брокерскую фирму в Нью-Йорке. Когда через два десятилетия, в 1887 г., Мориц Хилкович прибыл из

Восточной Европы, он работал на пришивании манжет в нью-йоркской потогонной пошивочной мастерской. Хилкович был одним из полутора миллионов евреев из Восточной Европы (примерно треть еврейского населения этого региона), которые переселились в Америку в 1881 - 1910 гг.

Несмотря на столь большие биографические различия между Хилковичем и Шиффом, их пути могли скреститься в дни "Великого бунта" 1910 года - исторического столкновения между еврейскими рабочими и владельцами швейных фабрик, в основном также евреев. Но ни отношение этих двух людей к профсоюзному движению, ни их судьбы в Америке не были столь различными, как их имущественное положение. К 1910 г. Мориц Хилкович становится Моррисом Хилквитом - адвокатом, одним из основателей Американской социалистической партии и ярким противником капиталистической системы. Джейкоб Шифф становится одним из самых видных капиталистов страны, банкиром-миллионером, вложившим миллиард долларов в финансирование Пенсильванской железной дороги.

Переселявшиеся из Восточной Европы евреи имели в карманах не больше денег, чем другие иммигранты, но их прошлое было совершенно иным. Поскольку в Европе евреи не имели права заниматься земледелием, из каждых десяти еврейских иммигрантов семеро имели опыт работы в торговле, промышленности или ремесле, в то время как среди других иммигрантов такой опыт имел лишь каждый десятый³⁰. В прежних странах евреи были лавочниками, странствующими торговцами, посредниками в торговле зерном и другими продуктами, иногда владельцами небольших производств, но обычно они находились на обочине социально-экономического развития. С быстрым упадком сельского хозяйства Восточной Европы в конце XIX в. и положение евреев заметно ухудшилось.

В Вильне, культурной столице евреев Восточной Европы, местная газета сообщала, что евреи "живут в бедных лачугах, грязных и плохо проветриваемых... В том же жилище могут обитать четыре, пять, а то и шесть семейств, каждое со множеством малолетних детей... Мясо - невиданная роскошь, даже по субботам. Сегодня вода и хлеб, завтра - хлеб и вода, и так день за днем".³¹ Причину огромной еврейской эмиграции можно усматривать и в растущей нищете, и в давлении антисемитизма.

Но несмотря на крайнюю нищету, большинство восточноевропейских евреев прибывали в Америку с профессиональными навыками. На пороге XX в. двое из трех евреев-мужчин обладали какой-либо из нескольких десятков профессий, хотя больше всего среди них было портных³². Многие из этих искусных ремесленников в Европе были одновременно и мелкими предпринимателями - владельцами мастерских, мясниками, пекарями, портными. Однако ко времени их прибытия в Америку в индустриальной экономике уже не было места для такого сочетания ремесленных навыков и предпринимательства. Некоторые ремесленники обратились к торговле вразнос, но большинству пришлось искать работу на фабриках.

В 1880-е гг. более половины евреев-бизнесменов были так или иначе вовлечены в швейное дело. Около 95% производителей одежды в Нью-Йорке были евреями³³. Швейная машина, изобретенная незадолго до Гражданской войны, вызвала невиданный рост производства готовой одежды. Это была новая отрасль, в которую устремились еврейские бизнесмены. Объем капиталовложений в швейную промышленность, в которой первоначально господствовали немецкие евреи, вырос в 1880-1900 гг. более, чем втрое³⁴.

Вследствие спроса на те профессии, которыми в основном владели восточноевропейские евреи они начинали

искать работу в швейной промышленности. Был момент, когда более половины жителей еврейского гетто Нью-Йорка, работавших по найму, были заняты в швейном производстве. В 1897 г. около 60% рабочих Нью-Йорка были заняты в производстве готовой одежды и 75% из них были евреями³⁵. Жизнь их была по большей части тяжелой. В 1900 г. средняя заработная плата мужчины - рабочего-швейника составляла 12 долларов в неделю, женщины получали половину этой суммы, а ребенок - половину от оплаты женщины. За эти деньги, которых едва хватало на оплату самого необходимого, швейники обычно работали десять часов в день и шесть дней в неделю в тяжелых условиях. Жилищные условия были не лучше. В Лоуэр-Истсайде (район Нью-Йорка) плотность населения составляла в 1910 году 730 человек на акр (0,4 га); этот показатель был выше только в Бомбее³⁶.

Соответственным было и недовольство жизнью среди иммигрантов. В романе радикала Майкла Голда, описывавшего жизнь гетто, мать героя говорит: "Это хорошая страна, но не для бедняка. Когда Мессия придет в Америку, лучше бы ему приехать на красивом автомобиле с дюжиной слуг. Если он придет на белой лошади, подумают, что это всего лишь еще один бедный иммигрант, и пошлют его мыть посуду в ресторане".³⁷

Однако для молодежи гетто Лоуэр-Истсайда было качественно отличным от гетто Вильны. Здесь были возможности выбраться наружу. Один из наблюдателей в начале века отмечает: "Я встретил лишь немногих русских евреев, которые считают работу по найму на фабрике своим вечным уделом. Почти все обращают свою энергию на вступление в бизнес или на приобретение образования, которое даст им возможность подготовиться к чему-либо получше, чем доля обычного рабочего. Все больше юношей и девушек, окончивших школы, идут в магазины и конторы, а не в мастерские и на фабрики".³⁸

Между тем, немецкие евреи прошлой иммиграции, как правило, процветали в это время весьма неплохо, даже те из них, кто не имел на родине такого блестящего экономического прошлого, как Джейкоб Шифф. К моменту массового переселения евреев Восточной Европы немецко-еврейские странствующие торговцы по существу исчезли. В 1860-1900 гг. число еврейских фирм, имеющих коммерческий рейтинг, возросло с 374 до 2000.³⁹ К концу этого периода сообщалось, что доля евреев среди миллионеров в два с половиной раза превышает долю евреев в населении; а область их деятельности простирается "от банков до упаковки мяса, от недвижимости до бакалеи, от крепких напитков до хлопка".⁴⁰

Социальная мобильность немецких евреев была весьма высока, причем достичь благополучия им было проще, чем восточноевропейским евреям. Во-первых, иммигранты из Восточной Европы прибывали массами и скапливались в городах. Когда эта масса начала расселяться, западная граница страны уже была установлена. По-прежнему для деловой инициативы было немало простора, но новые начинания требовали все больших капиталов. Век независимых ремесленников-предпринимателей заканчивался, уступая место эпохе корпораций. Странствующему торговцу легче было стать владельцем лавки, а затем банкиром, чем рабочему стать владельцем фабрики, хотя некоторые восточноевропейские евреи проделали этот путь, в особенности в швейной промышленности.

Самым кратким путем в средний класс для евреев начала века был путь превращения в "человека с профессией" - специалиста. Это было также способом избежать дискриминации в приеме на работу. Образование открывало путь к положению специалиста, к работе "белого воротничка", а евреям было не привыкать к упорной учебе. Другие американцы замечали эту особую тягу к образованию среди молодых еврейских иммигрантов. Нью-

Йоркская "Ивнинг пост" писала (3 октября 1903 г.), что в публичной библиотеке "в отделении на Четэм-сквер нередко можно наблюдать очередь детей, растянувшуюся на два лестничных пролета... Еврейские дети жаждут духовной пищи, у них настоящая интеллектуальная мания... Ни у одного народа нет такого пристрастия к серьезному чтению".

Интеллектуальную одержимость молодых еврейских иммигрантов нередко приписывают тому, что евреи издавна были "народом Книги". Речь идет, разумеется, об изучении Библии и раввинских комментариев, чем традиционно занимались многие евреи. Принятый метод учебы - индивидуальное чтение с последующим обсуждением - поддерживал высокий уровень грамотности, хотя интеллектуальный поиск был ограничен рамками религиозных текстов. В период Просвещения* привычка к чтению и склонность к дискуссиям быстро распространились на светские темы. Хотя стремление к образованию часто имело религиозную мотивацию, многие евреи осознавали, что лишь образование позволит им добиться более высокого социального статуса. В 1908 г. обследование 77 высших учебных заведений показало, что 8% студентов были евреями, тогда как доля евреев в населении составляла менее 2%. Большинство евреев-студентов готовились стать фармацевтами, юристами, дантистами и учителями.⁴¹ В 1890-е гг. русский журналист, изучавший судьбы русских евреев в Америке, обнаружил лишь несколько десятков русских евреев, работавших в области медицины и права, и почти никого - среди учителей. Но к первому десятилетию XX века в Нью-Йорке было 400-600 русско-еврейских врачей, несколько тысяч работников просвещения и представителей других "интеллигентных" профессий⁴². К

(Гаскала - Просвещение) движение за светское образование, начавшееся среди еврейской интеллигенции Германии и Восточной Европы в 30-е гг. прошлого века— Ред.

1930 г. в Нью-Йорке, где евреи составляли четверть населения, на их долю приходилось 55% врачей, 64% дантистов и 65% юристов - и все это благодаря высокому уровню образования⁴³.

Один американец итальянского происхождения с некоторой грустью писал о типичном итальянском иммигранте, отличающемся от иммигранта-еврея по опыту и традициям: "Он еще не изучил урока, который мог бы хорошо преподать ему американский еврей: в Америке сын необразованных родителей не только имеет право, но и обязан подняться на высшую ступень образования, и тем добиться успеха, которого не смог добиться его необразованный отец".⁴⁴

Именно в рабочем движении тяга к преуспеянию проявилась наиболее драматично. В конце 1909 г. 20 тысяч рабочих швейной промышленности, главным образом еврейских женщин, начали то, что впоследствии получило название Великого бунта. По многим предприятиям отрасли прошла волна столкновений и вспышек насилия. В сентябре 1910 г. между рабочими и предпринимателями был подписан "протокол о мире", который хоть и не ликвидировал конфликт окончательно, но способствовал переходу организованного рабочего движения на новый уровень. Протокол предусматривал создание рабочей ячейки на каждом предприятии, давал представителю рабочих право голоса при решении проблем предприятия, учреждал комитеты по обсуждению жалоб, советы санитарного контроля и арбитражные советы с участием рабочих и общественности. Рабочее движение перешло на качественно новую ступень, став признанной общественной силой.

Это историческое соглашение было подготовлено Луисом Брандейсом, в те времена - юристом из Бостона, и поддержано Джейкобом Шиффом. Оба объединились отчасти потому, что евреи "верхнего города" были обеспо-

коены впечатлением от публичного конфликта между еврейскими рабочими и еврейскими фабрикантами. Кроме того, Шифф и Брандейс были людьми умеренных взглядов и темперамента и испытывали неприязнь к классовой борьбе, свойственную среднему классу. Шифф и прежде поддерживал идею мирных коллективных договоров.

Многие евреи в рабочем движении исповедовали тягу к умеренности, хотя из восточноевропейской среды вышел целый ряд легендарных еврейских радикалов - социалистов и анархистов всякого толка. Именно такие иммигранты играли ведущую роль в интеллектуальной жизни Лоуэр-Истсайда, активно участвуя в рабочих организациях и радикальных движениях. Однако многие из них вступили на путь реформизма. Сам Моррис Хилквит, представитель профсоюзов в "протоколе о мире", окончив вечернюю школу, возвысился от рабочего-швейника без гроша за душой до преуспевающего адвоката и переехал из Лоуэр-Истсайда на аристократическую улицу Риверсайд-Драйв. Уильям Хейвуд, лидер радикальной организации "Индустриальные рабочие мира", осуждал "буржуазные" черты характера у многих нью-йоркских социалистов, говоря, что "они чувствуют себя страшно польщенными, когда их приглашают, как это недавно случилось с Моррисом Хилквитом, распивать розовые чаи в особняках на Пятой авеню".⁴⁵

Хилквит оставил идею ожесточенной классовой борьбы и стал эволюционным социалистом, постепенцем. Неясно, было ли это личное перерождение следствием его собственного успеха, как об этом говорили его более радикальные противники, но во всяком случае это в какой-то мере было связано с "тягой к преуспеянию" у еврейских рабочих, с которыми он соприкасался. Однажды Хилквит пожаловался, что хотя еврейские рабочие объединяются в час кризиса, в нормальной обстановке организовать их трудно. Они больше заинтересованы в том, чтобы

побольше заработать на сдельщине, чем в сокращении рабочего дня или в повышении расценок. В выпущенной для иммигрантов книге об Америке говорилось, что "бедный еврей зарабатывает 50 центов в день, 10 центов тратит на кофе и баранки и 40 центов откладывает".⁴⁶ В 1893 г. Джейкоб Рис отмечал: "Вновь и вновь встречаю я польских и русских евреев, которые сознательно экономят на еде до полного физического истощения и работают день и ночь с большим напряжением, чтобы отложить немного денег".⁴⁷

Они хотели откладывать деньги, чтобы вытащить свои семьи из потогонных мастерских и подняться до уровня среднего класса. Временами еврейские рабочие организовывались и ожесточенно боролись против угнетения на предприятиях, но они не были отрядом революционного пролетариата. Несмотря на драматизм своей борьбы, они даже не стали основой для сколько-нибудь устойчивого профсоюзного движения. Вследствие сильного стремления еврейских трудящихся к преуспеянию еврейское рабочее движение оказалось феноменом по существу лишь одного поколения. Как отметил историк Генри Л. Фэйнгольд, "еврейский рабочий не был сыном рабочего и не хотел, чтобы его сын стал рабочим. Желание повысить свой социальный статус побуждало его лишь больше зарабатывать".⁴⁸

Но, как и в прежние дни, более высокие заработки были лишь одной из целей еврейского среднего класса. В Америке термин "средний класс" обозначал как определенный уровень благосостояния, так и социальный статус, причем и того, и другого (теоретически) можно было достигнуть упорным трудом. Как отмечала в 1756 г. газета "Пенсильвания джорнэл", "право на достойное отношение со стороны самого великого" было правом среднего класса.⁴⁹

Все занятия в сфере умственного труда обычно счи-

таются занятиями среднего класса, хотя какая-то часть их оплачивается не выше, чем многие физические работы.⁵⁰ Вследствие такой концепции социального статуса опережающий рост численности служащих и квалифицированных специалистов в американской экономике вызвал общее движение вверх по социальной лестнице. В 1870-1940 гг. при трехкратном росте населения численность технических и управленческих служащих и квалифицированных специалистов увеличилась в 13 раз.⁵¹ В 1900-1940 гг. доля конторских служащих в общей численности рабочей силы возросла более чем на 300%, тогда как население увеличилось на 75%, а численность работников физического труда по существу не изменилась.⁵²

У многих рабочих - еврейских и других - глубокий кризис 1930-х гг. вызвал радикализацию настроений; острота конфронтации между трудом и капиталом усилилась. И все же молодые евреи смогли существенно расширить свою нишу в секторе экономики, предназначенном для среднего класса. В 1935 году в Нью-Йорке из каждых десяти молодых людей только трое были евреями; но евреями были шесть из каждых десяти молодых домовладельцев, руководителей и чиновников, и около четырех из десяти квалифицированных специалистов, конторских служащих и продавцов.⁵³

ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Расширение системы высшего образования и развитие специализированных отраслей экономики после Второй мировой войны открыло перед американскими евреями широчайшие перспективы в области права, медицины, научных исследований, университетского преподавания, операций с недвижимостью, государственной службы, а также работы в корпорациях. Некоторые области традиционного еврейского предпринимательства, вроде роз-

ничной торговли утратили свое значение по мере того, как снимались дискриминационные барьеры и евреи устремлялись в перечисленные выше профессиональные области. Перед Второй мировой войной еврейский комический актер мог вызвать громкий хохот, сказав, что некий "Ирвинг Шапиро" может стать президентом "Дюпон де Немур" - компании, чье аристократическое название и экономическая мощь представлялись недостижимыми для детей евреев-иммигрантов. Но именно так и случилось в 1973 г., когда сын иммигранта - гладильщика брюк, активно демонстрировавший свою принадлежность к еврею, стал главой этой компании. Позднее Шапиро был избран председателем "Делового круглого стола" - наиболее престижного в стране клуба глав корпораций.

Возвышение Ирвинга Шапиро не было отдельным эпизодом. Данные переписей населения и выборочных обследований показывают, что евреи достигли более высокого уровня образования, социального положения и доходов, чем все прочие группы населения. Общенациональное обследование евреев и неевреев, завершенное в апреле 1988 г. Стивенем М. Коэном для Американского еврейского комитета показало, что душевой доход евреев почти вдвое выше, чем у неевреев. О доходе на семью свыше 50 тысяч долларов в год сообщили вдвое больше евреев, чем белых неевреев, тогда как о доходе менее 20 тысяч долларов сообщили вдвое больше неевреев, чем евреев.⁵⁴

Список 400 богатейших американцев, опубликованный в 1982 г. журналом "Форбс мэгэзин", показал, что из 40 богатейших 16 (40%) были евреями, а из всего списка - 23%.⁵⁵ Они достигли высокого положения в мире банков и корпораций. В 1986 г. на долю евреев, составлявших менее 3% населения США, приходилось 7,4% высших руководителей крупнейших фирм страны и 13% руководителей в возрасте до 40 лет.⁵⁶ Данные, собранные по десяти главным секторам деятельности для "Исследо-

вания американских лидеров, показали, что евреи составили 11% всей выборки (при доле в населении, как уже было сказано, лишь 3%). Ни одна другая группа населения не достигла столь высоких показателей.⁵⁷

Анализ списков тех, кто был включен в справочник "Кто есть кто в Америке", показывает, что в середине 1970-х гг. более 8% из них были евреями по сравнению с 2% в 1944-1945 гг. С начала 1920-х гг. доля евреев в "Кто есть кто..." превышала их долю в населении в большей степени, чем у всех других американских этнических групп, кроме американцев английского происхождения. Но к середине 1970-х гг. это превышение у евреев стало больше, чем у англосаксов. В течение трех последних десятилетий евреи составили 50% из 200 наиболее видных представителей американской интеллигенции, 40% американцев - лауреатов Нобелевской премии в естественных науках и экономике, 20% профессоров ведущих университетов, 21% государственных служащих высшего уровня, 40% владельцев виднейших юридических фирм Нью-Йорка и Вашингтона, 26% репортеров, редакторов и руководителей средств массовой информации, 59% режиссеров, сценаристов и продюсеров пятидесяти самых кассовых кинофильмов 1965-1982 гг., 58% режиссеров, сценаристов и продюсеров самых популярных телевизионных программ.⁵⁸

Эти цифры ярко показывают положение евреев в американском плавильном котле, причем не только их материальное преуспеяние, но и высокую степень их интеграции в американское общество. Диспропорция становится менее заметной при сопоставлении преуспевающих евреев с неевреями, имеющими тот же уровень образования (среди евреев доля учащихся в университетах вдвое выше, чем среди неевреев). Однако эти цифры точно характеризуют главное - отсутствие дискриминации евреев в образовании и экономике, обеспечивающее успешную интеграцию евреев.

Элитные университеты открывают золотой мост к экономическому преуспеянию. Менее полувека назад приток евреев (как студентов, так и преподавателей) в эти престижные учебные заведения был резко ограничен квотами. В начале 90-х гг. 87% американских евреев студенческого возраста учились в высших учебных заведениях, по сравнению с 40% всех американцев этого возраста. И подобно преподавателям-евреям студенты-евреи в основном сосредоточены в лучших учебных заведениях. Обследование студентов младших курсов, проведенное Американским советом по образованию, показало, что студенты из еврейских семей имеют значительно более высокие отметки в колледже, чем их нееврейские сверстники, и это в добавление к тому, что среди евреев значительно большая доля учится в колледжах, чем среди неевреев. Кроме того евреи, по-видимому, значительно лучше учатся и в университетах, они значительно чаще остальных избираются в престижную студенческую корпорацию "Фи-Бета-Каппа".⁵⁹

Подводя итоги, можно сказать, что потомки немецких евреев, иммигрировавших в середине прошлого века, и потомки восточноевропейских евреев, иммигрировавших позднее, смогли стать наиболее образованной, наиболее влившейся в средний класс и наиболее состоятельной этнорелигиозной группой в стране. Ни одна другая группа иммигрантов не продемонстрировала столь быстрых и ярких успехов⁶⁰.

Приведенные данные показывают такой уровень экономического преуспеяния, о котором не могли и мечтать даже самые восторженные отдыхающие в Кэтскилле начала XX века, описанные Абрахамом Каханом. Нередко евреи остерегаются привлечь внимание к своему финансовому положению, чтобы не провоцировать антисемитов. Однако в Америке экономические достижения евреев идут рука об руку с их глубокой интеграцией в

общество⁶¹. Чем объясняется столь благоприятное сочетание? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к идеям общеамериканского религиозного опыта, и в особенности к разнообразию и открытости, характеризующим американское общество на протяжении всей его истории.

РАЗМЫВАНИЕ ПЛЕМЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ

Агнес Келли, иммигрантка из Ирландии, в письме своей семье, отправленном в 70-е годы прошлого века, так радужно описывала свой американский опыт: "Когда мы покинули [Ирландию], мы оставили Старый Свет позади; теперь мы во всем американские граждане, и мы гордимся этим". Другая иммигрантка, Джейн Кроу, писала: "Теперь это наш дом". В то же время другие иммигранты высказывались и об оборотной стороне жизни в Америке. Еще один американец из Ирландии пишет в 1872 г: "Как мы сохраним нашу самобытность? Как мы можем сохранить нашу веру и национальность на протяжении поколений?"⁶²

В начале века У. Дюбуа писал о "двух противоречивых стремлениях" и о "двойственном сознании" американских негров. Афроамериканцы - особая страница нашей национальной истории, но те же понятия применимы к большинству иммигрантских групп и к "коренным американцам" (индейцам - Ред.). Два противоречивых стремления были характерны для всех этнических групп: желание сохранить ощущение групповой общности и одновременно - желание интегрироваться в главное русло американской жизни.

Несмотря на попытки отдельных племенных групп сохранить себя путем самоизоляции (такие попытки ведут к негативным последствиям и в принципе обречены на неудачу), а также на проявление нетерпимости к чужакам в американском обществе, эти группы неизбежно утрачи-

вают свою обособленность. Новая волна нетерпимости выглядит маловероятной, да и сами меньшинства осознают бесперспективность "культурного сепаратизма". Лишь выходцы из черной Африки, отличающиеся от остальных американцев цветом кожи, не могут или не хотят принять идею "плавильного котла"; но и для них ситуация существенно изменилась. Многие негры, вспоминая историю своего угнетения белыми, настроены в пользу самоизоляции. И многие белые, хоть они и одобряют равноправие в области образования и принцип равенства экономических возможностей, обеспокоены воинственной идеологией некоторых негритянских общественных деятелей, а также социальными недугами черных гетто, о которых постоянно сообщают средства массовой информации. Они убеждены, что большинство негров ведет жалкое существование, что приводит к высокому уровню преступности и наркомании, снижает стремление к образованию и к другим ценностям среднего класса и усиливает ненависть к белым⁶³. Отсюда порочный круг взаимной подозрительности и страха, который удерживает негров на большем, по сравнению с другими племенными группами, расстоянии от основного русла американской общественной жизни.

Евреи, напротив, дают нам самый яркий пример племенной дилеммы, поскольку их иммиграция в Америку была мотивирована долгой историей гнета, которому они подвергались за пределами США, а также потому, что в Новом Свете они добились индивидуального признания и успеха. Но хотя евреи и далее будут играть заметную роль во всех сферах американской жизни, численность еврейской общины в стране будет сокращаться, несмотря на присущую евреям тенденцию к сплоченности на основе общей исторической памяти. Если американское общество будет и далее ориентироваться на интеграцию, то потомки евреев из Восточной Европы повторят судьбу

своих единоверцев германского происхождения, численность которых резко сократилась в результате ассимиляции и смешанных браков.

Маршалл Скляр, старейшина американской еврейской социологии, озаглавил свою вышедшую в 1976 г. книгу "Американское еврейство: постоянно умирающий народ", сознательно перефразировав название очерка Саймона Равидовича "Израиль - вечно умирающий народ".⁶⁴ И Равидович и Скляр отмечают, что "евреи отличаются от прочих этнических групп тем, что всегда считают себя умирающим народом".⁶⁵ При этом гибель от рук врагов-антисемитов не так страшна для них, как исчезновение в результате ассимиляции. Эта забота о культурной преемственности уже четверть века назад побудила Совет еврейских федераций и другие еврейские организации выделить средства на проведение научных исследований и социологических опросов относительно еврейской жизни в Америке; эти исследования продолжаются по сей день.

Для других иммигрантских групп европейского происхождения племенная сплоченность осталась в прошлом. Психологическое противоречие, о котором писал Дьюбуа, нашло свое разрешение таким образом, что интеграция по существу вытеснила групповое самосознание. Но если этническое самоотождествление для большей части населения размыто, как объяснить тот факт, что при переписи населения 1990 г. 90% американцев указали хотя бы часть своих этнических корней? Перепись выявила 21 этническую группу европейского происхождения численностью свыше миллиона человек каждая. Около 58 миллионов американцев обозначили свое германское происхождение, 39 миллионов - ирландское, 33 миллиона - английское, 15 миллионов - итальянское, 10 миллионов - французское, 9 миллионов - польское и т.д.⁶⁶

Тот факт, что столь многие американцы европейского происхождения по-прежнему вполне осознают свои нацио-

нальные корни, требует пересмотра наших представлений о размывании этнического самосознания. Однако существует принципиальное различие между иммигрантской группой и племенной общностью. Среди эмигрантских групп распространена ностальгия, а также остаточные следы того, что Герберт Генс назвал "символической этничностью" - от знания родного языка до пристрастия к национальной кухне. На основе глубокого изучения одной крупной урбанизированной территории со смешанным населением итало-американский социолог Ричард Альба пришел к выводу, что несмотря на эти символы "для подавляющего большинства американского белого населения этнический пласт в сознании весьма поверхностен".⁶⁷

Именно поверхностность качественно отделяет размывающуюся иммигрантскую группу от устойчивой этнической общности. В иммигрантской группе все больше исчезают групповая солидарность, общая цель, приверженность общим ценностям и даже культурное сходство. С группой как с особой единицей все меньше считаются в обществе, и ее члены утрачивают ощущение групповой принадлежности. Остаточное групповое самосознание может сохраняться на протяжении поколений. Так, некоторых избирателей может привлечь кандидат на политическую должность только в силу этнического звучания своей фамилии. Но в целом группа не имеет общих интересов и не выступает самостоятельно на политической арене.

Исследуя европейские по происхождению группы, Ричард Альба обнаружил, что "этническое самосознание связано в умах многих с историей семьи. Для многих белых этническая принадлежность неотделима от представления о семье, тогда как более широкая социальная общность в лучшем случае лишь туманно просматривается".⁶⁸ Сами семейные связи становятся постепенно частью традиции, но и эта тенденция угасает с развитием смешанных браков. Используя данные переписи 1980 г., Альба обнаружил, что

66% женщин итальянского происхождения старше 65 лет состоят в браке с мужчинами, так же имеющими итальянское происхождение, тогда как среди итало-американок в возрасте до 25 лет этот показатель составил лишь 23%. Такой же возрастной разрыв отмечается среди большинства иммигрантских групп европейского происхождения, в особенности небольших по численности. Несколько меньше он (но постоянно растет) среди многочисленных потомков иммигрантов из Англии, Германии и Ирландии. Так или иначе, ни в одной иммигрантской группе доля этнически однородных браков не превышает 50%.⁶⁹

В 1950-е годы Уилл Херцберг и другие исследователи выдвинули концепцию "тройственного плавильного котла", согласно которой американизация иммигрантских групп происходит в рамках основных религиозных направлений - протестантизма, католицизма и иудаизма. Однако, теперь все больше размываются и религиозные барьеры. Согласно последним данным, среди молодого поколения американских католиков и евреев доля смешанных браков достигает 50%.⁷⁰

Несмотря на все опровержения и негодования, горькая истина состоит в том, что иммигрантские группы из стран Европы утрачивают этническое своеобразие и перестают выступать как единое целое. Некоторые исследователи полагают, что началось формирование новой общности, которую можно назвать "объединенные белые" или попросту "европейцы". В настоящее время большинство американских белых имеет самых разных в национальном отношении предков.⁷¹ Их единство возможно лишь в одном аспекте - как оборонительная реакция на давление со стороны групп неевропейского происхождения.

НЕЕВРОПЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ

О возможности такой реакции говорит уже тот факт, что к 2050 г. почти половина американского населения

будет неевропейским по происхождению вследствие огромной иммиграции из Латинской Америки и Азии.⁷² В 1993 г. более половины (55%) американцев согласились с утверждением, что "растущее разнообразие, которое эти неевропейские иммигранты приносят в страну, серьезно угрожает американской культуре".⁷³

Среди разделяющих это опасение есть и те, кто с предубеждением относится ко всем кроме англосаксов, и те, кому не нравятся связанные с эмиграцией социальные перемены, и те, кто считает, что все или почти все племенные особенности должны растворяться в американской культурной среде. Для многих, однако, и в особенности для евреев, опасения вызывает сам по себе культурный плюрализм - ведь евреи в особенности приветствовали бы наличие групп, которые успешно интегрировались в американское общество, сохранив при этом свою специфику. Тревогу порождают только такие политические и культурные тенденции сепаратистского типа, которые могут существенно подорвать интегративную природу американского общества.

Во многих обществах преобладал не интегративный, а "сосуществовательный" плюрализм. Так, в Оттоманской империи существовала так называемая система "миллетов", в рамках которой многочисленные этнические и религиозные группы имели ту или иную степень самоуправления со своими собственными законами и пользовались своими языками - в общем были социально самодостаточными образованиями. В Канадском Квебеке усиление франко-канадского национализма и квебекского сепаратизма породило тревожные настроения у евреев и других нефранкоязычных групп. Многие представители этих меньшинств переселились в Онтарио и в другие провинции из-за нежелания оставаться в таком сплоченном этническом массиве. Как показывают опросы, квебекцы с их обостренным национальным самосознанием воспринимаются евреями как более склонные к ксенофобии

и антисемитизму, чем англоязычные канадцы. Евреям не раз приходилось жить в условиях "сосуществовательного" плюрализма - например, на Ближнем Востоке под властью турок и (временами) арабов, а также в предвоенных Польше и Литве. При такой системе господствующая нация предоставляет меньшинствам определенную автономию, причем отдельные лица рассматриваются только как члены группы.

Нельзя всерьез полагать, что такого рода плюрализм может существовать в современной Америке. Однако некоторые этнические группы, в особенности латиноамериканцы, азиаты и афроамериканцы быстро увеличивают свою численность, сохраняя при этом высокий уровень группового самосознания и склонность к самоизоляции. Это заставляет опасаться не только роста межэтнической напряженности, но и эрозии столь характерного для Америки примата личности над группой.

Отчасти такое опасение выражается в спорах последних десятилетий относительно квотирования. Большинство американских евреев и еврейских организаций положительно воспринимают принцип предпочтения при приеме на работу и учебу по отношению к представителям групп, подвергавшихся в прошлом дискриминации. Но в то же время они последовательно выступают против системы квот для меньшинств в соответствии с их долей в населении и без учета личных качеств кандидатов на те или иные должности. Даже там, где программы с использованием квот не задевали непосредственно интересов евреев, они противились таким программам на том основании, что в них проявляется тенденция заменить принцип личных достижений принципом групповой принадлежности.

ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЫ "ЛАТИНОС"

По данным социологической службы Янкеловича, опубликованным в журнале "Тайм" в 1993 г., почти треть

американцев неблагоприятно относится к иммиграции из Латинской Америки и Карибского региона. Уровень неприязни к латиноамериканцам выше, чем к прочим иммигрантским группам, - например, по отношению к китайцам враждебно настроены лишь 2% опрошенных.⁷⁴ Такое отношение к иммигрантам из Латинской Америки связано прежде всего с тем, что они представляют собой опасность сепаратизма в связи с их упорством сохранить свой язык и тем, что иммиграция из этого региона имеет самый массовый характер. В 1990 г. в США насчитывалось 20 миллионов "латинос" и предполагается, что к 2025 г. их станет вдвое больше.

Для лучшей оценки положения "латинос" сравним их с другой группой европейского происхождения - американскими итальянцами. Между 1891 г. и началом 1920-х гг., когда иммиграция из Италии была резко ограничена законом, в страну прибыли около четырех миллионов итальянцев. Эти иммигранты воспринимались как бедные и малообразованные. Говоря на иностранном языке и только что прибыв из иной культурной среды, они были загнаны в тесные гетто и подвергались жестокой дискриминации. Однако они испытали воздействие тех же факторов, которые ослабили внутренние связи в других этнических группах Америки: постепенный выход из гетто и интеграция в открытое общество. Итальянские иммигранты первого поколения, будучи типичными бедняками, смогли найти свое место в индустриальной экономике, которая не требовала высокого образовательного уровня. Их дети и внуки, выйдя из гетто, где они выросли, вступили в смешанные браки и влились в главное русло общественной жизни; они утратили свою защитную склонность к обособлению и в целом испытали значительное ослабление осознания своей этнической самобытности.

Психология нынешних иммигрантов совсем иная, чем у их предшественников. Итальянские бедняки подвер-

гались дискриминации и не имели доступа к профессиям, требующим квалификации, еще у себя на родине (особенно на юге Италии). Поэтому они не могли жаловаться на те требования, которые к ним предъявлял американский рынок труда. Теперешние мексиканские иммигранты также не имеют оснований жаловаться на Америку, однако они не желают быть пассивными, подобно прежним итальянским иммигрантам. Они находятся под влиянием политического активизма таких меньшинств, как афроамериканцы и "коренные американцы", которые в прошлом подвергались дискриминации в Америке.

В духе движения за права черного населения лидеры "латинос" стремятся создать организации и институты для улучшения положения своей группы. Как и "чернокожие" американцы, "латинос" выступают за признание гордости "коричневых".

Подобные организованные усилия, направленные на развитие этнокультурного самосознания, были по существу недоступны иммигрантам прежних эпох. Нынешние же движения отражают подлинную заботу о сохранении национальной самобытности, хотя требования этих движений отчасти являются попросту механизмами самоорганизации. Усилия лидеров "латинос" нередко направлены на узаконение использования испанского языка, подобно тому, как узаконено использование французского в Квебеке. В районах высокой концентрации испаноязычного населения, таких как юго-запад страны и штат Флорида, некоторые организации "латинос" даже открыли кампанию за признание испанского наряду с английским в качестве официального языка. В Майами, где ныне доминируют кубинские беженцы, официальные вывески и документы даются и по-английски, и по-испански. В 1982 г. мэр Майами заявил в своем городе, что "пройдет десять лет, и здесь не будет звучать ни слова по-английски".⁷⁵ Его предсказание пока весьма далеко от осуществления.

Для "латинос" американского юго-запада поучителен опыт иммигрантов из Квебека, поселившихся в Новой Англии. Как писал Лэнсинг Ламонт о более чем миллионе выходцев из Квебека, поселившихся к югу от канадско-американской границы, "их лидеры мечтали о еще одной «Новой Франции» - Квебеке, объединившемся с Новой Англией под знаменем католицизма. Это была иллюзия... Американский плавильный котел растопил «французский дух» выходцев из Квебека... Французский стал умирающим языком старшего поколения".⁷⁶ Географическая близость к родной провинции и франкоязычные приходские школы не сохранили солидарность франко-американцев. Ныне более шести миллионов американцев, говорящих по-английски, ведут свое происхождение из французской Канады. В штате Нью-Хемпшир доля такого населения составляет около трети.

Разумеется, этническая самобытность "латинос" не сотрется столь быстро и подобным же образом; однако опыт прошлого явно показывает, что близость к родным странам не помешает испано-американцам пойти тем же путем, что и большинство американских этнических групп: к добру или к худу, раньше или позже они превратятся в говорящих по-английски и интегрируются в главное русло американской жизни. Если они хотят добиться успеха в обществе высоких технологий, они должны хорошо знать английский язык, и опросы показывают, что большинство из них сознают это.⁷⁷ Калифорния, Флорида и Техас не станут американскими Квебеками.

Термин "латинос" для удобства применяется ко всем испаноязычным группам, социально-экономическое положение которых весьма различно. В 1990 году 19% кубинцев 25 лет и старше имели четыре и более лет обучения в колледже, по сравнению с 10% пуэрториканцев и 6% мексиканцев. Медианный показатель годового дохода для кубинцев составлял 31 тыс. долларов по сравнению с

23 и 18 тыс. для мексиканцев и пуэрториканцев соответственно⁷⁸. Разумеется, многие из кубинцев эмигрировали как беженцы, принадлежащие к среднему классу и не похожие на обнищавших и сравнительно мало образованных мексиканцев и пуэрториканцев. Поэтому Эрл Шоррис отмечает: "Некоторые политические лидеры доказывают, что "латинос" могут объединиться вокруг нескольких проблем: двуязычное образование, право на пособия, помощь новоприбывшим и т.д. Но это иллюзии. Среди тех, кто спорит вокруг проблем образования, есть такие, кто поддерживает сохранение языка, такие, кто склоняется к переходной программе обучения, и такие, кто возражает против всего, что мешает изучению английского языка... Экономические различия вызовут глубокий, подтачивающий силы раскол в общине "латинос"... [которая затем] будет разделяться все дальше и дальше по своим верованиям, чаяниям и историческому прошлому".⁷⁹

Однако более всего сохранению испаноамериканцев как особой группы угрожает желание самих "латинос" выйти из гетто и подчиниться силам "плавильного котла". Как отмечается в одном отчете, «чем больше "латинос" отдаляются от гетто и приближаются к богатым пригородам..., тем чаще они вступают в браки с "англос", открывают самостоятельные дела, приобщаются к занятиям среднего класса, а в пригородах и в смешанных семьях [испанский] язык умирает».⁸⁰ В 1987 г. около двух третей испаноамериканцев Нью-Йорка и Лос-Анджелеса заявили, что главной целью двуязычного образования должно быть обеспечение того, чтобы их дети изучили английский язык и не отставали в школах.⁸¹ Согласно исследованию "Рэнд Корпорейшен", менее половины "латинос" второго поколения вообще пользуются испанским языком. В 1988 г. более половины испаноамериканцев Калифорнии, в основном американских мексиканцев, заявили, что они предпочитают английский в качестве официального

языка штата.⁸² Общенациональный опрос испаноамериканцев 1989-1990 гг. обнаружил, что подавляющее их большинство (92%) соглашались с тем, что "все граждане и жители США должны изучать английский язык". По опросу 1990 г. 87% "латинос" Хьюстона считало своим долгом изучать английский язык и большинство, как и в Калифорнии, полагали, что английский должен быть официальным языком.⁸³

Некоторые лидеры и организации новых этнических групп по своим политико-идеологическим соображениям проводят сепаратистскую линию, чуждую интегративным устремлениям большинства членов группы. Артур Шлезингер осуждающе заметил о таких лидерах, что "они намного больше преуспели в наговорах на белое большинство, чем в обращении своих избирателей в свою веру".⁸⁴ Не в силах изменить интегративные настроения большинства "латинос", они тем не менее используют в своих интересах трудности и разочарования, встречаемые в процессе интеграции и особенно заметные в бедных латиноамериканских районах. Как заметил Питер Скерри, "мексикано-американская политика заиклилась на расовом сознании и отталкивании". Не культурные ценности и культурные различия поддерживают сепаратистские тенденции среди "латинос", а защитная реакция, связанная с тревогой за успех интеграции.

Смешанные браки, "столбовая дорога ассимиляции", - величайшая угроза не только культурной обособленности, но и вообще сохранению группы. Однако их нельзя считать первичным фактором интеграции. Процент смешанных браков растет только с ослаблением основных причин обособленности, - главным образом, со снижением плотности этнического населения в местах его концентрации и с усилением интеграции его на рынке труда и в системе образования. Иногда тот же результат дают и другие факторы, например, неравное соотношение мужчин и женщин в

иммигрантской популяции. Один исследователь обнаружил, что во всех группах ранней иммиграции из Европы, кроме евреев, доля смешанных браков в первом поколении составляла 20%, а к третьему поколению достигла 50%.⁸⁵

У "латинос" и темпы ассимиляции иные, хотя это трудно проследить статистически. Однако обычный интегративный эффект пребывания в американском обществе очевиден и здесь, хотя степень его зависит от характера расселения "латинос" и уровня открытости их общин. Доля смешанных браков в первом поколении пуэрториканцев Большого Нью-Йорка составила в 1970 г. 11%, а среди их детей - 32%.⁸⁶ Среди мексиканских американцев Альбукерке (штат Нью-Мексико) доля смешанных браков в 1940-1955 гг. составляла 13%, а в 1967 г. - 31%.⁸⁷ В 1974 г. тот же показатель в Лос-Анджелесе составлял 34%, а в Сан-Антонио, где окружающее население тогда было менее гостеприимным и где было меньше экономических возможностей для испаноамериканцев, он был вдвое выше.⁸⁸ Одно из обследований обнаружило, что тот же показатель для графства Лос-Анджелес между 1920-ми и 1960-ми гг. удвоился (с 20 до 40%) и что в 1980-е гг. в Калифорнии более половины мексиканских американцев вступали в брак вне испаноязычной общины.⁸⁹ Если оставить в покое цифры, то ясно и так, что с ростом подвижности этносов будущее "латинос" и евреев окажется не таким уж различным.

АМЕРИКАНЦЫ АЗИАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Не столь многочисленная, но быстро растущая этническая группа "азиатов" также воспринимается многими как фактор, нарушающий интеграцию американского общества. Тревогу вызывают как темпы их интеграции, так и "экзотичность" их языков и культур. Однако "азиаты" - китайцы, японцы, корейцы, вьетнамцы, филиппинцы,

камбоджийцы, тайландцы и т.д. - еще более резко различаются между собой, чем "латинос", и по культурному прошлому и по языкам. Есть и еще один интегративный фактор: история и культура прибывших в Америку "азиатов" обусловили их весьма сильную тягу к преуспению и желание войти в главное русло американской жизни, что делает их похожими на евреев. В итоге большинство групп азиатского происхождения выбрались из нищеты быстрее, чем "латинос". В 1990 г. около 40% американских китайцев 25 лет и старше имели не менее 4 курсов колледжа по сравнению с 12% негров, 10% испаноамериканцев и 22% белых.⁹⁰ В 1989 г. средний балл проверочных работ по математике в школах составил для "азиатов" 525, для белых - 491 и для негров - 386.⁹¹ В 1990-е годы в Калифорнийском университете (Беркли) серьезно рассматривался вопрос об установлении квоты для американских китайцев, чтобы они не доминировали среди принимаемых по школьным отметкам ("конкурс аттестатов") и по отметкам на вступительных экзаменах. В 1993 г. опрос газеты "Лос-Анджелес Таймс" показал, что 83% "азиатов" оценили свои способности добиться желаемого жилья, образования и рабочего места как "хорошие" по сравнению с 77% белых, 55% "латинос" и 33% негров.⁹²

Хотя "азиаты" не белые, по показателям межобщинных браков они сходны с европейскими этническими группами. Доля смешанных браков среди японских иммигрантов оценивалась в 2-5%, для второго поколения - в 5-15%, для третьего поколения - в 30-45%.⁹³ В 1993 г., по сообщению журнала "Тайм", этот показатель для американских японцев составил 65%. Подобно евреям, они удачно интегрировались в американское общество; к тому же приток иммигрантов из Японии в последние десятилетия незначителен.⁹⁴ Среди китайцев, возможно, в результате массовой иммиграции большего числа брачных партнеров китайского происхождения, доля смешанных браков

росла медленнее - с 10% в 1950-е годы до 18% в 1970-е годы.⁹⁵ Однако в целом в 1992 г. этот показатель по всем "азиатам" составил, по данным Шлезингера, около 50%.⁹⁶

Азиатские этнические черты и самосознание будут размываться менее быстро, нежели у европейцев, не столько вследствие стремления группы к самосохранению, сколько вследствие мощи вековых культурных и общинных институтов. Однако несмотря на культурные различия существует фундаментальное сходство между основными семейными и трудовыми ценностями большинства "азиатов" и основной массы американцев.

"КОРЕННЫЕ АМЕРИКАНЦЫ" (ИНДЕЙЦЫ)

Две племенные группы в США - индейцы и афроамериканцы - отличаются от остальных тем, что они не прибыли сюда как иммигранты, бегущие от тяжелых условий жизни на родине и ищущие перспектив в Новом Свете. Белая Америка сама создала для них трудности, на которые последовала оборонительная реакция с их стороны.

Индейцев насчитывается около двух миллионов человек, из которых более половины живут вне резерваций. По большей части их миграция в города произошла в ходе Второй мировой войны и сразу же после нее, и во многом она была результатом деятельности Бюро по индейским делам по перемещению и интеграции индейцев (1953-1972 гг.).

Хотя условия жизни переселившихся в города индейцев остаются трудными, Бюро продолжает поддерживать интеграцию, и к концу 1980-х годов появились данные, показывающие возможность приобщения индейцев к главному руслу американской жизни. Так к 1990 г. процент поступивших в колледжи почти достиг доли индейцев в населении.⁹⁷ Доля межрасовых браков в городах также была высокой, как всегда находясь в зависимости от концентрации индейского населения. В 1970 г. доля индейцев,

вступавших в смешанные браки, была ниже 10% для живущих в резервациях, около 20% для живущих в городах, расположенных вблизи резерваций, и 45-60% - в отдаленных от них городских центрах, таких как Нью-Йорк, Чикаго и Лос-Анджелес.⁹⁸

И все же племенное самосознание некоторых групп индейцев в обозримом будущем сохранится, причем не столько из-за предрассудков по отношению к ним и защитной реакции самих индейцев, сколько из-за силы традиций и изолированности резерваций.

АФРОАМЕРИКАНЦЫ

Наиболее обособленной группой остаются афроамериканцы. Расизм, культурные и институциональные пережитки рабства и сегрегации способствовали формированию у многих негров более выраженного племенного сепаратизма, чем у "латинос", "азиатов" и индейцев. Но несмотря на жестокое обращение, которому они подвергались в прошлом, черные американцы были весьма типичной американской группой по ориентации на достижения. Основной целью борьбы было вступление в главное русло американской жизни в качестве равных партнеров. "Интеграция" была главным лозунгом движения за гражданские права негров, развернувшегося в 1960-е годы.

Начиная с 1990-х гг., значительное число афроамериканцев вступает в главное русло жизни страны. Профессиональная мобильность социально ущемленных групп общества обычно зависит от развития экономики. Отчасти по этой причине улучшение положения негров на рынке труда не было равномерным, однако в годы движения за гражданские права прогресс был весьма значительным. В 1950-е годы чуть более одной десятой работающих негров имели профессиональный статус "белых воротничков". К 1990-м годам доля "белых воротничков" среди

негров достигла 40% (среди белых - 50%). В 1990 годы медианный показатель годового дохода для негритянской супружеской пары составлял чуть менее 40 тыс. долларов, то есть примерно 84% от дохода белой супружеской пары. В 1967 году эта пропорция составляла 60%. Такой прирост весьма значителен, если учесть, что негры лишь недавно были допущены к конкуренции на рынке труда. В 1990 году медианный годовой доход негра-выпускника колледжа составлял 90% дохода белого выпускника."

Отношение к выходцам из негритянского гетто со стороны белых коренным образом изменилось к лучшему. Еще один признак перемен - растущее число негров, получающих выборные должности в районах с явным преобладанием белого населения; один негр-конгрессмен заметил по этому поводу: "Нет нового поколения негров-политиков, есть новое поколение белых избирателей".¹⁰⁰ В 1985 г., представляя данные о "важных и устойчивых переменах" в отношениях между черными и белыми, известный специалист по опросам общественного мнения Хауард Шуман сказал, что "по одному тому факту, что весьма многие американцы слишком молоды, чтобы помнить состояние межрасовых отношений в 1940-е годы, можно с уверенностью судить о значимости происшедших перемен".¹⁰¹ Такие реформы, прошедшие в основном мирным путем, не имеют прецедента в истории обществ с дискриминируемыми меньшинствами. Эти реформы пришли поздно и еще далеки от завершения, но они демонстрируют интегративный потенциал американского общества.

Уже на ранних этапах реформ стало очевидным, что одновременно складывается ситуация трагического раздвоения. Если немалая часть афроамериканского населения улучшила свое положение и вступила в ряды среднего класса, то другая значительная его группа еще глубже погрузилась в хаос и безнадежность. Комиссия Кернера по гражданским правам еще в 1960-е годы предупреждала о

возникновении "двух наций" - белой и черной. С 1990-х годов становится еще яснее, что формируются две резко различающиеся категории негритянского населения - добившиеся успеха и остающиеся на дне. В 1988 г. Карл Цинмейстер высказал предположение, что треть афроамериканского населения относится к зажиточной части среднего класса с уровнем доходов выше среднего по стране, а другая треть входит в состав низшей прослойки среднего класса, то есть по крайней мере имеет работу и собственное жилье. Однако есть еще одна треть - те, кто глубоко увяз в жизни гетто и не может выбраться из бедности. Из восьми миллионов человек, относящихся к этой нижней трети, большинство получало государственные льготы, но и из них половина, даже в период процветания, находилась ниже уровня бедности. Четверть этого населения вовлечены в преступную деятельность или страдают от нее, остальные три четверти - в основном неработающие матери-одиночки и их дети.¹⁰²

Разрыв между неграми, имеющими высокие и низкие доходы, становится более резким, чем среди белых.¹⁰³ Уже в 1969 г., отмечая достигнутый прогресс, один из сотрудников Бюро переписи отметил, что "ухудшение обстановки в гетто может отразиться на миграции более преуспевших семей из трущоб; там останутся вдовы, покинутые жены и дети, старики и лица с низким уровнем образования, - то есть те, кто менее всех способен справиться со своими социально-экономическими проблемами".¹⁰⁴

С тех пор положение ухудшилось еще больше. В 1960-е годы, именно в то время, когда начался значительный рост негритянского среднего класса, начинает рушиться семейная структура афроамериканского населения. В 1950 г. 78% негритянских домохозяйств имели в своем составе супружескую пару, что было близко к соответствующему показателю для белого населения (88%). В 1990 г. лишь 48% негритянских домохозяйств включали

такую пару (у белых - 83%).¹⁰⁵ Доля негритянских детей, родившихся в неполных семьях, возглавляемых матерью-одиночкой, повысилась с 23% в 1960 г. до 62% к концу 1980-х годов.¹⁰⁶ Несомненно, что существует взаимозависимость между семейной структурой и уровнем образования и доходов родителей. В 1988 г. большинство (56%) неполных семей жили в бедности, в то время как среди супружеских пар с детьми этот показатель составлял всего 12,5%.¹⁰⁷

На самом деле, однако, внебрачная рождаемость у негритянского населения растет не так быстро, как может показаться по приведенным выше данным. Кристофер Дженкс подсчитал, что если бы замужние негритянки женщины родили в 1987 г. столько же детей, что и в 1960 г., то доля негритянских младенцев, родившихся у незамужних матерей, выросла бы за эти годы лишь с 23 до 29%. Дело в том, что за этот период уровень рождаемости среди супружеских негритянских пар резко снизился, что также отражается на соотношении между "законными" и "незаконными" детьми.¹⁰⁸

Чувство безысходности, присущее бедным афроамериканцам, несомненно подрывает у них тягу к преуспеванию и стремление к интеграции. По данным доклада, опубликованного в 1986 г. Национальным бюро экономических исследований, почти треть негров-мужчин, живущих в бедных городских районах, считала, что преступная деятельность для них выгоднее работы.¹⁰⁹ На одном симпозиуме Национальной Академии наук отмечалось, что "в 1970-е годы начали резко расходиться условия на полюсах негритянской общины. К началу 1980-х годов негры-мужчины в возрасте от 25 до 34 лет, имеющие образование выше средней школы, зарабатывали 80-85% от уровня заработков соответствующей категории белого населения. Эти мужчины-негры представляли верхнюю треть своей возрастной группы. Нижнюю четверть этой же группы со-

ставляли те, кто не окончил среднюю школу и не мог конкурировать на рынке труда в условиях экономического упадка 1970-х годов. Все больше таких молодых негров вообще выбывают из состава экономически активного населения.¹¹⁰

Итак, не подлежит сомнению, что в последние два-три десятилетия многие афроамериканцы продвинулись вверх по общественной лестнице, и этот процесс происходил непрерывно за исключением периодов экономического спада. Можно считать, что при благоприятных экономических условиях негритянское население будет эволюционировать подобно другим меньшинствам: социальная интеграция, смешанные браки, размывание внутренних этнических связей. При таком развитии события жители гетто также, по-видимому, будут включаться в главное русло американской жизни, только значительно медленнее. Но было бы серьезной ошибкой упрощать ситуацию. Даже те афроамериканцы, которые ушли из гетто, в значительной степени подвержены воздействию тех необычайно уродливых исторических обстоятельств, которые в прошлом характеризовали отношения белых и черных американцев; эти обстоятельства продолжают поддерживать стереотипы относительно друг друга, существующие у обеих групп.

Обследования в ряде крупных городов показали, что даже самые бедные "латинос" живут в меньшей сегрегации, нежели самые богатые черные. И "латинос" и "азиаты" чаще расселяются смешанно с белыми, а не в "своих" кварталах; для негров дело обстоит не так.¹¹¹ Даже для новых пригородных районов, в которых живут более зажиточные чернокожие, характерна тенденция к сегрегации.

Данные о смешанных браках также отражают эту специфику афроамериканцев. Доля этих браков растет крайне медленно, что резко контрастирует с положением "азиатов" и "латинос"; и это несмотря на значительные успехи

многих афроамериканцев в области образования и в экономической интеграции. Анализ данных 1980 г. показал, что из негров нелатиноамериканского происхождения только 2% состояло в браке с нечернокожими.¹¹²

Неблагоприятные жизненные условия поддерживают негритянский сепаратизм. Некоторые представители черной интеллигенции, в особенности преподаватели университетов, исповедуют сепаратистскую идеологию и отстаивают необходимость сегрегации. В газетах время от времени сообщается об африканских ритуалах на свадьбах или о церемониях инициации среди молодых американских негров. Само за себя говорит и все большее распространение термина "афроамериканец". Широко сообщается о самоизоляции черных студентов в университетских городках, часто раздаются призывы к проведению отдельных церемоний завершения учебы для негров. В 1993 г. напечатанная в одной из газет карикатура изображала воинствующих негритянских студентов, требующих "отдельных фонтанчиков для питьевой воды", которые тридцать лет назад были ненавистным символом сегрегации на американском Юге.

Племенная сплоченность черного населения США в целом не ассоциируются с африканской прародиной. Дюбуа говорил, что "нет ничего столь коренного, столь «сделанного в Америке», как мы", а Мартин Лютер Кинг сказал однажды: "Негр - американец; об Африке мы не знаем ничего".¹¹³ Два опроса негритянского населения, 1990 и 1991 гг., показали, что большинство негров предпочитает называть себя "чернокожими", а не "афроамериканцами".¹¹⁴

Афроамериканское племенное самоутверждение под лозунгом "черная гордость" предшествовало другим этническим движениям 1960-1970-х годов и вдохновляло их; нередко на его основе достигалось политическое и экономическое равноправие. Сегодня это самоутверждение - от-

личительный (и положительный) атрибут афроамериканской культуры, к которому американские негры привязаны и которым они гордятся; однако племенные связи внутри негритянского населения ныне скорее определяются тем, что некоторые наблюдатели называют "социальным противопоставлением", то есть защитной реакцией. В какой-то мере к этой защитной реакции особенно апеллируют негритянские лидеры. В середине 1980-х годов 60% негритянских лидеров считали, что положение негров ухудшается, тогда как две трети опрошенных среди всего негритянского населения заявили, что их жизнь меняется к лучшему. Вследствие экономического спада оптимизм в негритянской среде, вероятно, слегка понизился по сравнению с серединой 1980-х годов, но он по-прежнему выше, чем в восприятии негритянских лидеров.¹¹⁵ Не стоит, однако, удивляться, что защитная реакция у афроамериканцев выражена сильнее, нежели у других этнических групп, если учесть историю расовой розни и бедности, которая сформировала такую реакцию. Отношения взаимной враждебности и настороженности между белыми и черными (включая даже самых зажиточных из черных) вновь обострились как следствие социальных патологий, вызванных жизнью в гетто.

Поскольку эти негритянские гетто - уникальный продукт Америки, то белое большинство, несомненно, несет больше моральных и гражданско-правовых обязательств по отношению к афроамериканцам, нежели к "латинос". К середине будущего столетия все еще сохранятся значительные группы американцев азиатского и испанского происхождения, и постольку поскольку Америка сохранит свою традицию открытости и примата личных заслуг - эти общины будут еще более интегрированы в американское общество и их внутренние связи во многом ослабеют. Но до тех пор, пока американское общество не найдет какого-либо способа ускорить выход негров из гетто,

всегда сохранится возможность обострения сепаратистских тенденций в афроамериканской общине.

Луис Фарракан и его "Нация ислама", сосредоточив свою кампанию на университетских городках, пытаются дискредитировать идею интеграции. В 1990 г. Фарракан заявил в "Вашингтон Таймс", что "у нас нет надежды придти к подлинному примирению между черными и белыми в этой стране... В конечном счете дело идет к тому, что ответом здесь будет отделение".¹¹⁶ Важно, что призыв Фарракана к сепаратизму основан не столько на "черной гордости", сколько на враждебности к белым. В публикации "Нация ислама" он пишет, что "белая раса природой рождена быть врагом подлинного человека... Вот почему достойный Элайджа Мухаммад [идеолог негритянского исламизма в США. - Ред.] назвал их расой дьяволов... Они никогда не установят справедливости, равенства и свободы".¹¹⁷

ЭРОЗИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Можно ожидать, что общинные связи среди американцев азиатского, европейского и латиноамериканского происхождения будут и далее ослабляться под воздействием "плавильного котла". При достаточно успешном развитии экономики то же произойдет с индейцами и афроамериканцами, хотя чернокожие будут продвигаться по этому пути медленнее всех. Тогда Америка окажется в качественно новой ситуации.

Некогда обособленные группы того же национального происхождения составляли большинство населения Америки; у каждой из них было особое чувство корней, свое общинное сознание. Ныне большинство американцев уже не связаны с определенной племенной группой, и все же они еще не готовы полностью принять тенденцию интеграции. Нередко они не желают признать реальность "пла-

вильного котла" вследствие присущего американскому обществу романтического представления о своей стране как государстве, в котором сохраняются этнокультурные черты и особенности меньшинств, в том числе и неевропейских (в особенности этнических кулинарных традиций). Кино и телевидение представляют этнические группы как неотъемлемую часть американской действительности, и некоторые национальные обычаи и черты, некогда воспринимавшиеся отрицательно, ныне вспоминаются с умилением. Третье поколение иммигрантов помнит о своих дедушках и бабушках и не хочет смириться с перспективой ассимиляции. К тому же у каждой иммигрантской группы есть своя интеллигенция и активисты национальных организаций, прямо заинтересованные в сохранении групповой культуры и самосознания.

Можно, однако, представить американскую действительность по-иному. В новом веке, в новом тысячелетии Америка может приблизиться к той цели, которую некогда поставил перед ней Ральф Уолдо Эмерсон - к созданию "новой расы..., столь же полной жизни, как новая Европа, вышедшая из плавильного котла «темных веков» [средневековья]". Его высказывание напоминает, что американские этнические группы восходят не к Адаму и даже не к Вавилонской башне - их создал плавильный котел истории. Дилемма национальных меньшинств Америки может быть просто изжита в ходе исторического развития, а ее историческая роль может свестись к тому, чтобы продемонстрировать силу новой политической идеи, допускающей сохранение многообразных родовых связей внутри интегрированного и ориентированного на достижения индивидуума общества. Америка может так же переварить родовые исторические корни, как это сделали Англия и Франция. В конце концов, кто в Англии помнит происхождение от германских, романских и нордических племен, некогда покоривших страну?

Такое предположение может показаться фантастическим в свете этнических раздоров, вспыхнувших в последнее время в разных регионах мира. Например, в Югославии в течение полувека тоталитаризм подавлял этнические и религиозные различия, и доля смешанных браков была весьма высокой, но когда лед начал таять, этническое сознание вновь возобладало, вызвав трагедии в смешанных семьях и разрушив само понятие "югослав". Однако в американском обществе сила сопротивления таким явлениям гораздо мощнее, чем где-либо в Европе, да и вообще в других этнически пестрых регионах.

Это не означает, что в Америке будет покончено с культурным разнообразием и что в стране уже не будут возникать новые общины, подобно тому, как после Второй мировой войны появились различные группы "латинос" и "азиатов". Но в целом, как бы к этому ни относиться, следует ожидать, что специфика американских этнических групп будет со временем стираться. Будущее американского еврейства должно быть рассмотрено именно в этом контексте.

ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ БУДУЩЕГО

Те же факторы этнокультурной эрозии, которые воздействуют на большинство этнических групп в Америке, приводят к драматическим переменам среди евреев. Основной механизм эрозии просматривается с полной ясностью. Американские евреи неуклонно все более интегрируются в духовную, экономическую и общественную жизнь страны. Растет их социальная и географическая мобильность, усиливается взаимодействие с другими американцами и их культурами. Интенсивность связей внутри еврейской общины снижается. Евреи проявляют большее пристрастие к другим американцам и их культурам, подобно тому, как другие американцы проявляют большее пристрастие к евреям и их культуре.

туры. Доля смешанных браков, перевалив отметку 50%, продолжает расти. Более 8 из 10 смешанных браков ведут к образованию смешанных семей - без перехода супруга-нееврея в иудаизм. Все меньше детей в таких семьях сохраняют еврейское национально-религиозное самосознание.

Некоторых исследователей огорчает эта печальная картина, но действительность именно такова. Этнокультурная эрозия, во всяком случае, прослеживается безошибочно - если не для всех евреев, то для еврейского населения как целого. Еврейские лидеры либо отказываются признать эту тенденцию, либо выступают с прекраснодушными и нереальными предложениями о том, как повернуть все вспять. Оптимистические прогнозы нередко основываются на мрачных предпосылках: предполагается, что те или иные факторы усилят враждебность к евреям, что пробудит у них защитную реакцию и вернет в лоно общины. Французский представитель семейства Ротшильдов высказал автору этих строк свою убежденность в том, что Бог послал непропорционально большое число евреев в ряды "новой левой", чтобы это стимулировало антисемитизм, что в свою очередь побудит евреев сохранить свою самобытность.

Факты показывают, что если существующая тенденция сохранится, социально-экономический статус американских евреев к 2050 году будет еще более устойчивым. Большинство барьеров исчезнет, евреи еще больше интегрируются в американское общество.¹¹⁸ Отчасти вследствие дальнейшей интеграции уровень открытого антисемитизма снизится еще более.

Такое предсказание могло бы вызвать недоумение в то утро 1993 г., когда газеты сообщили об аресте нескольких молодых людей в Лос-Анджелесе, намеревавшихся взорвать (а в некоторых случаях успевших это сделать) еврейские и негритянские объекты. Группа была небольшая, но опасная, в особенности для тех, против кого она собиралась действовать. Но она вряд ли могла бы спровоциро-

вать более широкое и мощное расистское или антисемитское движение. Действия группы вызвали всеобщую тревогу и решительные меры со стороны властей. В ближайшем будущем несомненно сохранится группа активных, хотя и осуждаемых обществом антисемитов, которые составляют примерно 5% населения. Несколько более значительная часть американцев будет по-прежнему пассивно придерживаться антисемитских взглядов и стереотипов, которые укоренились в нашей культуре в течение многих столетий, но их доля составит значительно менее тех 20%, которые, как полагают, разделяют такие взгляды сегодня.

Смягчению антисемитизма будет способствовать изменение профессиональной структуры еврейского населения. В прошлом евреи были широко представлены в торговле, что нередко делало их объектом недовольства потребителей. В будущем все больше евреев будет занято в числе специалистов и администраторов и меньше - в роли "видимых" торговцев и посредников, так что "чрезмерное" участие евреев в деловой и финансовой жизни Америки будет скрыто анонимными структурами корпораций.

Тем временем показатели притяжения евреев в американской политической культуре продолжают расти. В ходе избирательной кампании 1992 г. и после нее, когда калифорнийцы избрали евреев на оба места в Сенате от своего штата, ни один голос не раздался, чтобы отметить этот факт. Республиканский кандидат на одно из этих мест также был евреем. Штат Висконсин с его высокой долей жителей немецкого происхождения имеет двух сенаторов-евреев, а скандинавско-лютеранская Миннесота выбрала еврея-демократа на смену его единоверцу-республиканцу. Назначение Рут Бадер-Гинзберг и Стивена Брейера в Верховный суд не вызвало никаких комментариев по поводу их еврейства, хотя Бадер подчеркнула это обстоятельство в ходе своего утверждения в Сенате. Дело обстоит совершенно иначе при назначении в Верховный суд Луиса Бран-

дейса в 1916 г., Бенджамена Кардозо в 1932 г. и Феликса Франкфуртера в 1939 г.

Проблемы, связанные с Израилем, рассматриваются евреями как наиболее вероятный источник возможного оживления антисемитизма. Этот взрывчатый фактор может проявиться в случае ухудшения отношений между США и Израилем, а также если американские политики и американская общественность будут воспринимать поддержку Израиля как противоречащую интересам Америки, в то время как американские евреи будут продолжать энергично лоббировать в пользу Израиля. Поскольку ход истории непредсказуем, такой возможности отрицать нельзя. Однако это представляется весьма маловероятным. Несмотря на то, что угроза советских авантюр на Ближнем Востоке исчезла, американские национальные интересы в этом регионе по-прежнему существуют, и уникальная политическая стабильность дружественного Израиля остается весьма привлекательной. Образ Израиля как общества западного типа не изменяется. Если мирный процесс на Ближнем Востоке, начавшийся в 1993 г., будет успешно продолжаться, это может снизить уровень подозрительности американцев к арабам. Однако враждебность к Западу, исповедуемая многими экстремистскими политическими силами в мусульманском и арабском мире и демонстрируемая актами террора в США, такими как взрыв во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке в 1993 г., не скоро забудется американским обществом.

Поскольку решающим фактором в американо-израильских отношениях является понимание американским обществом национальных интересов страны, несомненно, что социальная и политическая интеграция американских евреев является важным моментом, удерживающим от какого-либо разрыва Америки с Израилем. Интересно, что согласно обследованию 1993 г. 6 из 10 американских евреев согласились с высказыванием, что "критика в адрес

Израиля, которую мы слышим, в основном - следствие антисемитизма"; однако на самом деле психологическая связь тут несколько иная.¹¹⁹ Многие неевреи в Америке благожелательно относятся к Израилю, ибо ассоциируют его с американскими евреями, к которым они испытывают добрые чувства и с которыми они так или иначе связаны. Известный журналист (протестант по вероисповеданию) Ричард Ривс полагает, что американцы поддерживают Израиль не из-за его значения для безопасности США и не вследствие политических акций еврейской общины, а потому, что им нравятся евреи, с которыми они знакомы. Он считает, что американцы-неевреи попросту переняли привязанность к Израилю у своих еврейских соотечественников.

Сознание того, что благоприятные тенденции могут повернуться вспять и что в общественной жизни есть много непредсказуемого, поддерживает дурные предчувствия даже у тех евреев, которые лично не ощущают антисемитизма. Имея в виду высокий рейтинг Патрика Бьюкенена при выдвижении кандидата в президенты от Республиканской партии в 1992 г., политолог Бенджамен Гинзберг предостерегал, что "как и при голосовании за или против Дэвида Дьюка в Луизиане, избиратели Нью-Хемшпира и других штатов, где проводились первичные выборы, не отдали голоса Бьюкенену, потому что он - антисемит. С другой стороны, его антисемитизм не помешал... примерно 30% республиканских избирателей в ряде других штатов поддержать Бьюкенена".¹²⁰

Наличие столь многих "неизвестных величин" оправдывает в какой-то степени и эти дурные предчувствия. Однако если Бьюкенен и в самом деле - антисемит, он тщательно избегает открыто это демонстрировать, а этот сигнал свидетельствует о том, что важный сдерживающий фактор работает. В июне 1993 г. одна незначительная газета в районе Сент-Луиса с огорчением заметила, что многие

советники президента Клинтона - евреи. Однако антисемитская позиция газеты меркнет на фоне того, что значительное число советников Клинтона - действительно евреи, а также того, что крупные местные общественные деятели, включая католического епископа Сент-Луиса и обозревателей главных газет, резко и недвусмысленно осудили оскорбительную передовицу.

Общепринятое отрицательное отношение к предрассудкам и нетерпимости не обнаруживает никаких признаков ослабления. Это, по-видимому, отчасти объясняется тем, что группы, обычно становящиеся объектом расистских нападков - афроамериканцы, "азиаты", "латинос" и евреи - вскоре составят более половины американского населения. Этнокультурное разнообразие всегда было и впредь будет присуще американскому обществу, и это не позволит движениям, исповедующим этнорасовую нетерпимость, стать серьезной политической силой в масштабе страны.

В конечном счете, антисемитизм проявляется как феномен культуры. Он распространяется и реализуется через культуру общества, и через нее же он может ограничиваться. "Закон давности" предполагает, что если культура антисемитизма достаточно долго подавляется ограничениями, она может атрофироваться. Чем меньше резервуар антисемитских настроений, тем меньше антисемитизм может эксплуатироваться демагогами, тем легче оттеснить нетерпимость на обочину общественной жизни.

Несмотря на множество оснований для оптимизма, некоторые евреи озабочены распространением в американском обществе настроений христианского фундаментализма. Тревога связана прежде всего с протестантами-евангелистами, которые провозглашают себя "родившимися заново христианами" и склонны обращать других в свою веру. К ним причисляет себя примерно треть американцев. Но их политический потенциал как крайне правой силы на самом деле не столь велик, ибо под эту категорию

подпадает больше негров, чем белых, и больше людей с низкими, чем с высокими доходами. Поэтому среди евангелистов примерно поровну демократов и республиканцев, ибо к республиканцам среди них относят себя только белые представители среднего класса.¹²¹ Хотя некоторые белые евангелистские лидеры время от времени вступают на политическую арену, главным образом на стороне республиканцев и экономических консерваторов, они не могут увлечь за собой значительное число избирателей. Джерри Фолуэлл пытался это сделать, но в результате утратил свою популярность как проповедник. Несомненно также, что фундаменталисты не могут получить серьезной поддержки в Республиканской партии, хотя в ряде штатов они добиваются некоторых успехов, отчасти потому, что больше принимают участие в первичных выборах и чаще появляются на открытых предвыборных собраниях, чем избиратели, придерживающиеся умеренных взглядов.

Кроме того, следует помнить, что попытки нарушить принцип отделения религии от государства, терпели поражение на всем протяжении американской истории. Существующие законодательные гарантии позволяют надеяться, что такие попытки не будут удаваться и впредь, отчасти в силу гетерогенного характера американского общества. Как и в области прав человека, суды и законодательные органы Соединенных Штатов будут еще долго заниматься такими сложнейшими вопросами, как, например, допустимая степень интеграции некоторых религиозных символов и ритуалов в общественную жизнь - и нет сомнения, что даже некоторые еврейские организации будут требовать расширения таких возможностей, но американские законы, препятствующие любой политике такого рода, необратимы.

Некоторые американские евреи проявляют беспокойство из-за несомненного усиления антисемитизма в Восточной и даже в Западной Европе. Их тревожит не только

судьба соплеменников, но и память об импорте антисемитизма в Америку из нацистской Германии 1930-х годов. Верно, конечно, что по всем приведенным выше причинам уровень ксенофобии и антисемитизма в большинстве стран Европы выше, чем в США; однако и там антисемитизм сталкивается с препятствиями. И одно из таких препятствий - сами США и их огромная роль во все более взаимосвязанном международном сообществе.

Для американского еврейства еще не пришло время полностью оставить всякие опасения. Приведенные выше соображения не означают, что антисемитизма уже нет и не будет; однако они говорят о том, что антиеврейские настроения в американском обществе вряд ли будут серьезной проблемой. Даже упорное предчувствие недоброго - исторически понятная защитная реакция - должно смягчиться по мере того, как новые поколения американских евреев почувствуют, что их положение в обществе в основном обеспечено и защищено. Так или иначе, в открытой и богатой возможностями Америке тревожная защитная реакция - это не то, на чем можно строить устойчивое объединяющее сознание евреев и любой иной группы.

СОХРАНЕНИЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В АМЕРИКАНСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЕ

Если некоторые описанные выше факторы обеспечили необычайную совместимость между евреями и Америкой, приведя их к взаимному приятию и к интеграции евреев, то некоторые другие позитивные факторы могут замедлить эрозию еврейской общинной жизни. Начнем с не имеющей себе равных сети крепких общинных институтов, созданных для того, чтобы развивать и поощрять единство евреев. Свыше двухсот еврейских общин имеют централизованные федеративные организации для сбора средств на разнообразную благотворительную деятельность, а также

для Израиля. Эти общины различаются по размерам и профилю: погребальные общества, кредитные ассоциации, общинные центры, семейные институты, общественные комитеты и проч. Общины содержат тысячи синагог. Примерно 250 национальных организаций имеют значительное число членов, а также включают институты и координационные учреждения. Многие из таких организаций имеют отделения на местах.

Сеть еврейских организаций в США так густа, что, как кто-то заметил с юмористическим преувеличением, каждый американский еврей рано или поздно может стать председателем какой-нибудь организации. Эта разветвленная сеть усиливает привлекательность организованной еврейской жизни и поддерживает связи внутри еврейской общины; она также сдерживает этнокультурную эрозию американского еврейства.

Поскольку у евреев есть выраженная общая специфика и в области образования и профессиональных занятий, они и в будущем сохранят связи в общественной, профессиональной и политической жизни, даже если еврейские кварталы перестанут существовать. Общая закономерность такова, что чем больше сфер деятельности, в которых взаимодействуют члены одной и той же группы, тем сильнее групповое единство.

Названные выше сдерживающие факторы - общая защитная реакция, развитая сеть общинных институтов, общая социальная структура - несомненно способствуют сохранению специфики американского еврейства. Однако можно полагать, что защитная реакция среди евреев будет ослабевать. Кроме того, многие группы нееврейского населения по уровню образования и характеру занятости приближаются к евреям. К тому же около половины американских евреев никак не вовлечены в описанную выше густую сеть организаций.

С распространением евреев по территории США орга-

низационные связи между ними стали более важными для поддержания единства. В 1927 г., когда более 40% американских евреев проживали в Нью-Йорке в своих особых кварталах, не имел существенного значения тот факт, что степень их связи с организациями и синагогами была значительно ниже, чем в небольших городах. Общинная атмосфера в еврейских кварталах и в Нью-Йорке была сама столь объединяющей, что для групповой солидарности формальная принадлежность к организациям не была необходимой. Ныне, однако, когда внутриквартальные связи, даже в Нью-Йорке, значительно менее тесны, евреи, не связанные с еврейскими организациями, имеют мало возможностей поддерживать свою этническую самобытность.

Учитывая огромный интегративный потенциал американского общества и внутреннюю тенденцию к интеграции среди евреев, можно полагать, что численность еврейской общины к середине следующего века существенно сократится. Степень сохранения ядра общины и перспективы ее выживания зависят от ряда факторов, более глубоких по характеру, чем названные выше (общность защитной реакции, единство социально-профессиональной структуры и наличие разнообразных общинных институтов).

Перспектива значительного сокращения еврейской общины вызывает серьезную озабоченность у ее лидеров. Эта проблема широко обсуждается в еврейской среде. Нередко доводы сводятся к тавтологии: евреи будут лучшими и более сильными, если они будут лучшими и более сильными евреями. Появляются все новые исследовательские проекты по поиску социальных механизмов, которые могли бы способствовать решению проблемы. Но проблема эта для евреев, как и для других этнических групп, находится вне сферы социальной инженерии; корень ее - в динамике развития американского общества.

Чарльз Либман ставит вопрос о выживании амери-

канского иудаизма в более резкой форме: стоит ли вообще американскому иудаизму выживать? Он замечает, что "любой, кто серьезно задаст себе такой вопрос, вряд ли ответит, что выживание - дело стоящее".¹²² Однако осознание, что выживание иудаизма "дело стоящее", является неотъемлемой частью еврейской жизни, это тот имманентный фактор, на который не влияют ни защитная реакция, ни другие мотивы.

Поиски этого качества слишком часто проявляются в поисках особой идеологии (социальной или политической). Как мы уже говорили, существуют идеологии, тесно связанные с еврейской жизнью, однако, как правило, они представляют собой интерес лишь для тех, кто чувствует свою принадлежность к еврейству. Существуют, разумеется, возможности заняться общественной деятельностью вне еврейской общины - в политических партиях, Американском союзе борьбы за гражданские свободы, клубе "Сьерра" и других либеральных и консервативных организациях. Главная причина осознанного участия евреев в общественной жизни именно как *евреев* заключается в ощущении принадлежности к племени, в котором возникла подобная идеология - но именно этот источник идеологии постоянно подвергается атаке со стороны интегративного американского общества.

Существование Израиля, безусловно, вызывает эмоциональный отклик, и не только у евреев диаспоры, но и у тех, чье еврейское самосознание уже размыто. Однако по указанным выше причинам можно считать, что эмоциональная связь между американскими евреями и Израилем со временем не усиливается, а слабеет и может ослабеть еще больше по мере успехов мирного процесса на Ближнем Востоке. Некоторые даже полагают, что существование Израиля, где "еврейская жизнь" и "общественная жизнь" тождественны, косвенно ставит большинство американских евреев и их многочисленные и разнообразные общи-

ны в положение аутсайдеров, отличающихся от подлинных евреев Израиля.

И, наконец, многие исследователи указывают на религию как на существенное условие выживания американского еврейства. Но как мы уже отмечали выше, религиозные верования или отправления религии для большинства людей - не просто результат волеизъявления, как не является добровольным уходом из общины отказ некоторых от веры и религиозных обрядов.

Существует определенное число евреев, примыкающих к тому или иному (консервативному, реформистскому или ортодоксальному) течению в иудаизме и ревностно относящихся к религиозным обязанностям, таким как регулярное посещение синагоги. Однако в будущем такие евреи составят относительно небольшую часть еврейского населения, и эти евреи не являются критерием для всех других. Значительно больше таких евреев, которые хоть и не придерживаются всех предписаний иудаизма, видят в еврействе некий духовный смысл. Главной темой прошедшего в 1993 г. съезда Союза американских еврейских конгрегаций, объединяющего приверженцев реформистского иудаизма, была необходимость удовлетворения духовных запросов молодых евреев.

Существуют признаки того, что всепроникающее ощущение обезличенности порождает у многих американцев "духовную тоску", которая может быть компенсирована религиозными институтами, предлагающими традиционные формы духовной общности, возможно, отчасти как замещающие утраченное этническое самосознание. В ходе общенационального обследования поколения "бэби бума" [родившиеся в период высокой рождаемости после Второй мировой войны - Ред.] социолог религии Уэйд Кларк Руф обнаружил, что хотя половина принадлежащих к этому поколению навсегда оставила церковь или синагогу, миллионы остались активными "богоискателями", не причисляю-

щими себя к определенному вероисповеданию, но опирающимися в своих поисках на широкий спектр религиозных традиций.¹²³ В Калифорнии, где особенно много "искателей нового времени", расхожим стал рассказ о рождественской елке, украшенной "звездами Давида", и о церемониях, проводимых совместно буддийским священником и раввином.

Такая картина не радует тех, кто озабочен выживанием еврейства, вынуждая их снова ставить извечный вопрос о том, что важнее для евреев - религиозная или этническая принадлежность. Большинство людей испытывает потребность в духовном самовыражении, но для евреев именно ощущение принадлежности к своему племени определяет это самовыражение. Примерно три четверти американских евреев хотя бы иногда следуют иудаистским традициям, например, участвуют в пасхальной трапезе. При этом ими движет стремление к поддержанию этнических связей. Однако по мере размывания этнической обособленности в открытом американском обществе число евреев, сохраняющих такие связи, будет сокращаться. Тут можно вспомнить образ, созданный Стивеном Козном - "синдром артишока... когда встреча с Америкой постепенно, слой за слоем снимает особые еврейские черты".¹²⁴

С другой стороны, еврейская культура может предложить каждому еврею комплекс исторически создавшихся традиций в религиозном контексте, непосредственно затрагивающих сферу личных ценностей. Для большинства евреев, отмечает Чарльз Либман, эти традиции в какой-то мере являются как бы "фольклорной религией...", которая копирует организационную структуру ортодоксальной религии, игнорируя структуру верований этой элитной религии", но никак не игнорируя структуру человеческих ценностей той же ортодоксальной религии.¹²⁵ Такая фольклорная религия может привлечь множество людей, которые отправляют минимум религиозных обрядов (и то

лишь ради племенной идентификации), но ощущают при этом духовную благодать. Евреи, для которых религия стоит на первом плане, не будут, конечно, считать таких людей полноценными иудеями, но все же в их еврейском самосознании есть существенный религиозный компонент.

Религиозный аспект еврейской жизни является мощным препятствием на пути ассимиляции американского еврейства. Он дает основания полагать, что хотя еврейская община к середине будущего века значительно уменьшится по численности, она не исчезнет окончательно и даже, пожалуй, обретет некоторую устойчивость.

Более того, нельзя полностью исключить и возможность того, что условия изменятся и евреи, находящиеся сейчас за пределами еврейской общины, вернуться в нее. Даже если размывание этничности продолжится, со временем может наступить реакция на этот процесс. Человеческая природа в целом противится утрате корней. Большинство людей ищут полноты жизни в некоей общности, особенно в такой, которая придает их существованию форму, преобладающую и духовный смысл, выходящий за пределы семейных связей.

Возрождение общинного духа, возможно, наблюдается уже сейчас. Если воспользоваться терминологией немецкого социолога Георга Зиммеля, можно сказать, что привлекательность общины (*Gemeinschaft*) вновь начинает опережать привлекательность современного массового общества (*Gesellschaft*); это объясняется не только извечными свойствами человеческого характера, но и сложившимся в последнее время представлением о здоровой социальной жизни. Однако новое стремление к общинности не означает возрождения этничности. Новые искатели смысла жизни не собираются возвращаться в общины, сформировавшиеся по признаку общности происхождения, уже почти исчезнувшие в открытом американском обществе.

На основе социологических исследований в богатых

пригородных районах Ричард Альба предположил, что "под нивелирующим воздействием жизни в пригородах этническая специфика имеет тенденцию к уменьшению и главным фактором культурной дифференциации остается религия.¹²⁶ Но, как отмечено выше, позиции главных либеральных христианских конфессий ослабевают, тогда как более фундаменталистские направления, нередко имеющие базу в определенных регионах, в какой-то мере набрали силу. Эндрю Грили отмечает, что церковные приходы в пригородах способствовали сохранению тесных связей между католиками. Хотя связи в рамках приходов и жилых районов теперь значительно ослабели, все же религиозные общности, более, чем группы людей того же происхождения, способны поддерживать единство, несмотря на географическое рассеяние своих членов.

Когда евреи были изгнаны из древнего Иерусалима, раввины осознали, что для сохранения народа в рассеянии нужна защитная оболочка из законов, обычаев и ритуалов, особенно там, где евреи могли легко перейти в другую веру. Но, как мы уже отмечали, в интегративном американском обществе такая оболочка быстро разрушается.

Нынешнее американское общество относится на удивление терпимо не только к межэтническим, но и к религиозно смешанным бракам. В 1983 г. 9 из 10 католиков, опрошенных службой Гэллапа, выразили одобрение бракам между католиками и протестантами, а также (!) между католиками и евреями; 7 из 10 протестантов выразили то же мнение.¹²⁷ Такие показатели заслуживают внимания, даже если рассматривать их как выражение смирения с неизбежным. И все же, по отмеченным выше причинам, религиозное сознание меньшинств оказывается более устойчивым, нежели память об общих корнях; к тому же община, основанная на прочных религиозных связях, имеет больше шансов на обновление, если, разумеется, члены общины, находящиеся на периферии, не оторвались от нее навсегда.

Наиболее часто предлагается воспрепятствовать сокращению еврейской общины путем "еврейского воспитания". Правильность этой идеи подтверждается исследованиями, показывающими, что чем дольше и интенсивнее дается еврейское воспитание, тем больше вероятность того, что получившие его будут исповедовать иудаизм.¹²⁸ С другой стороны, это средство довольно избитое. Американское общество убедилось на печальном опыте, что предоставить людям доступ к образованию недостаточно. Воспитать можно только тех, у кого уже есть установка на получение воспитания и использование его плодов. Для евреев такая установка связана с ощущением этнической ответственности.

Таким образом, мы имеем дело с порочным кругом. Возможно, что стратеги еврейского выживания слишком сосредоточились на количественных аспектах проблемы. Действительность показывает, что число вступающих в цикл еврейского воспитания важнее, чем "выход" этого процесса, и это важно не столько для сохранения ядра еврейства, сколько для расширения этого ядра в будущем. Если еврейская община даже станет меньше по численности, но сохранит сплоченность, многие "маргинальные евреи", уже не вовлеченные в этнические связи, на поколения вперед сохранят ощущение еврейства или, по меньшей мере, память о своих корнях. Живое ядро общины, преданное этнической и религиозной еврейской традиции, может стать магнитом, притягивающим обратно тех, кто тоскует по духовности и общинному бытию, включая и тех, кто лишь отчасти является евреем по рождению.

В предвидении дня возможного возвращения было бы полезным сохранить как можно больше черт еврейской самобытности.

Нынешние сдвиги в положении женщины в еврейской среде также могут улучшить этнические перспективы еврейства. Некогда по существу отлученные от религиозной

иерархии, женщины ныне все больше привлекаются к лидерству. За последние годы женщины впервые стали получать соответствующее образование и занимать должности раввинов в реформистских и консервативных конгрегациях. Доля женщин в раввинате и руководстве религиозных организаций еще невелика, но она явно растет из года в год.

Такой пример инновации важен не только потому, что женщины всегда играли важную роль при соблюдении религиозных обрядов, но и потому, что это показывает открытость еврейства для новых форм религиозной жизни. Можно также отметить формирование *хавурот* - небольших независимых групп молящихся, нередко объединяющихся с существующими конгрегациями.

Американское еврейство стремится также разумно реагировать на перемены, связанные с интеграцией. Так, вследствие высокого процента смешанных браков некоторые еврейские религиозные организации разработали программы благожелательного приема нееврейских супругов. Осуществляется все больше программ с целью улучшить психологический климат в еврейской общине для смешанных пар; однако такие программы могут подорвать стимулы к принятию иудаизма. В целом, однако, новая "открытость" рассчитана на то, чтобы удержать как можно больше евреев в той или иной связи с общиной.

В конечном счете, большинство евреев хочет быть евреями. Даже живя в Америке на протяжении четырех поколений, они сохраняют хотя бы некоторые еврейские традиции. Второй президент США Джон Адамс писал, в духе своего времени, что "не будучи больше преследуемыми, [еврей] вскоре отбросит некую косность и обособленность своего характера, а со временем, возможно, станут либеральными христианами-унитариями".¹²⁹ Американские евреи больше не подвергаются преследованиям, и Адамс, вероятно, считал бы весьма удивительным,

что оставляют свою религию куда меньше евреев, по сравнению с теми упрямыми, кто продолжает ее исповедовать. Подобно многим своим (и нашим) современникам, Адамс недооценил силу этнических и религиозных чувств.

И все же сила уникального общества, созданию которого способствовал Адамс, преодолевала эти чувства, размывая обособленность этнических групп. Даже если мы теоретически согласимся с возможностью одного из "сюрпризов", описанных Натаном Глазером, все равно следует признать, что усилия, препятствующие сокращению еврейского населения Америки, оправданы, но они должны быть обращены к реальности, а не к ностальгии, защитным реакциям и чувству вины. Несмотря на все разработанные в еврейской среде программы, евреи, желающие оставаться евреями в проникнутом духом интеграции американском обществе, будут и впредь стоять перед сложнейшей дилеммой.¹³⁰

Суть этой дилеммы состоит в том, что и большинство евреев, желающих сохранить свое еврейское самосознание, не намерены отказываться от преимуществ интеграции. На пороге XXI века они настроены так же, как Ребекка Самуэльс, которая в конце XVIII века писала своим родителям о том, "как прекрасна эта страна", и так же как жившие на пороге XX века герои Абрахама Кахана, которые "поднялись с мест как один человек" и аплодировали национальному гимну, как бы желая провозгласить: "под этим флагом никто не смеет нас преследовать".

Вряд ли кто-либо так ясно понял природу этой дилеммы, как небольшая группа евреев-хасидов (примерно 12 тысяч человек), которая в 1994 г. решила основать на севере штата Нью-Йорк свой изолированный анклав с собственным школьным округом. Их подход был строго сепаратистским. Один из их представителей заявил: "Мы не желаем открыть перед нашими детьми все общество, весь свет... Мы хотим сохранить наши традиции". "Мы не сек-

та амишей [протестантская секта, живущая обособленно и не пользующаяся достижениями цивилизации.- Ред.]. У нас есть электричество. У нас есть автомобили и другие вещи, которые дает современный мир. Но мы хотим жить, как наши предки - одеваться, как они, говорить на том же языке". Поэтому их дети изолированы от других групп, от воздействия телевидения, а после 18 лет родители устраивают их браки.¹³¹

Такая добровольная изоляция может оказаться успешной для небольшой группы, в особенности если ей как-то удастся избежать интегрирующего воздействия университетов и свободного рынка. Но последовательно сепаратистский подход вряд ли может быть эффективен для американского еврейства в целом.

"Хрупкий остаток" - так в XIX веке назвал евреев Бенджамен Дизраэли. "Остаток" - понятие относительное, и к американскому еврейству оно вполне приложимо. Если не произойдет ничего неожиданного, численность евреев в Америке к середине будущего века сократится не только относительно, но и абсолютно. Но те, кто останется - и более преданные еврейской традиции, и "попутчики" - скорее всего будут чувствовать себя так или иначе связанными общим религиозно-этническим самосознанием. В итоге, в отличие от большинства этнических групп, чье самосознание оказалось размытым, остаток американского еврейства может стать значительно менее "хрупким", чем ныне. Но даже религиозное своеобразие евреев не заставит их предпочесть изоляцию. Дилемма американских евреев, как и большинства других американских меньшинств, не может быть решена без учета тех уникальных черт американского общества, которые, собственно, и стали причиной этой дилеммы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Abraham Cahan, *The Rise of David Levinsky* (New York: Harper and Brothers, 1917; Harper Torchbook edition), p. 424.
- 2 Этот подход подробнее разъясняется в работе Seymour Martin Lipset, *Exceptionalism: The Persistence of an American Doctrine* (New York: W.W. Norton, готовится к печати).
- 3 S.M. Lipset, *The First New Nation: The United States in Historical and Comparative Perspective* (New York: W.W. Norton, rev. ed. 1979), pp. 110-113.
- 4 Ibid.
- 5 Edward A. Tiryakian, "American Religious Exceptionalism: A Reconsideration", *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 527 (May 1993), pp. 51-52.
- 6 Todd M. Endelman, *The Jews of Georgian England, 1714-1830: Tradition and Change in a Liberal Society* (Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1979), p. 31.
- 7 Jacob R. Marcus, *The American Colonial Jew, 1492-1776* (Detroit: Wayne State University Press, 1970), p. 267 (подчеркнуто автором); см. также "Jews and the American Revolution: A Bicentennial Documentary", *American Jewish Archives*, 27:2 (November 1975), p. 210.
- 8 Mary Antin, *The Promised Land* (Boston: Houghton Mifflin, 1912), p. 202.
- 9 Richard Hofstadter, *America at 1750* (New York: Alfred A. Knopf, 1971), p. 139.
- 10 Stanley Feldstein, *The Land That I Show You* (Garden City, NY: Doubleday-Anchor, 1978), p. 14.
- 11 George Mason, in *Reminiscences of Newport*, цит. там же, p. 4.
- 12 Henry L. Feingold, *A Midrash on American Jewish History* (Albany: State University of New York Press, 1982), p. 189. Для сравнения см. Arnold M. Eisen, *The Chosen People in America: A Study in Jewish Religious Ideology* (Bloomington: Indiana University Press, 1983), pp. 25-52, см. также Joseph L. Blau,

- Judaism in America: From Curiosity to Third Faith* (Chicago: University of Chicago Press, 1976), pp.7-20.
- 13 Max Weber, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* (New York: Scribner, 1958), pp. 54-55.
 - 14 Max Weber, *Economy and Society* (Berkeley: University of California Press, 1978), vol. 1, pp. 622-623. Дополнительно о связи между иудаизмом и пуританством, особенно в Америке, см. также Edward A. Tiryakian, "American Religious Exceptionalism: A Reconsideration," *The Annals of American Academy of Political and Social Science*, 527 (May 1993), pp. 51-52. '
 - 15 См. вышеприведенное произведение А. Тайрикяна, стр. 48-50. Для уяснения соотношения между протестантской этикой и стремлением евреев к успеху см. также Fred Strodtbeck, "Family Interaction, Values and Achievement," in David C McClelland et al., *Talent and Society* (Princeton: D. Van Nostrand Co., 1958).
 - 16 Hillel Levine - сообщено лично автору. Anita Libman Lebeson, *Pilgrim People* (New York: Minerva Press, 1975), p. 178; Blau, *Judaism in America*, p.113; Nissan Waxman, "A Neglected Book" (иврит), in *Shana Beshana: Yearbook of Heichal Shlomo* (Jerusalem: 1969), pp. 303-315.
 - 17 Naomi W.Cohen, *Encounter with Emancipation* (Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1984), p. 8.
 - 18 Leon Harris, *Merchant Princes* (New York: Harper & Row, 1979), pp. 92-114.
 - 19 Cohen, *Encounter*, p.20.
 - 20 Harris, *Merchant Princes*, p. 263.
 - 21 Feldstein, *The Land*, p. 53.
 - 22 Naphtali J. Rubinger, *Albany Jewry of the Nineteenth Century* (Ph.D. Dissertation, Yeshiva University, 1970), p. 190.
 - 23 Francis Gregory and Irene D. Neu, "The American Industrial Elite in the 1870s", in William Miller , ed., *Men in Business: Essays in the History of Entrepreneurship* (Cambridge: Harvard University Press, 1952), p. 200.

24 Floyd S. Fierman, "Reminiscences of Emanuel Rosenwald", *New Mexico Historical Review*, 37:2 (1962), p. 110.

25 Feldstein, *The Land*, p. 37.

26 Rubinger, *Albany Jewry*, p. 198.

27 "In Praise of the Jews," in Morris U. Schappes, ed., *A Documentary History of Jews in the United States, 1654-1875* (New York: Schocken Books, 1971), pp. 557-558.

28 Передовая статья в *Philadelphia Sunday Dispatch* (April 21, 1867), "Excluding Jews From Insurance," in Schappes, ed., *Documentary History*, p. 514.

29 Cohen, *Encounter*, p. 24.

30 Henry L. Feingold, *Zion in America* (New York: Twayne, 1974 ed.), p. 114.

31 Цит. в работе Moses Rischin, *The Promised City* (New York: Corinth Books, 1964), p. 30.

32 Feingold, *Zion*, p. 114

33 Cohen, *Encounter*, p. 29.

34 U.S. Bureau of the Census, *Historical Statistics of the United States* (Washington, D.C.: U.S. Bureau of the Census, 1960).

35 Gerald Sorin, *A Time for Building: The Third Migration, 1880-1920* (Baltimore: The John Hopkins University Press, 1992), p. 74.

36 Howard M. Sachar, *A History of the Jews in America* (New York: Alfred A. Knopf, 1992), p. 141.

37 Michael Gold, *Jews Without Money* (New York: Carroll & Graf Publishers, 1985), pp. 159-160.1930.

38 Abraham Bosnio, "Chicago" in Charles S. Bernheimer, ed., *The Russian Jew in the United States* (Philadelphia: John C. Winston Co., 1905), p. 135.

39 Rischin, *The Promised City*, pp. 52-54.

40 Isaac M. Rubinow, "New York" in Bernheimer, ed., *The Russian Jew*, p. 103.

41 Nathan Glazer, "Social Characteristics of American Jews, 1654-1954", *American Jewish Yearbook 1955*, 56 (Philadelphia: American Jewish Committee and Jewish Publication Society, 1955), p. 15.

42 Rubinow, "New York", pp. 106-107.

43 Sachar, *A History of the Jews*, p. 341.

44 Rudolf Glanz, *Jew and Italian, 1881-1924* (New York: Shulsinger Bros., 1971), p. 67. Bruno Roselli, *Our Italian Immigrants: Their Racial Background* (New York, 1927), p. 113.

45 Richard W. Fox, "The Paradox of Progressive Socialism: The Case of Morris Hillquit", *American Quarterly*, 26, (March 1974), p. 136.

46 Ibid.

47 Charles E. Silberman, *A Certain People: American Jews and Their Lives Today* (New York: Summit Books, 1985), p. 137.

48 Feingold, *Zion*, p. 160.

49 Arthur N. Holcombe, *The Middle Classes in American Politics* (Cambridge: Harvard University Press, 1940).

50 Seymour Martin Lipset and Reinhard Bendix, *Social Mobility in Industrial Society*, (New Brunswick, NJ: Transaction Books, 2nd ed., 1992).

51 Lewis Corey, "The Middle Class", *Antioch Review*, 5 (Spring 1945), pp. 1-20.

52 U.S. Bureau of the Census, *Historical Statistics*, p. 74.

53 Glazer, "Social Characteristics", p. 20.

54 Steven M. Cohen, *The Dimension of American Jewish Liberalism* (New York: American Jewish Committee, 1989), pp. 28-29. Десятью годами ранее Эндрю Грили на основе данных Национального центра по изучению общественного мнения пришел к выводу, что евреи наиболее преуспевающая группа американского общества" - см. Andrew M. Greeley, *Ethnicity, Denomination and Inequality* (Beverly Hills: Sage, 1976), p. 39. См. также David C. McClelland, "Issues in the Identification of Talent", in McClelland et al., *Talent and Society*, pp. 19-21.

55 Данные Джеральда Бубиса, приведенные в работе Barry A. Kosmin, "The Dimensions of Contemporary American Jewish Philanthropy", in Barry Kosmin and Paul Ritterband, eds., *Contemporary Jewish Philanthropy in America* (Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1991), p. 24.

56 Barry A. Kosmin and Seymour P. Lachman, *One Nation under God: Religion in Contemporary American Society* (New York: Harmony Books, 1993), p. 260. Calvin Goldscheider and Alan S. Zuckerman, *The Transformation of the Jews* (Chicago: University of Chicago Press, 1984), p. 183.

57 Richard D. Alba and Gwen Moore, "Ethnicity in the American Elite", *American Sociological Review*, 47 (June 1982), p. 377. Stanley Lieberson and Donna K. Carter, "Making It in America: Differences between Eminent Black and White Ethnic Groups", *American Sociological Review*, 44 (June 1979), pp. 349-352.

58 Обзор и список источников о роли евреев в науке и искусстве см. в работе Charles E. Silberman, *A Certain People: American Jews and Their Lives Today* (New York: Summit Books, 1985), pp. 143-156; о евреях среди интеллигенции высшего уровня см. Charles Kadushin, *The American Intellectual Elite* (Boston: Little, Brown, 1974), pp. 19-32; о евреях среди американских нобелевских лауреатов см. Harriet Zuckerman, *Scientific Elite: Nobel Laureates in the United States* (New York: Free Press, 1977), p. 68. Данные о евреях - университетских профессорах см. в Seymour Martin Lipset and Everett Carl Ladd, "Jewish Academics in the United States: Their Achievements, Culture and Politics", *American Jewish Yearbook*, 71, (1971), pp. 92-93.

59 Источники данных см. в Lipset and Ladd, "Jewish Academics", p. 99.

60 Nathan Reich, "The Role of the Jews in the American Economy", *YIVO, Annual* 5 (1950), pp. 197-205; Nathan Glazer, "The American Jew and the Attainment of Middle-Class Rank: Some Trends and Explanations", in Marshall Sklare, ed., *The Jews: Social Patterns of an American Group* (Glencoe, IL: Free Press, 1958), pp. 138-146; Sidney Goldstein, "Socio-economic Differentials among Religious Groups in the United States", *American Journal of Sociology*, 74 (May 1969), pp. 612-631; Simon Kuznets, *Economic Structure of the Jews* (Jerusalem: Institute of Contemporary Jewry, 1972); Marshall H. Medow,

"Note: Some Differences between the Jewish and General White Male Population in the United States", *Jewish Sociological Studies*, 43 (Winter 1981), pp. 75-80.

61 Lucy S. Dawidowicz, *On Equal Terms: Jews in America 1881-1981* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1982), p. 51. См. также Arthur A. Goren, *The American Jews* (Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1982), pp. 73-76.

62 Сообщается по нескольким источникам в работе Ronald Takaki, *A Different Mirror: A History of Multicultural America* (Boston: Little, Brown and Company, 1993), pp. 163-164.

63 Seymour Martin Lipset, "Two Americas, Two Value Systems, Blacks and Whites", *Tocqueville Review*, 13:1 (1992), pp. 159-164.

64 Marshall Sklare, *Observing America's Jews* (Hanover, NH: University Press of New England/Brandeis University Press, 1993), pp. 262-274.

65 *Ibid.*, p. 265.

66 Sam Roberts, *Who We Are: A Portrait of America Based on the Latest U.S. Census* (New York: Times Books, 1994), p. 283.

67 Richard D. Alba, *Ethnic Identity: The Transformation of White America* (New Haven: Yale University Press, 1990), p. 297.

68 *Ibid.*, p. 299.

69 *Ibid.*, p. 47.

70 *Ibid.*, p. 15.

71 *Ibid.*, p. 5.

72 "The Numbers Game", *Time Magazine*, Fall 1993 Special Issue, p. 15.

73 Gallup Poll, July 9, 11, 1993, сообщается в *San Francisco Chronicle*, July 23, 1993, p. A26.

74 "The Numbers Game", p. 15.

75 *Tampa Tribune*, Nov. 2, 1982.

76 Lansing Lamont, *Breakup: The Coming End of Canada and the Stakes for America* (New York: W.W. Norton, 1994), p. 210.

77 Richard Rodriguez, *Hunger for Memory* (Boston: David Godine, 1982), pp. 19-27; Earl Shorris, *Latinos: A Biography of the People* (New York: W.W. Norton, 1992), pp. 73-74, 181-183.

- 78 Census Bureau, Statistical Abstract of the USA 1992 (Washington, D.C.; Bureau of the Census, Department of Commerce), p. 41.
- 79 Shorris, Latinos, pp. 428-429.
- 80 Ibid., p. 426.
- 81 Peter Skerry, Mexican Americans: The Ambivalent Minority (New York: Free Press, 1993), p. 285.
- 82 Kevin F. McCarthy and R. Burciaga Valdes, Report R-3365-CR (Santa Monica: Rand Corporation, 1986), pp. 61-62; см. также Skerry, Mexican Americans, p. 285.
- 83 Rudolfo O. de la Garza, Louis De Sipio, F. Chris Garcia, John Garcia, and Angelo Falcon, Latino Voices: Mexican, Puerto Rican, and Cuban Perspective in American Politics (Boulder: Westview, 1992), p. 98; JoAnn Zuniga, "87% in Poll See Duty to Learn English", Houston Chronicle, July 12, 1990, p. A19.
- 84 Arthur M. Schlesinger Jr., The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society (Knoxville: Whittle Books, 1991), P-79.
- 85 Paul R. Spickard, Mixed Blood: Intermarriage and Ethnic Identity in Twentieth-Century America (Madison: University of Wisconsin Press, 1989), p. 344.
- 86 Ibid.
- 87 Ibid.
- 88 Skerry, Mexican Americans, p. 68.
- 89 Linda Chavez, Out of the Barrio (New York: Basic Books, 1991), p. 81.
- 90 Census Bureau, Statistical Abstract of the United States 1992, p. 41.
- 91 Louis Winnick, "America's 'Model Minority'", Commentary, 92 (August 1990), p. 25.
- 92 Carla Rivera, "Asians Say They Fare Better than Other Minorities", Los Angeles Times, August 20, 1993, p. A20.
- 93 Spickard, Mixed Blood, p. 344.
- 94 "The Numbers Game", p. 14.
- 95 Spickard, Mixed Blood, p. 345.

- 96 Schlesinger, Disuniting, p. 80.
- 97 Statistical Abstract of the United States 1992, p. 164.
- 98 Spickard, Mixed Blood, p. 348.
- 99 Соответствующие данные имеются в публикациях: The Black Population of the United States, Current Population Reports, Population Characteristics, pp. 20-464 (Washington, DC: U.S. Bureau of the Census, March 1991), pp. 16, 33; Robert Staples, "The Illusion of Racial Equality: The Black American Dilemma"; Gerald Early, ed., Lure and Loathing (New York: Penguin Press, 1993), p. 229; Statistical Abstract of the United States 1992, p. 94. См. также Bart Landry, The New Black Middle Class (Berkeley: University of California Press, 1987).
- 100 Paul Ruffins, "Interracial Coalitions", Atlantic, June 20, 1990, p.4. Социологические данные о в целом все более благоприятном отношении к афроамериканцам см. в работе Howard Schuman, Charlotte Steeh, and Lawrence Bobo, Racial Attitudes in America (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985).
- 101 Schuman et al., Racial Attitudes, p. 202; Lipset, "Two Americas", pp. 160-163.
- 102 Carl Zinmeister, "Black Demographics", Public Opinion, 10 (January/February 1988), pp. 41-44.
- 103 Census Bureau, Statistical Abstract, p. 444.
- 104 Заявление Германа Миллера, директора отдела статистики населения Бюро переписи, цит. в Chronicle, monthly report of Urban America, Inc., March 1969, p. 5.
- Ю5 The Black Population of the United States, p. 7.
- 106 Gerald D. Janes and Robin M. Williams, eds., A Common Destiny: Blacks in American Society (Washington, DC: National Academy Press, 1989), pp. 279-286.
- 107 David Ellwood and Jonathan Crane, "Family Change among Black Americans: What Do We Know?", Journal of Economic Perspectives, 4 (Fall 1990), p. 70.
- Ю8 Christopher Jencks, "Is the American Underclass Growing?", in: Christopher Jencks and Paul E. Peterson, eds., The Urban

Underclass (Washington, DC: The Brookings Institution, 1991), pp. 86-89.

109 Zinmeister, "Black Demographics", p. 41.

110 Janes and Williams, *Common Destiny*, p. 275.

111 Douglas S. Massey and Nancy A. Denton, *American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass* (Cambridge: Harvard University Press, 1993), pp. 67, 85-87.

112 Alba, *Ethnic Identity*, p. 13.

113 Schlesinger, *The Disuniting*, p. 46.

П4 *Ibid.*, p. 88.

115 Lipset, "Two Americas", p. 159.

116 Jerry Seper, "Leader Urges Black Exodus", *Washington Times*, February 28, 1990, p. A1.

117 Louis Farrakhan, "The Black Man: An Endangered Species", *Final Call*, May 9, 1988.

118 Общую оценку соответствующего эффекта см. в работе S.N. Eisenstadt, "The Incorporation of the Jews in the United States", в его книге *Jewish Civilization. The Jewish Historical Experience in Comparative Perspective* (Albany: State University of New York Press, 1992), pp. 119-139.

119 Survey conducted for the American Jewish Committee by Market Facts, September 20-26, 1993 (New York: American Jewish Committee, 1993).

120 Benjamin Ginsberg, *The Fatal Embrace: Jews and the State* (Chicago: University of Chicago Press, 1993), p. 235.

121 Religion in America, Gallup Report, April 1987, Report #259.

122 Charles S. Liebman, *The Ambivalent American Jew* (Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1973), p. 177.

123 Wade Clark Roof, *A Generation of Seekers: The Spiritual Journeys of the Baby Boom Generation* (San Francisco: Harper, 1993), pp. 182-212, 241-262.

124 Steven M. Cohen, *American Assimilation or Jewish Revival* (Bloomington: Indiana University Press, 1988), p. 46.

125 Charles S. Liebman, "The Religious Life of American Jewry",

in: Marshall Sklare, ed., *Understanding American Jewry* (New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1982), p. 47.

126 Richard D. Alba, *Italian Americans: Into the Twilight of Ethnicity* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1985), p. 89.

127 George Gallup Jr. and Jim Castelli, *The American Catholic People* (Garden City: Doubleday, 1987), pp. 59-60.

128 Seymour Martin Lipset, *The Power of Jewish Education* (Boston and Los Angeles: The Wilstein Institute, 1994).

129 Peter Grose, *Israel in the Mind of America* (New York: Alfred A. Knopf, 1984), p. 6.

130 Sklare, *Observing America's Jews*, pp. 234-247, 262-263. Chaim I. Waxman, "Heightening Ideology, Diminishing Community: A Review Essay", *Shofar*, 12 (Winter 1992), pp. 102-103.

131 Don Lattin, "Church-State Conflict in a Jewish Town", *San Francisco Chronicle*, March 25, 1994.

НОВЫЕ КНИГИ

Аркадий Львов

ПОСМЕРТНОЕ ВСКРЫТИЕ ИМПЕРИИ *

В морозный, по-московски хмурый декабрьский день я встретился с Джеком Мэтлоком в Гарримановском институте, чтобы сообщить ему о серии передач, которую мы готовим в связи с выходом его мемуаров "Посмертное вскрытие империи".**

Пересекши подворье Колумбийского университета, заваленного снегом, я вышел к корпусу политических наук, где на двенадцатом этаже располагается Гарримановский институт.

Профессор Мэтлок, как всегда ровный, спокойный, с приветливой (несомненно искренней, но в то же время и отработанной) улыбкой натерелого дипломата, сказал, что по погоде, у него сейчас такое чувство, как будто он не в Нью-Йорке, который на широте Ташкента, а где-то в Москве на Садовом кольце.

—И, знаете, — сказал он, — приятно. Первый раз я приехал в Москву в самом начале 60-х годов, мне только недавно исполнилось тридцать лет, и с тех пор Москва стала для меня почти родным городом. Это, конечно, не северная Каролина, где я родился. Но если проведешь в городе одиннадцать лет, тем более, в таком городе, как Москва, то, уезжая, не только увозишь с собой что-то, но и оставляешь там что-то.

* * *

В американской печати мне приходилось встречаться с разными оценками и суждениями о Мэтлоке. В одних слу-

*Передача радио "Свобода" из серии "Американские ученые о России".

***Jack F. Mattlock, Jr. Autopsy on an Empire. Random House. N.Y. 1995.*

чаях он представлялся гибким, с обостренным чувством времени и ситуации дипломатом; в других — упрямым, жестким поборником твердой линии, с воинственными замашками, сказавшимися в политике президента Рейгана, у которого он был консультантом и главным советником по русским делам.

Впервые мне довелось встретиться с Джеком Мэтлоком в Кеннановском институте в Вашингтоне, когда уже определенно говорили, что он сменит на Садово-Спасской в Москве, где находится Американское посольство, Артура Хартмана. Сложилось так, что оба они побывали в институте с небольшим промежутком во времени, и сопоставление напрашивалось само собою. Антиподы во внешнем облике (Хартман—высокий, как говорят на Руси, видный собой; Мэтлок — крепыш, кряжистый, чуть не добирающий до среднего роста), они оставляли и ощущение полярности в манере общения, в общем взгляде на тогдашние отношения между Вашингтоном и Москвой. Артур Хартман, с которым был у меня разговор после его лекции, держался того мнения, что Горбачев только пускает пробные шары, а на самом деле будет продолжать генеральную линию партии.

Мэтлок же в лекции своей (а еще прямее в ответах на вопросы аудитории, почти сплошь состоящей из профессоров и докторов политических наук) утверждал, что в Союзе происходят серьезные перемены. Правда, пока речь идет скорее о тенденциях, но тенденции эти надо серьезно принимать в расчет, чтобы перспектива не оказалась искаженной.

Читая книгу мемуаров Джека Мэтлока, я вспомнил разговоры и картины почти десятилетней давности. Тогда, в Кеннановском институте, где я был гостевым научным сотрудником, говорить с Мэтлоком мне не привелось. Теперь же в Колумбийском университете, в беседах с профессором Мэтлоком восстановилось то чувство ясности и определенности суждений, какое

впервые возникло тогда, в середине минувшего десятилетия. Книга "Посмертное вскрытие империи" дала новый заряд этому впечатлению.

Автор говорит, что дипломат срачивается со страной, со средой, с людьми независимо от собственной воли. Но интеллектуальная и эмоциональная его установка играют, конечно, первостепенную роль.

Джек Мэтлок помнит, при каких обстоятельствах он, студент Дюковского университета, впервые обратился к русскому языку и литературе. Это было вскоре по окончании Второй мировой войны. Формально и этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы объяснить интерес молодого американца к России, с которой четыре года Соединенные Штаты были по одну сторону фронта против Германии.

Но психологически, говорит автор мемуаров, объяснение уходит в глубь времен, в давнее прошлое, когда далекие предки Мэтлоков, шотландско-ирландских кровей квакеры, бежали из Европы в поисках свободы в Северную Америку.

Континенты и страны манили Джека, чужие наречия звучали в его ушах, неведомые обычаи и нравы тревожили воображение. Чуть забегая вперед, заметим, что дипломат Мэтлок в своих приветствиях обращался на языке тех народов и стран, скажем, Закавказья или Средней Азии, которые его приглашали. Что же касается русского, то ему приходилось выступать и в роли толмача.

Карьерный дипломат, прошедший тридцать пять лет своей жизни по ведомству госдепартамента, Мэтлок самыми главными годами считает те, которые были связаны с Москвой, с Россией, с Союзом. Он вернулся в Штаты за несколько дней до августовского путча 1991 года, за четыре месяца до ликвидации СССР.

Вспоминая 25 декабря 1991 года (в Америке в этот день отмечают рождество), Мэтлок по сей день слышит голос

Михаила Горбачева, первого и последнего президента СССР. В какой-то момент возникло ощущение некой фантазмагии; события, предельно жестоко реальные, казались нереальными. Неясно было, когда следует ожидать официальной процедуры упразднения Советского Союза. И вдруг на экране появился изобразительный ряд, тоже казавшийся действием из какой-то фантазмагии: опустился флаг СССР, и на флагштоке взвился трехцветный флаг России.

Это была неожиданность — неожиданность не только для сложившего свои полномочия (по классической терминологии, отрекшегося) Горбачева, но и для тех, наверное, почти всех, кто смотрел в эту минуту телевизионную программу из Москвы.

Ожидал ли этого он, недавний посол Вашингтона в Москве, Джек Мэтлок? Автор мемуаров "Посмертное вскрытие империи" говорит, что ожидал, ожидал давно, и в таком именно духе отвечал на вопросы о грядущей судьбе Союза, но при этом всегда уточнял: "Мой внук это увидит".

* * *

Но сложилось так, что довелось увидеть ему самому. В разговоре, какой недавно был у нас в Гарримановском институте, Мэтлок сказал, что такой вариант рассматривался летом того, 1990 года, в беседе с Хасбулатовым, тогдашним председателем Верховного совета. Естественно, дата не устанавливалась. Но общий прогноз был именно таков — Союз доживает свой срок, дни его исчислены и взвешены.

Но при всем том событие, когда оно свершилось, оказалось в том ряду, который помечается понятием "неожиданное".

* * *

Произведя автопсию, посмертное вскрытие империи, автор мемуаров с предельной точностью формулирует тогдашнее свое состояние. Прежде всего нужно было отве-

тить на вопрос: что, собственно, рушилось, что отошло в небытие? Советский ли Союз, как привыкли видеть его и понимать с тех давних, почти семидесятилетней удаленности дней, когда он возник на политических картах мира? Советский Союз, с которым более сорока лет Соединенные Штаты пребывали в состоянии "холодной войны", когда временами казалось, все держится на ниточке, на волоске? Или (в поисках ответа мемуарист обращается к биологической терминологии) погиб зародыш нового, политический эмбрион, гибели которого едва ли следует радоваться?

История не лаборатория, всякий опыт ставится здесь один раз: в первый и последний. Но перебор вариантов — это занятие не только для ученого, не только, в данном случае, для историографа, но и для политика, дипломата, государственного деятеля.

"Посмертное вскрытие империи" — это книга мемуаров, книга раздумий дипломата, книга историка. Каждая из двадцати четырех ее глав дает ощущение незавершенного поиска. Поиска, который предполагает не только новый взгляд, новое толкование, но и новые факты. Причем надобно здесь сразу уточнить, не только факты прошлого, с какими придется иметь дело историку, но и факты будущего, о каких сегодня можно строить лишь догадки.

* * *

Еще в хрущевское десятилетие, в первый свой срок в посольстве Соединенных Штатов в Москве, Джек Мэтлок задался вопросом: что такое Советский Союз? Общие ответы, расхожее мнение — большевистская империя, колониальная держава, тоталитарное общество — хотя в каждом содержались видимые, реальные признаки, не удовлетворяли его.

Во всех империях, какие существовали в человеческой истории, важнейшим компонентом была доминантная нация. В Российской империи такой доминантной нацией были, несомненно, великороссы. Но можно ли было то же

утверждать относительно большевистской России? Да, русский язык был господствующим. Да, во всех республиках к первому секретарю ЦК, из "нацменов", приставлялся второй, как правило, из великороссов. Да, Москва, столица Российской Федерации, была и столицей СССР.

Но, спрашивает Мэтлок, разве русские жили лучше своих соседей, "младших братьев" из братских республик? Разве у них было больше политических и гражданских прав? Когда еще в годы горбачевской перестройки начались исторические разборки, солженицынский тезис об ущемлении, какому подвергались русские в Советском союзе, приобрел особое звучание. Самоуничижение, в котором, кажется, черпали некоторое удовлетворение трубадуры и апологеты этого тезиса, явно было гипертрофировано. Но несомненно, замечает автор в своих мемуарах, расхожая версия великорусской доминанты требовала не просто корректировки, но переосмысления.

Большевики создавали новую империю, экспериментируя. Советскую конституцию 1936 г. Сталин, официальный ее творец, объявил высшим достижением демократии. В качестве эпиграфа к главе "Империя" Мэтлок избрал слова Ларошфуко: "Лицемерие — это дань, которую порок платит добродетели".

Несомненно, упомянутая конституция, "самая, — по словам Сталина, — демократическая в мире", была данью большевистского порока демократической добродетели. Но разве союзные республики (тогда их было одиннадцать) представлялись только фикцией? Конечно, право на выход из Союза было фиктивным. Но границы национальных республик, при всей их условности, отмечены были и качествами реальных. И хотя верховные их советы, как и всякие министерства и суды, наделены были ограниченными, порою, прямо призрачными, функциями, но национальное самосознание в республиках кристаллизовалось. Как показали последующие события, не только кристаллизовалось, но и

формировалось как политическое и государственное самосознание.

Административное деление, принятое с петровских времен в России, после октября 1917 г. трансформировалось в некий гибрид, в котором сочетались губернские, национальные и партийно-государственные начала.

Самое примечательное, что национальные границы (особенно в Средней Азии) при этом неоднократно кроились и перекраивались, поскольку невозможно было определенно указать не только границы, но и принципы, на основе которых эти границы устанавливаются. Диалекты при этом объявлялись языками, а языки, по причине очевидной своей привязанности к магометанской культуре, в особенности к арабской письменности, переведены были поначалу на латинский алфавит, а несколько времени спустя — на кириллицу.

Сказалась ли в этом великорусская доминанта? Российские самодержцы не считали уместным переводить инородцев с арабского алфавита на кириллицу. Большевикам это понадобилось.

Постоянно твердя о культуре, национальной по форме и социалистической по содержанию, в столице столиц — в Москве, начиная со сталинских времен, большевики устраивали смотры и декады. Логика процесса была, однако, такова, что влекла к более значительным акциям, последствий которых никто не мог предвидеть. В этом ряду в Закавказье "обустроены" были в районе Нагорного Карабаха армяно-азербайджанские дела, а в европейской части — в качестве подарка Украине от России поднесен был Крым. Нет, однако, сомнения, что к самому подарку инициаторы его относились как к формальному акту, лишенному практического смысла. Между тем, в истории нет акций, которые лишены были бы предметного смысла, как бы ни относились к ним сами исполнители. Объявленное во времена брежневской стагнации создание новой социальной общности — советского народа десятилетие спустя оборотилось

кровавыми национальными распрями, которых не знала послеоктябрьская Россия. Верили ли сами советские лидеры, что выкристаллизовалась новая социально-этническая общность, имя которой "советский народ"?

Главный менеджер программы перестройки, Михаил Горбачев, безусловно, верил. Он был весьма удивлен, когда люди, которых он намеревался облагодетельствовать уважительным отношением к провозглашенным в советской конституции гражданским свободам, едва освободясь от узды, к коей приучены, казалось, были с малых-юных лет, вдруг вспомнили о своих национальных обидах.

История преподнесла еще один урок: границы, начертанные в свое время произвольною рукою, две трети века спустя пытались исправить человеческой кровью. Причем тем настырнее пытались, чем меньше они поддавались исправлению насильственным путем.

Государственные, административные, национальные и партийные структуры, которые складывались по внутренней, свойственной им природе, большевики пытались привести к единообразию, предписанному им философией и моделями Маркса-Ленина. Советский Союз, выдержавший, казалось бы, испытание временем, испытание самой кровопролитной в истории России войной, представший миру в образе — устрашающем образе — сверхдержавы, в несколько лет оборотился колоссом на глиняных ногах.

Хотел ли Запад, хотел ли свободный мир этого крушения, этой гибели? Джек Мэтлок решительно и определенно отвечает: нет, не хотел.

Конечно, на Западе были — были и есть — политики, дипломаты, историки, которым сильная Россия внушает опасения. Имперский дух, имперский настрой — это, убеждены они, не только прошлое России, не только ее история. В геополитическом пространстве бывшего Советского Союза они предпочитают видеть несколько государств; система равновесия и противовесов представляется им средой, в которой имперские импульсы России будут га-

ситься. Или, если не гаситься, будут умеряться до уровня, на котором возможен контроль.

Между тем, замечает Мэтлок, на просторах бывшего СССР идут процессы, которые могут привести к созданию новой устойчивой структуры, основанной на началах интеграции, свойственных свободным обществам.

Чтобы представить себе, на каких путях может происходить становление новых сил и тенденций, надо, как говорит Джек Мэтлок, оборотиться назад и ответить на главный вопрос: что привело систему к развалу, какие силы привели империю к гибели?

* * *

За несколько дней до выборов в Думу в Колумбийском университете была проведена по программе Гарримановского университета конференция, которую ее участники назвали "круглым столом на две персоны". Это определение "с крупницей соли", как говаривали античные римляне, весьма точно отражало картину, которая сложилась на конференции. Главные докладчики — профессор Принстона Стивен Коэн и профессор Колумбийского университета Джек Мэтлок — излагали свои взгляды на российские дела. Коэн недавно показал свою программу с Горбачевым по американскому телевидению, а Мэтлок только что вернулся из поездки по Соединенным Штатам в связи с выходом в свет "Посмертного вскрытия империи".

Публика ожидала острой дискуссии, но последовал обмен тезисами в спокойном академическом ключе, который несколько разнообразился комплиментами в адрес Джека Мэтлока. Мэтлок сидел при этом с невозмутимым лицом, ожидая своей очереди для изложения тезисов о возможном развитии событий в России после выборов в Думу.

Что коммунисты могут рассчитывать на успех, в этом Коэн и Мэтлок были согласны. Но первый держался того мнения, что думские выборы дадут лишь картину настроений в стране, а действительная ситуация будет, как прежде,

определяться Ельциным, если, конечно, его не подведет здоровье. Джек Мэтлок уверенно прогнозировал, что здоровье Ельцина не подведет. А вот что касается выборов в Думу, здесь ему придется покруче, чем в минувшие два года. Как практический орган Дума, конечно, весьма ограничена. Характер же президента таков, что ограничения эти в действительности не умаляются, а напротив, ужесточаются. Но, подобно тому, как это было еще в горбачевские годы с Верховным советом, парламент не только отражает настроения, но и формирует их. С этим фактором правительство столкнулось уже в первые десятилетия века во времена предоктябрьской Думы, когда независимо от того, как относились к ней россияне политически, нравственно она оставалась реальным компонентом отечественной истории.

Октябрьские события 1990 г. в Москве и расстрел Парламента в 1993 г. показали, что вопреки расхожему мнению, выборный парламент в России — это общенациональное достояние, и россияне так его воспринимают. Два года минувшей Думы исполнены были всяких тревог и слухов по поводу возможного ее разгона, хотя и предусмотренного как прерогатива президента, но в сознании рядового избирателя противоправного с точки зрения нравственной.

Один из парадоксов нынешнего момента в том, что Борис Ельцин, первый свободно избранный президент России, пользовался, и по всем приметам, пользуется и теперь разными эталонами для определения ценности выборных компонентов исполнительной и законодательной власти. Естественно, это затрудняет политический прогноз, и западным партнерам России приходится моделировать в своих перспективных оценках разные варианты.

Делать ставку в сегодняшней России на личность, сказал Мэтлок, было бы неосмотрительно. В свое время Белый дом сделал этого рода ошибку и вынужден был поспешно вносить исправления.

Когда оглашены были результаты выборов в Думу,

Мэтлок заметил, что есть в этих выборных сводках, несомненно, отрадный момент — произошло именно то, чего ожидали. Значит, добавил он, мы чему-то научились.

Перед этим у нас был разговор о главе "Президент, которого не избирали", где автор с откровенностью, какую может позволить себе человек, уже отошедший от политических дел и предавшийся академическим занятиям, рассказывает, как делалась в Госдепартаменте и Белом доме российская политика.

Всякий раз оговариваясь, что собственно вмешательства во внутренние дела Союза (напомню, Мэтлок вернулся в Соединенные Штаты в августе 1991г.) не было, он сообщает, что длительное время в американском посольстве на Садовом кольце никак не могли взять в толк, чего именно ждут от их обзоров в Вашингтоне. Не были определены отправные точки анализа, непонятно было, как, в каком плане составлять отчеты, необходимые Госдепартаменту и Белому дому для выработки российской политики.

Складывалась ситуация, при которой всякий шаг Госдепартамента представлял собой реакцию на конкретное событие или проблему, что называется, "на злобу дня". Надо было составлять экономические и политические обзоры, но каково было их соотношение, как отделить перспективное и желательное от неприемлемого, в особенности в экономике, было непонятно. При всем этом, однако, Горбачеву давались рекомендации, как правило с добрыми, действительно дружескими намерениями, подсказанными желанием поддержать реформатора, поддержать его реформы.

Нет сомнения, говорит Мэтлок, что это была ставка на личность. Доверие, точнее говоря, вера в Горбачева, который по тем временам представлялся Западу единственным человеком, способным вести страну по пути либеральных преобразований, вера эта была столь тесно связана с Михаилом Горбачевым, именно с ним, что уже одно это,

строго говоря, должно было склонять Запад не только к осмотрительности, но и к критической оценке своих узловых установок.

Желание нравиться Западу носило у Горбачева прямо навязчивый характер. Разумеется, замечает Мэтлок, это могло быть истолковано как действительное его уважение к институтам демократического общества, которые он намеревался создать и в своей стране. Но при всем том Горбачев был человеком, пространственные и временные координаты которого привязывали его к Советскому Союзу, тому самому СССР, который создан был коммунистической партией. Партией, вознесшей его на вершину власти.

Маневры в Политбюро, в ЦК Горбачев проводил не только искусно, но столь успешно, что это работало на его образ политика, которому все удается. Парадокс, однако, заключался в том, что чем успешнее было его единоборство с партией, тем уже делалось оперативное пространство, на котором был обеспечен ему успех.

Мечта о президентстве (а Горбачев, пишет Мэтлок, несомненно, одержим был желанием стать президентом) не могла осуществиться при партии, которая была представлена в конституции высшим субъектом власти. Первые робкие голоса, призывавшие к отмене шестой статьи конституции, с голосом Андрея Сахарова приобрели в короткое время столь мощное звучание, что заглушить их не было уже никакой возможности. Горбачев, который присоединил к этому хору и свой голос, в действительности в недрах души не свободен был от сомнений. Вообще всякий раз, когда обстоятельства вынуждали его сделать решительный шаг, Горбачев начинал некое странное топтание на месте, которое имело одну цель — крепче прижаться к земле, чтобы не потерять опоры.

В России наиболее радикально настроенные демократы давали этому вполне определенное объяснение, которое находило свое исчерпывающее обоснование в биографии

партийного функционера. Обращаясь к классическим революциям прошлого, они находили множество примеров того, как первые бунтари оказывались на ролях ретроградов и предателей, когда переставали попевать за революцией и цеплялись за ее одежды, чтобы остановить ее немолчаливый бег.

На Западе, однако, Горбачев виделся по-другому. Перемены, которые произошли в Европе, свершились в столь короткие сроки, что не только западные лидеры, но десятки, сотни миллионов людей, которые либо на своем опыте ощутили эти перемены, либо смотрели каждодневно телевизионные репортажи, никак не могли числить Михаила Горбачева в ретроградах. Осенью 1995 г. и совсем недавно в январе 1996 г. в печати появились сообщения, что Горбачев намерен выдвинуть свою кандидатуру в президенты.

"Ну, что ж, — сказал в этой связи Мэтлок, — кандидатом он, конечно, может быть, но в президенты ему не выйти. На Западе Горбачев — создатель, автор нового мышления, герой, освободивший мир от страха перед русской водородной бомбой. Но быть ли ему президентом России? Голосовать будут не на Рейне, а на Волге. В России (я не думаю, что все, но многие) видят в нем человека, который развалил Советский Союз. В Москве есть люди, которые искренне верят, что Горбачев в этом деле был в сговоре с Америкой. Несомненно, это заблуждение и в отношении Горбачева, и в отношении Америки".

В главе "Президент, которого не выбирали" Джек Мэтлок представляет взгляды американских лидеров (и хозяев Белого дома, и руководителей Госдепартамента) в эволюции. Совершенно очевидно, что на каком-то этапе и президент, и госсекретарь не только не желали развала СССР, но весьма опасались этого, чтобы не сказать, страшлись. Причиной этому были, во-первых, непредсказуемость последствий распада гигантской империи для мирового сообщества; во-вторых, непредсказуемость, в случае такого развала, судьбы горбачевских преобразований.

Несомненно, Запад был заинтересован в стабильном положении Горбачева. Хотя в Вашингтоне с большой симпатией относились к демократам, к их "демократической платформе", к призывам ускорить, углубить преобразования, эти симпатии носили скорее общегуманный, умозрительный характер. Практически наскоки на Горбачева, выпады против него, которые сопровождались требованием его немедленной отставки, внушали серьезную тревогу. Ельцин и после того, как был избран председателем Верховного совета Российской Федерации, представлялся одиозной фигурой. Ощущение надежности (по крайней мере, в той степени, в которой вообще могла идти речь о надежности) связывалось с фигурой Горбачева. И по одной уже той причине, что Горбачев безусловно не ставил своей целью развал СССР, Запад не мог желать такого развала.

Но, конечно, подчеркивает Джек Мэтлок, это не означало, что представления Горбачева и западных лидеров были идентичны. Даже среди западных лидеров не было единства.

Сепаратистские настроения в Прибалтике, которые поначалу сводились к обеспечению суверенитета, какой признавался за союзными республиками по конституции, поддерживались Вашингтоном. Но эта поддержка была, строго говоря, ниже той отметки, того уровня, который предполагался известным политическим и дипломатическим фактом: ни Литва, ни Латвия, ни Эстония никогда не признавались Вашингтоном частью Советского Союза.

* * *

Чуть отступлю в этом месте от книги Мэтлока, чтобы воспроизвести мысли, которые он высказал в нашем разговоре.

— Знаете, я много думал об этом. Хотя Горбачев обвинял меня в том, что я подогреваю настроения в Прибалтике, это было не совсем так. Я, конечно, был в контакте с Ландсбергисом и другими лидерами в Прибалтике, но я ни-

когда не подстрекал их к конфликту с Москвой. Я был сторонником решения этой проблемы на правовой основе. Прибалты говорили, что никакой правовой основы нет — есть преступный сговор Сталина с Гитлером, есть пакт Молотова-Риббентропа. Но с другой стороны, были и формальные акты обращения этих республик к Верховному совету СССР с просьбой о включении. Конечно, этому предшествовала оккупация. Дивизии Красной Армии стояли в столицах. Я всегда считал оккупацию балтийских республик не просто ошибкой, а фатальным, роковым просчетом. Я думаю, что не было бы декабря 1991., не было бы Беловежской Пуши, если бы в 1940 г. не было оккупации Литвы, Латвии, Эстонии. К этому я добавлю еще, — сказал Мэтлок, — что Горбачев вел бы себя иначе весной 1990 г., когда встал вопрос о президентской власти в СССР. Я думаю, ему не надо было бы опасаться провала в случае всеобщего голосования. Он не боялся бы, что его не выберут, и не делал бы ставку на Верховный совет. Прибалты подорвали не только его позиции, но и его силы. Естественно, другие республики не оставили без внимания их пример.

* * *

В книге своей Мэтлок говорит, что Белый дом находился под давлением общественного мнения, что Капитолий занял жесткую позицию. И в ответ на объявление экономических санкций, принятых Горбачевым в отношении Литвы, последовали призывы в Конгрессе к экономическим санкциям против Москвы. Это была уже позиция не Белого дома. Это была позиция Америки, и не во власти президента, тем более, госсекретаря, было изменить ее, даже если бы они этого хотели.

Внутренне еще и до всяких формальных акций Горбачев, полагает Мэтлок, был к этому готов. Но и силы, и время, которые потрачены были на то, чтобы признать реальностью ситуацию с уходившими в полувековую дав-

ность корнями, подтачивали не только позицию Горбачева, ставшего уже президентом Советского Союза, но и создавали новую психологическую реальность.

Несмотря на то, что политические изменения происходили в стране несравненно быстрее экономических, именно экономика, замечает Мэтлок, сказалась решающим образом на настроениях людей. Пустые прилавки в магазинах были не причиной, а последствием беспорядка в хозяйстве, который обернулся вскоре грозным хаосом.

Чем хуже шли дела у Горбачева в его стране, тем более уповал он на Запад. Полагал ли он, что Запад в самом деле поможет ему навести порядок там, где сам он обнаружил свое бессилие? Или это было естественное для оказавшегося в критическом положении человека движение в сторону, где хоть на день, хоть на неделю во время разного рода государственных визитов устранялись неодолимые трудности?

Видимо, и то, и другое. Но что же, спрашивает Джек Мэтлок, делали те, от кого Горбачев ожидал помощи? Помощи, о которой он и сам толком не знал, какой она должна быть. И что, собственно, следует называть помощью: контейнеры с пищевыми пакетами; кредиты; послабления в торговле; советы и консультации специалистов?

На этот вопрос в те дни, пожалуй, едва ли кто вразумительно мог ответить. В самой России предлагались один за другим всякие экономические проекты, осуществление которых укладывалось в пять сотен дней, исчисленных по календарю. Причина же трудностей усматривалась в политической незрелости или недозрелости, в двойственной природе президента, который и тогда, когда хочет, не знает толком, чего хочет; и тогда, когда не хочет, так же толком не знает чего.

Ну, а мы, спрашивает Мэтлок об американцах, мы знали, что надобно делать, какая должна быть она, наша помощь Москве, где производился эксперимент, которого еще не знала Россия?

Из Вашингтона мы не получали по части идей ничего, что можно было бы предложить президенту СССР, предложить его стране и людям. Мы собирались в те дни на свои посольские конференции в "Спасо-хаусе" и пытались ответить на вопрос "Что делать?".

И тогда (казалось, это было предельно просто и должно было само собою бросаться в глаза) обнаружилось, что образовался огромный перекося между политическими и экономическими переменами в России. Глубинные изменения—это прежде всего изменения в экономических структурах. Между тем, именно в этой области было сделано менее всего, говорит Джек Мэтлок.

Запад интересовали прежде всего политические пертурбации в России.

— Нет, нет, — решительно повторил Мэтлок, — я не верю, что у Горбачева есть шанс вторично стать президентом. У каждого политического деятеля имеется потенциал, который исчерпывается, как исчерпывается всякий заряд. Я знаком с Горбачевым более десяти лет. Мне кажется, среди российских лидеров нет никого другого, кого бы я знал так, как Горбачева.

* * *

Первая встреча, рассказывает Джек Мэтлок в своей книге, должна была произойти в 1975 г. в Ставрополе. Почему именно в Ставрополь приехал он тогда, автор не объясняет. Он сообщает лишь, что временно замещал в Москве посла Соединенных Штатов, и поездка его на Северный Кавказ состоялась тогда в этом высоком, хотя и временном, ранге.

Они — и американский поверенный в делах, и партийный босс Ставрополья, член ЦК, молодой, по советским меркам, функционер сорока с небольшим лет, — были почти ровесниками. Это, несомненно, вело бы к взаимному расположению, но визит американского дипломата, прошел по обычной схеме: знакомство с краем, с колхозами,

с предприятиями. Естественно, такой визит мог произойти лишь с ведома Комитета госбезопасности, но секретарь крайкома партии личного участия тогда в нем не принял.

Десять лет спустя Джек Мэтлок и Михаил Горбачев, наконец, встретились. Вновь по приглашению хозяина, но уже не секретаря краевого комитета партии, а генерального секретаря партии. В мае он, советник президента Рейгана по русским делам, и тогдашний министр торговли Малколм Болдридж приняты были генсеком партии, который только два месяца назад сел в первое кресло страны.

Министр торговли, в прошлом ковбой, приготовил для Михаила Горбачева подарок, который, по его ожиданию, должен был расположить хозяина Кремля к гостю по закону родства, какое чувствуют друг к другу те, кто детство провел верхом на лошади. Седло ковбоя со Среднего Запада Горбачев, вспоминает Мэтлок, принял с благодарностью, сохраняя при этом достоинство, какое приличествует истинному ковбою, но предусмотрительно умолчал, что сам, в отличие от министра Болдриджа, хотя и вырос в лошадных краях, верхом не ездил, а был колхозным механизатором.

Встреча эта продолжалась два часа, и вот тогда советник президента Рейгана по русским делам увидел перед собой человека, который весьма отличался от своих предшественников-генсеков.

Как заметил Душко Додер, тогдашний начальник бюро "Вашингтон Пост" в Москве, новый генсек "ходил, говорил, и костюм сидел на нем хорошо". Они — и хозяин, и гости — расположились за тем самым столом, где сиживал Брежнев, и папка с материалами лежала перед Горбачевым. Но за все время двухчасового разговора, замечает Мэтлок, хозяин ни разу не взял в руки эту папку.

Горбачев, бесспорно, вел разговор; ответы его, хотя порою превращались в своего рода лекцию, ни разу, однако, не заключали в себе ссылок на преимущества советской системы — тезис, который считался обязательным для прежних генсеков.

Тон сохранялся ровный, благожелательный. Однажды только Горбачев заговорил горячо, когда коснулся недавнего заявления тогдашнего министра обороны Соединенных Штатов Каспара Вайнбергера о том, что Советский Союз более не в силах прокормить своих граждан.

"Почему,—повысил голос Горбачев,— вы не обвиняете Великобританию и Германию, которые импортируют продовольствие, в том, что они не способны прокормить своих граждан? Мы, между прочим, производим пшеницы больше, чем вы, на душу населения, но потери у нас велики. В этом беда. Но мы решим проблему. И тогда понесут убытки ваши фермеры. Но это будет уже вашей проблемой".

Словом, заключает эпизод Джек Мэтлок, это был типичный Горбачев: порывистый, гордый, способный отстаивать себя, рассудительный и осмотрительный спорщик, не склонный к тотальному забвению или отрицанию фактов, которые могут быть для него неприятны.

Вот тогда-то, пишет Мэтлок, я поделился своими впечатлениями с коллегами в Вашингтоне: эра болтовни, когда деловые разговоры подменялись какими-то ненужными дискуссиями, у которых была только одна цель — запутать, увести от главного, беспрерывно талдычить одно и то же, повторяя набившие оскомину аргументы, эта эра, кажется, кончилась. Ныне открывается возможность для дельных разговоров, продуктивных контактов. И, возможно, достижения доверия, которое, вопреки расхожему мнению, дипломаты, если они хотят искренне установить добрые отношения, должны питать друг к другу и к своим политическим партнерам.

* * *

На рождественском приеме в Гарримановском институте (несколько столов, уставленных закусками и бутылками, гости с бумажной тарелочкой в одной руке, с бокалом в другой, как правило, в беседах, которые продолжают

разговор, только что прерванный в аудитории), я сказал Мэтлоку, что судя по мемуарам, Горбачев по-прежнему занимает его воображение.

— Да, — кивнул он, — занимает. Конечно. Не так, как прежде, я думаю, все-таки меньше, но занимает. Горбачев — харизматическая личность. Я думаю, Ельцин тоже. Но они очень разные. Горбачев был первый, и это, конечно, навсегда войдет в историю. Можно сказать, уже вошло. Но далеко не все ясно. Нужны еще материалы, факты. Но дело не только в этом. Люди так устроены, что всегда склонны кого-то оправдать, обвинить или, по крайней мере, найти какое-то объяснение. Я пытаюсь понять. Многие пытаются понять. Я думаю, многое будет зависеть от того, как пойдут события дальше. Но чтобы предугадать, предвидеть, надо, насколько возможно, понять, что произошло раньше. Я имею в виду не только факты. Надо понять механизм фактов. Вот как раз в эти дни исполняется четыре года с того выступления Горбачева по телевидению, когда он объявил о ликвидации СССР. У меня, я писал об этом в своей книге, возник тогда вопрос: что же, собственно, ликвидировано: СССР, империя, которую знал мир, или зародыш чего-то нового? Я не могу сказать, что у меня есть готовый ответ сегодня. Я продолжаю искать ответ. И неизбежно, возвращаясь к тем дням, обращаюсь к фигуре Горбачева. Конечно, он был воспитанник партии, он был до мозга костей партаппаратчик. Но при этом он был русский человек. Многие его действия, поступки надо объяснять, я думаю, в более широком плане. Его решительность, как и его нерешительность, не стоят отдельно друг от друга, особняком. Они тесно связаны. Это не просто вопрос об интеллектуальном уровне политического деятеля, лидера. Это более общий вопрос о его человеческих качествах, которые формировались в условиях определенной культуры. Если мы лучше поймем тогдашние действия лидера, мы лучше поймем

культуру — политическую, социальную, нравственную, в которой создавалась культура политического лидера.

Только в самый начальный период преобразований Горбачев выступал как инициатор, как лидер, обращенный вперед лицом по ходу движения. Но уже в 1987 г., когда Джек Мэтлок занял посольское кресло в "Спасо-хаусе", Горбачев, видимо, еще не вполне отдавая отчет самому себе, все более оказывался во власти сомнений. Сомнения эти все чаще, все отчетливее стали приобретать признаки смятения, которые, по воле обстоятельств, в тот период отмечены были хитросплетениями и каверзами внутривнутрипартийных схваток с выигрышным, как правило, результатом для первого функционера партии.

Нет сомнения, говорит Мэтлок, что в те дни ему еще верили. Но недоверие медленно, неотвратно подступало к нему с двух сторон. Со стороны тех, кто полагал, что он заходит слишком далеко, и одновременно со стороны тех, кто полагал, что он движется слишком медленно.

У первых исподволь формировалось представление о нем, как об отступнике. У вторых же, как о ретрограде, который сам уже не рад тому, что затеял, и готов идти на попятный.

Парадокс был в том, что на этом новом этапе он утрачивал качества лидера, поставленного обстоятельствами, самой историей, сохраняя признаки лидера номенклатурного.

* * *

Если бы приступая к программе перестройки, Горбачев четко определил для себя основные принципы затеянных им преобразований, он едва ли столкнулся бы с проблемой национальных суверенитетов. Нет сомнения, что в его сознании политические и экономические проблемы преобладали. Две трети века твердя о дружбе народов, о создании новой социальной общности, "советского народа", лидеры партии и их сподвижники сами оказались во власти

магических формул. Национальные страсти, десятилетиями стесненные, выплеснулись в конце концов на поверхность с силой, которая не только потрясла основы СССР, но и сокрушила его.

Между тем, говорит Джек Мэтлок, в начальный период перестройки ситуация была иной. Пока еще пружина была под контролем, пока возможно было регулировать ее движение, следовало четко определить основы новых взаимоотношений между Москвой и союзными республиками. Что было сделано в 1991 г. под давлением обстоятельств, вынужденно, с признаками уже необратимой национальной лихорадки, будь оно сделано тремя годами раньше, наверняка привело бы к иному результату. Вопреки прогнозам и ожиданиям, и в самом СССР, и на Западе собственно политические и социальные проблемы не вызывали такого ожесточения, такой иступленной ярости, как национальные проблемы.

Сколь велико было заблуждение лидеров, едва ли показал кто-нибудь отчетливой, нежели сам Горбачев. После разрушительного землетрясения в Армении, Горбачев, прибывший в район бедствия, уверенно ожидал, что вот теперь-то перед лицом гибели и разрушений, учиненных стихией, карабахские страсти непременно утихнут.

В действительности же страсти не только не утихли, но напротив, казалось, в бедствии черпали новые силы, новый заряд.

Но и это, как ни странно, истолковано было как сугубо кавказский феномен, отмеченный крайностями, которые спокон веков свойственны были горцам.

Между тем волна противостояния приобретала уже видимые черты девятого вала, в каждой из республик со своими национальными приметами, но с общим для всех анти-московским импульсом. Москва, о которой прежде пели в песнях "от края и до края", стала жупелом империализма.

Встретившись с Крючковым, когда тот был назначен главой КГБ, в ответ на вопрос его, в чем главная проблема Союза, Мэтлок сказал: "В движении национальных республик".

Движение раскручивалось более трех лет. При этом не только ожесточались чувства, но кристаллизовался в сознании "меньших братьев" образ имперской Москвы, которая добром не откажется от своей роли.

В самой же России вызревал сложный запутанный комплекс национальной обиды великороссов, которые считали себя обобранными в пользу "меньших братьев", не только неблагодарных, но одержимых злобой и мстительным чувством по отношению к своей благодетельнице.

Ничто не говорит о том, что комплекс национальной обиды захватывал и Горбачева. Напротив, он всячески стремился удержать в союзной орбите национальные республики, когда центробежные силы отчасти под влиянием прибалтов — но только отчасти! — становились доминирующим фактором.

Но хотя и далекий по своему душевному настрою от национал-патриотов и всех тех, кто вообще усматривал свалившиеся на страну беды в демократических новшествах, Горбачев стал определенно делать крен вправо. Крен весьма быстро приобретал признаки, поначалу, как казалось, дрейфа, а вскоре, это уже не вызывало сомнений, программного курса.

Совершенно очевидно, говорит Мэтлок, что Горбачев сознавал необходимость поддерживать новые отношения с Соединенными Штатами, отмеченные прекращением сорокалетней холодной войны. В этих новых отношениях он был тем более заинтересован, что личная его репутация в США была в это время весьма высока. К тому же президент Буш, сменивший в 1989 г. Рейгана, от первоначальной своей сдержанности весьма быстро перешел к изъятию чувств, отмеченных искренней

и большой симпатией. Они стали друг для друга "Джорджем" и "Михаилом".

При всем при этом в окружении Горбачева появлялось все больше людей, которые нисколько не склонны были подвергать корректировке, а тем более пересмотру, прежние свои представления об Америке, о советско-американских отношениях. А если под влиянием обстоятельств и вносили поправки, то только в одном направлении: Соединенные Штаты, утверждали они, всегда считали своей целью развал Советского Союза, и ныне получили поддержку в этих своих целях внутри самого СССР.

Новый председатель КГБ Крючков вернулся к старому тезису о Вашингтоне как главном — главном и коварном — враге Москвы. Причем в его сознании Москва была столицей того Союза, который на Западе именовали то СССР, то, отказываясь от этого эвфемизма, по старинке именовали Россией.

В арсенале гебистов оставались отработанные советской идеологией и пропагандой клише: вокруг Советского Союза создаются и наращиваются атомные военные силы, американский капитал или его западные агенты, особенно в нынешних благоприятных для них условиях, норовят внедриться в экономику Союза; шпионы, в еще больших, нежели прежде, количествах засылаются в СССР.

Во время встречи, которая состоялась у него с председателем Крючковым в новой главной квартире КГБ неподалеку от Лубянки, рассказывает Мэтлок в своей книге, он без обиняков сказал хозяину, что все эти инсинуации ложны: США не наращивают своих военных сил, а напротив, сокращают; американский бизнес не только не внедряется в советскую экономику, но, напротив, всячески остерегается располагать там свои капиталы.

Что же касается шпионажа и того, что председатель Крючков квалифицировал как причастность к этому американских дипломатов, то, пишет Мэтлок, здесь он

решительно отвел все доводы и ссылки хозяина Лубянки, который заметил, что дипломаты могут работать на ЦРУ, даже и не отдавая себе в этом отчета.

"Мы тоже, — сказал Крючков, — не обременяем своих послов познанием того, что может представляться им бременем. Я уверен, что точно так же поступает ЦРУ".

Это была заявка на откровенность, доверительность в разговоре главного гебиста с главным американским дипломатом в Москве. Естественно, надо было отвечать в том же ключе. И посол Мэтлок ответил: "Господин председатель, я не знаю, какие процедуры приняты в вашей практике. Но я решительно утверждаю, что осведомлен обо всех операциях правительства Соединенных Штатов в вашей стране. И ни одна из них не направлена на дестабилизацию Советского Союза".

Как относился к таким суждениям и настроениям своих первых помощников и советников сам президент Горбачев?

В конце 1990 г. министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, в те времена несомненный приверженец реформ, подал в отставку.

Горбачев говорил, что это было полной для него неожиданностью. Удар из-за угла. От давнего своего друга еще по ставропольским, по кавказским временам, он этого не ожидал.

В кругу, однако, самого Горбачева распространялась и другая версия: президент, продолжая свой крен вправо, готовил в угоду тем, кого недавно считал главными своими оппонентами, отставку ближайшего своего сподвижника, верного более, чем кто-либо иной, курсу на сближение и широкое практическое сотрудничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

* * *

Дипломатические акции часто осуществляются на той трудно уловимой грани, где кончается собственно забота о своих интересах и начинается то, что может квалифицироваться как вмешательство в дела другой стороны.

Весной и летом 1991 г., говорит Джек Мэтлок, контакты были настолько интенсивны, что практически он каждый день встречался либо с самим Горбачевым, либо с его министрами, либо с главными его советниками. По телефону Буш и Горбачев разговаривали не реже одного раза в неделю, и хозяин Кремля, очень чувствительный ко всяким нюансам, в мае прямо задал вопрос американскому послу: "Видимо, вы думаете, корабль идет ко дну?".

В этом вопросе советского президента заключен был сложный комплекс: и невозможность, вопреки договоренности, получить обещанный заем в полтора миллиарда долларов для закупки зерна; и отказ Вашингтона предоставить Москве компьютеры, которые обеспечили бы более эффективный контроль на атомных электростанциях; и неожиданное сообщение самого Мэтлока, что он собирается закончить свой посольский стаж в Советском Союзе. Последнее едва ли было самым важным в этом ряду, в который можно было включить еще полдюжины первостепенных проблем, настоятельно требовавших внимания. Но такова психология политического лидера: оказавшись за одним столом с послом дружественного государства, вдруг объявляющим, что в его ближайшей программе прощальный визит главе государства, последний прежде всего усматривает в этом неблагоприятный для себя знак.

* * *

Во время разговора в университетской аудитории, обращаясь к этому пассажиру в XIX главе его книги "Посмертное вскрытие империи", я спросил Мэтлока: "Почему, собственно, вы спешили с возвращением в Штаты? Ваш предшественник, Артур Хартман, помнится, провел в Москве больше пяти лет. У вас были, как бы это сказать точнее, расхождения с президентом?".

Мы стояли у окна. Профессор Мэтлок, глядя прямо перед собою, в обычной своей манере, спокойно, но с заметной паузой, сказал. "Буш просил меня, чтобы я посидел

еще в Москве. Но я считал, что пора возвращаться домой. Пора заняться и другими делами".

* * *

В книге мемуаров, в главе XIX, большой фрагмент автор озаглавил в ключе сентиментального романа: "Джордж больше не любит меня!". Слова эти произносит не автор, а один из его героев — президент Михаил Горбачев. И хотя на страницах этих речь идет о соглашении по сокращению обычных вооружений в Европе, о крутом несогласии между главой государства и его генеральным штабом, об очередной неудаче в давних попытках получить от американского Конгресса статус особого благоприятствования в торговле с Америкой для Советского Союза и о других проблемах того же ряда, возникает ощущение большой личной драмы. Драмы, чтобы не сказать трагедии, человека, не просто терявшего опору под ногами, но явственно ощущавшего, что опора эта ускользает и надобно любой ценой удержать ее.

Горбачев, безусловно, старался идти навстречу американским пожеланиям. В Москве не только в самых радикальных кругах говорили о прямом давлении Вашингтона. В некоторых случаях, пишет Мэтлок, речь по сути шла о чисто формальных моментах. К примеру, в Конгрессе статус особого благоприятствования в торговле давно увязывали с законом о беспрепятственном выезде из СССР. Но, замечает Мэтлок, такое право, хотя Верховный совет не оформил его соответствующим актом, фактически было предоставлено советским гражданам. Здесь была, однако, и другая сторона, а именно формальная: президент Горбачев в парламенте не смог обеспечить принятия решения, закреплявшего процедуру, уже ставшую практикой дня.

Референдум, который прошел в марте, в общем, мог толковаться как "да" горбачевской идее союза. Теперь, надо уточнить, это был уже не "Союз" с большой буквы. Теперь это был "союз" со строчной буквы, но с потенциалом

прежних экономических связей, разрушение которых сказывалось на хозяйстве всех республик.

Надо, говорит Мэтлок, поставить точки над "i": Запад не видел своей цели в том, чтобы развалить Советский Союз. Ни у Европы, ни у Америки такой цели не было. Сохранение стабильности в гигантском геофизическом регионе, охватывающем пол-Европы и огромную часть Азии, было в интересах мира, в интересах человечества. Конечно, при одном обязательном условии: на территории этого региона создается открытое общество с рыночной экономикой, без которой такое общество невозможно.

Понимал ли это Горбачев? Политик, тем более политический лидер, не может ставить вопрос умозрительно. Реальная жизнь требует практического ответа. При этом, говорит автор книги, неотвратимо заявляет себя важнейший фактор — фактор времени.

Президент Горбачев явно отставал. Отставание стало хроническим его состоянием. Дрейф его вправо в конце 1990 и в начале 1991 года повлек за собою не только потерю темпа, но поставил вопрос о месте его, Горбачева, в общем процессе.

Когда Борис Ельцин потребовал отставки президента СССР, у многих это вызвало неприятие и даже возмущение, поскольку само требование представлялось многим, даже и тем, кто потерял уже веру в Горбачева, бестактным. Но то, что казалось немислимым еще год, еще полгода назад, прозвучало если не вполне буднично, то, по крайней мере, в общем аккорде будней.

Крен влево, какой, хотя и не очень решительно, но вполне очевидно, стал делать Горбачев (который — в общности после отставки Шеварднадзе — утрачивал в глазах Америки и Европы привычные черты "Горби"), возвращал ему знакомый облик.

Ельцин, поставивший Россию в общий ряд союзных республик, явно предполагал развал Союза. Политичес-

кие лидеры Запада, которые свыклись с Горбачевым как политическим партнером, привыкли к нему (это очень существенно для Запада) психологически и просто как к человеку, подтвердившему свою репутацию в многолетнем сотрудничестве, и поглядывали если не косо, то как-то искоса на Ельцина.

Несомненно, пишет Мэтлок, президент Ельцин в это время рассматривался уже не только как оппонент Горбачева, а как претендент на лидерство с законными полномочиями в Российской Федерации.

Как именно, на каких условиях может он выйти на первую роль в Союзе, этого в те дни сказать не мог никто. Но цель такая у него была, и Запад принимал это во внимание, но симпатии свои отдавал президенту Горбачеву. И судьбы страны, судьбы реформ связывал с ним.

К концу весны 1991 года Горбачев, пишет Мэтлок, несомненно, стал держаться более реалистического взгляда на ситуацию. Отвергнув экономический план академика Шаталина, президент Союза заявил на заседании кабинета министров, что расчет должен делаться на собственные силы. При нынешней экономике, заметил тогда Горбачев, даже сто миллиардов долларов не спасут положения. Надо, уверенно заключал он, менять структуру.

Но как менять? В этом был главный вопрос. И здесь, как прежде, Горбачев наткнулся на главное препятствие — препятствие, которое таилось в нем самом, в глубинах его души. Социализм, социалистические идеалы справедливости не были для него фразой. Он действительно верил, что можно найти формы, найти модель (прямее говоря, найти волшебное средство, панацею), которые претворят мечту в действительность. Мысль его в общем виде сводилась к тому, что, дескать, при социализме страна еще не жила, социализма никто не видел. То же, что было, представляло собой в теоретическом плане марксистское доктринерство, а в практическом — командно-распорядительную экономику с признаками казарменной системы.

Считал ли Запад на переломе весны-лета 1991 г., что Горбачев еще способен, еще в силах совладать с положением и справиться с задачами, которые действительность со свойственной ей неумолимостью ставила перед ним?

В конце мая, рассказывает Джек Мэтлок, госпожа Тэтчер, премьер-министр Великобритании, прибыла в Москву. Хотя они были знакомы, приглашение встретиться в английском посольстве показалось Мэтлоку несколько неожиданным. Встреча была назначена на 10 часов вечера, после возвращения госпожи Тэтчер с дачи президента, где у нее был обед с четой Горбачевых.

Из окна посольства открывался прекрасный вид на кремлевскую стену и окрестные здания, все ярко освещенные. Держа в руке бокал — послеобеденный ритуал — госпожа Тэтчер приступила без предисловий к главному: "Пожалуйста, передайте моему другу Джорджу. Мы обязаны помочь Михаилу. Конечно, вы, американцы, не должны и не можете сделать этого сами. Но Джордж (само собой понятно, речь шла о президенте Соединенных Штатов Буше), в этих усилиях должен будет взять на себя руководство, как это было в деле с Кувейтом".

Произнеся эти слова, леди Тэтчер задумалась и после паузы решительно продолжала: "Нынче, когда Горбачев помог покончить с холодной войной и взял курс на подлинные реформы, история не простит нас, если мы окажемся не в состоянии по-настоящему поддержать его".

По словам премьера, Горбачев во время разговора, который был у них на президентской даче, убедил ее, что готов восстановить право на частную собственность, хотя на его взгляд сейчас не самое подходящее время, чтобы делать об этом публичные заявления.

Госпожа Тэтчер также сказала в тот вечер, что по впечатлению, какое у нее сложилось, политическое положение Горбачева отчаянное, и надо пригласить его на встречу большой семерки в Лондоне. Причем необходимо исходить

из того, что из Лондона, с этой встречи, он не может вернуться в Москву с пустыми руками.

Она чувствует, добавила леди Тэтчер, что дело это очень непростое и Соединенным Штатам следовало бы оказать на друзей давление с тем, чтобы они, как сказала она, "исполнили свой долг".

Относительно Германии она сообщила, что обещана существенная помощь, но немцы должны сделать для Горбачева больше, потому что, в конце концов, это их плата за восстановление единой Германии.

Что касается японцев с их претензиями на острова, которые были отняты у них после Второй мировой войны, то надо поощрить их к большей сдержанности по части территориальных притязаний в ожидании более благоприятных времен, когда положение Советского Союза будет стабилизировано. В противном случае, если бы Горбачев и пошел им навстречу, это неизбежно привело бы его к краху. Нет, добавила Тэтчер, это риск, которого не могут позволить себе ни они, ни мы.

Посол Мэтлок уверил госпожу Тэтчер, что передаст ее пожелания президенту Бушу. И добавил, что сам вполне разделяет ее взгляд относительно реформ в Советском Союзе. И президент Буш, насколько он знает, исполнен желания и решимости сделать в этом отношении все, что в его силах.

Во всей этой проблеме, заметил посол Мэтлок, есть досадный момент, а именно: Горбачев еще не избрал политическую линию, которая сделала бы оправданной и эффективной помощь со стороны Запада. Бюджетный дефицит в Союзе по-прежнему остается вне контроля, структуры социальной помощи остаются, в основном, в сфере функций государственных заводов и фабрик, частные предприятия не находятся под действенной защитой закона, львиная доля экономики сохраняется как гигантская сфера государственных монополий. И, наконец, не принята,

точнее, даже и не намечена стратегия по созданию институтов, без которых невозможна рыночная экономика.

В этих условиях, резюмировал свои соображения американский посол, вкладывать деньги в страну нецелесообразно: это не только не привело бы к добру, но, напротив, причинило бы Советскому Союзу несомненный ущерб.

"Ах, — воскликнула госпожа Тэтчер, пристально глядя на собеседника, — вы рассуждаете, как дипломат! Это не что иное, как поиски благовидного предлога, чтобы ничего не делать. Почему вы не можете мыслить, как государственный муж? Мы должны помочь этому процессу, который в наших общих интересах, в интересах каждого".

Заметно взвинченная, госпожа Тэтчер, рассказывает Джек Мэтлок, взяла себя в руки, несколько понизила тон и заметила, что Горбачев абсолютно прав, когда говорит, что та же энергия, которая понадобилась президенту Бушу, чтобы защитить Кувейт, нужна была бы и в деле помощи Советскому Союзу в процессе его перехода на новые рельсы.

"Да, — закончила она свою апологию, — только Америка способна возглавить это дело. И я уверена, мои слова будут переданы моему другу Джорджу".

Воротясь в "Спасо-хаус", вспоминает Мэтлок, он немедленно телеграфировал президенту Бушу о разговоре, который был у него с госпожой Тэтчер в британском посольстве.

В своем дневнике в тот же вечер он сделал запись: "Я думаю, госпожа Тэтчер права. Конечно, можно найти много всякого рода извинений, чтобы оправдать бездействие, но нет ни малейшего сомнения, что дальнейшая эволюция Советского Союза в направлении открытости и демократии в жизненных интересах Запада. Наши лидеры просто показали бы, что лишены мудрости или смелости (или и того, и другого), если бы оказались неспособными ответить на вызов момента. Помощь,

конечно, должна быть осмысленной и соответствующей, привязанной к определенным проектам и акциям. Но мы должны выработать очень серьезную программу помощи и поддержать реформы".

Несомненно, повторяет Мэтлок, именно в этом плане надо было действовать. И дело было здесь не только в западных деньгах. Надо было создавать новую международную атмосферу, в которой нашлось бы соответствующее место Советскому Союзу.

Но, признает автор, сам он, увы, не был преисполнен оптимизма. Хотя президент Буш относился к Горбачеву с симпатиями, личными и политическими, и готов был оказать ему поддержку, помощь, задачу надо было ставить более широко. Надо было создать международные структуры, которые бы дали возможность включить Советский Союз в мировую экономику как деятельного, конструктивного партнера. Но президент Буш не хотел, или не мог стать во главе столь масштабного дела. И предпочел реагировать на каждое действие Горбачева так, как будто речь шла не о стратегическом выборе, а об отдельных тактических операциях. В мае и июне 1991 г. Мэтлок ожидал от американского правительства решительных и продуманных действий, которые могли бы существенно поддержать Горбачева в осуществлении намеченного им курса.

Всякому политику очень непросто держаться нравственных принципов, но дипломату вдвойне трудно, ибо долго до великих мастеров интриги и хитрости — Талейрана и Меттерниха, среди качеств, которыми должен обладать посол, более всего ценилась хитрость. В хитрости же усматривали не только способность утаивать подлинные свои мысли и планы, но и умение обвести другую сторону. Проще говоря, оставить в дураках.

Если не считать начальных страниц книги, Джек Мэтлок в своих мемуарах нигде прямо не говорит об этических

началах дипломатии в современной обстановке. Но все эпизоды и сцены, написанные рукой талантливого литератора, пронизаны, как рентгеном, этическими лучами. Даже в тех случаях, когда Мэтлок-дипломат всячески стремится уйти от этической, и в особенности отрицательной, оценки, фигуры, расставленные им, речи, воспроизведенные им, неизменно вызывают отклик в душе читателя. Отклик именно нравственный, то есть с одобрением или осуждением, с симпатией или, напротив, прямой неприязнью к политическим лидерам, от поступков которых во многом зависит состояние общечеловеческих дел.

Дела, которые обзореваает автор книги, весьма определенно очерчены в пространстве и времени. Главные географические границы — геополитическое пространство Советского Союза, по сегодняшней терминологии "бывшего Советского Союза". Время — вторая половина минувшего десятилетия и начало нынешнего.

Посол Вашингтона в Москве, Мэтлок вполне отдавал себе отчет, что сколь ни важны все мировые столицы, ответственность за судьбы мира в первую очередь за этими двумя — Москвой и Вашингтоном. Отношения между ними не могут строиться на зыбких основах, которые предполагала вековая мудрость дипломатии и ее опыт, исполненный ловких уверток, чтобы не сказать коварства.

Между Вашингтоном и Москвой должны быть установлены отношения подлинного доброжелательства и партнерства. Это, естественно, не исключало ни противоречий, ни даже, в иных вопросах, противостояния. Но всегда в любом случае преобладать должно было искреннее желание найти взаимоприемлемое решение, компромисс, готовность пойти на разумную уступку и одной, и другой стороны.

В Москве, поначалу вполголоса, а затем и во весь голос оппоненты Горбачева справа стали упрекать его в непомерных уступках Западу. Со временем прямо уже говори-

ли не об уступках, а о сговоре, с каким Горбачев вошел с Западом.

Нет, решительно утверждает автор "Посмертного вскрытия империи", никакого сговора не было и быть не могло. Запад такого сговора не предлагал, хотя бы потому, что вполне была очевидна его иллюзорность: надобно помнить, подчеркивает Мэтлок, что СССР был великой ядерной державой и по внутреннему своему велению начал грандиозную перестройку, действительных масштабов которой не представляли себе ни в самой Москве, ни в Вашингтоне, Лондоне, Токио, Бонне.

Семидесятилетний эксперимент, поставленный в России, провалился. Перестройка была, безусловно, новым экспериментом. Но, отвлекаясь от ее сути, прежде всего следует отметить ее великую особенность: преобразования предприняты были не в условиях войны, не вследствие понесенного поражения, а, повторяет автор, по внутреннему велению.

В двадцать второй главе "Смертельный удар" мемуарист прямо ставит вопрос о нравственной стороне декабря 1991 г. Это, пожалуй, единственное место в книге, где историография явно уступает место историософии и этике истории.

Портретные штрихи, которыми отмечены его герои, в частности, Горбачев, лидеры России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Ельцин и Назарбаев, по-прежнему сохраняющие свои роли, Кравчук и Шушкевич, отодвинутые с авансцены, представляют живые фигуры.

Тщеславие и амбиции Горбачева не оставались тайной для Джека Мэтлока. Но при этом, замечает мемуарист, можно с уверенностью утверждать, что сугубо личные мотивы, в особенности негативные, у Горбачева сказывались с меньшей силой, чем у иных его партнеров. Трудно указать примеры мстительности по отношению к соперникам, которых в минуты неудачи последних он подвергал бы

унижениям, руководствуясь исключительно желанием взять реванш. Между тем сам он, начиная с двадцатых чисел августа 1991 г., после Форосского пленения, оказался в положении, терновым венцом которого стало 25 декабря — его публичное по телевидению самоотрешение от президентства.

В этот драматический промежуток времени с августа по декабрь 1991 г. президент Союза, говорит Мэтлок, вел отчаянную борьбу за сохранение того максимального единства, которое исключало прежнюю доминантную роль Москвы, но было в общих интересах. Конечно, нельзя рассматривать все в плане злонамеренности, которая, будто бы внезапно, проявилась у большинства лидеров национальных республик. Суверенитет был не только возжеланной мечтой республик; он был, несомненно, их законным правом. Но проект нового союзного договора, статьи ново-огаревского соглашения предоставляли республикам права, какие исключали прежние претензии Москвы на верховенство.

Августовский путч нанес горбачевским планам и усилиям сильнейший удар. Но не смертельный. Оправившись от форосского шока, Горбачев нашел в себе силы вновь взяться за прерванное в последней декаде августа дело.

И тут, говорит Мэтлок, надо обратиться к линии, которую избрал в этот период Запад, в частности, президент и Госдепартамент Соединенных Штатов.

Как ни парадоксально, в роковые дни августа обнаружилась в Соединенных Штатах странная неосведомленность. В те часы, когда путчисты доживали последние свои шаги на свободе, газета "Нью-Йорк Таймс" писала, что КГБ и военная хунта в Москве укрепляют свои позиции. Президент Буш выступил поначалу с заявлением (напомню, Джек Мэтлок за несколько дней до этого закончил свой посольский срок в Москве), которое звучало, и не только в ушах гекачепистов и их единомышленников, весьма двусмысленно.

В следующем заявлении эта двусмысленность была снята, путч осужден и гекачеписты квалифицированы заговорщиками. Тем не менее, поддержка, в которой нуждался президент Горбачев, — решительное в его пользу заявление, с четкими строгими акцентами, — не была ему оказана.

Отметив роль, вполне заслуженно, какую сыграл в три дня августа президент России Ельцин, Вашингтон, по формальным признакам, продолжал считать центральной фигурой президента Союза Горбачева. Однако госсекретарь Джеймс Бейкер почти тут же совершил свой знаменитый вояж в столицы республик, еще не вышедших из Союза, но уже провозгласивших свою независимость.

За неделю до путча посол Мэтлок с женой Ребеккой Мэтлок отбыли из Москвы.

Контакты с Россией, однако, не прекратились. То с официальными поручениями, то в частном порядке Джек Мэтлок продолжал наезжать в Москву, в другие столицы и города. Отчет о драматических событиях между августом и декабрем 1991 г. — органическое продолжение его рассказа о тех днях, когда он выполнял в Москве обязанности посла.

Четвертого сентября Ельцин объявил, что верит нынче в Михаила Сергеевича даже больше, чем три недели назад, до путча.

Горбачев сдавал одну позицию за другой: функции, которые по ново-огаревскому соглашению передавались республикам, превращали Москву не в центр, где бы главы всех республик решали свои проблемы, а в некое местоблюстительство, не имеющее практического смысла.

В самой России, говорит Мэтлок, сподвижники Ельцина — "младотурки", как нарекли их за радикализм, звали к ликвидации того, что было Союзом или наследием его. Сам президент Борис Николаевич, однако, держал роль твердо. 6 ноября, в памятный для него день, когда четыре года назад подвергли его изгнанию из Политбюро,

он запретил компартию. За два дня до этого он заявил, что Россия не намерена создавать свою армию, независимо от того, что предпримут в этом направлении другие республики.

В том ноябре, 14 дня, Борис Николаевич со свойственной ему прямотой произнес: он не знает, сколько государств присоединятся к новому союзу, но он твердо убежден, что будет союз.

На 25 ноября назначена была торжественная церемония подписания ново-огаревского соглашения. Приглашены были журналисты, телевидение. Горбачев открыл совещание. Первому предоставлено было слово президенту России Ельцину. И он, президент Российской Федерации, первый заявил, что не может подписать этого документа, поскольку в консультациях со своим Верховным советом выяснил, что парламент России не ратифицирует документа в теперешнем его виде.

Вслед за Ельциным поднялся белорус Шушкевич, затем узбек Каримов. Ельцин добавил, что хотя Украина не участвует в сегодняшнем совещании, но до выборов президента на Украине вообще неудобно, прямо говоря, принимать такого рода решения.

Деловое обсуждение превратилось в перепалку. Горбачев, то ли потеряв контроль над собой, то ли напротив, рассчитывая на максимальный эффект, воскликнул в сердцах: "Задыхаемся в дерьме!".

Ельцин, Кравчук и Шушкевич были законными главами своих государств. Но, замечает Мэтлок, вся встреча в Белоруссии была окутана тайной, включая даже и место встречи.

"Абстрагируясь от того, насколько законным было решение о роспуске СССР, — пишет Мэтлок, — можно сказать, что вряд ли будет когда-нибудь достигнуто согласие по поводу приемлемости тех методов, которые были использованы Ельциным, Кравчуком, Шушкевичем и лидерами других республик. Сторонники концепции содружества

обращают, однако, внимание на фактические реалии, которые не оставляли республиканским лидерам возможности поступить иначе".

* * *

Нет сомнения, что литературные увлечения студенческих лет не были случайностью в интеллектуальной биографии Джека Мэтлока. Посвятив свою жизнь дипломатии, он оставался в душе литератором, который ждал своего момента, своего звездного часа.

Мемуары "Посмертное вскрытие империи" десятки страниц напролет, целыми главами читаются, как захватывающий детективный роман. С тем, однако, очевидным преимуществом, которое имеют сочинения документального жанра.

Легкость и ясность изложения, признанные в равной мере профессорами истории, политологами и газетными рецензентами, являются свидетельствами не только литературного таланта автора, но и строгой нравственной его позиции. Независимо от того, поставил ли он перед собой задачу сказать всю правду, всю правду до конца о событиях, непосредственным участником которых он был, многие страницы, посвященные его современникам и коллегам, наверняка перелиставшим эти страницы, изумляют своей нелицеприятностью и недвусмысленностью оценок.

Профессиональный дипломат, ныне профессор университета, Джек Мэтлок не принадлежит к числу тех, кто не судит в ожидании того, что и он не будет судим.

Автор не поддается соблазну приукрасить тех, кто милы его сердцу, и понести тех, кто не вызвал его симпатий.

В российской мемуарной литературе особым и заметным, выдающимся памятником остаются "Воспоминания" графа Витте, крупнейшего государственного деятеля и дипломата. Нет сомнения, что эти "Воспоминания" могут служить эталоном прямоты и откровенности в мировой мемуаристике. Но, отдавая должное графу Сергею Юлье-

вичу, читатель не забывает, что мемуары предназначались не для прижизненной, а для посмертной публикации.

Слов нет, они оставались при этом нравственным подвигом, ибо из всех трудных занятий, какие достаются на долю человека, которому есть, что рассказать, наитруднейшим является говорить правду.

Автору "Посмертного вскрытия империи" также досталось наитруднейшее это занятие — говорить правду, но не в посмертной публикации, а в прижизненном издании. Читая английский текст, русскоязычный читатель, естественно, расставляет свои акценты. И в тех случаях, когда английское слово folly может быть передано по-русски как "безрассудство" и как "глупость", память прежде всего подставляет последнее — "глупость". Поскольку суждение это приходится на пассажи, где речь идет о бывшем президенте Соединенных Штатов Джордже Буше и его государственным секретаре Джеймсе Бейкере (далее об этом будет подробный разговор), то, по вполне понятному интересу, читатель возвращается к поучительным картинам и эпизодам, чтобы глубже вникнуть в механизм поведения, в психологию тех, кто приготавливает в наши дни блюда на мировой политической кухне.

Русское понятие "бывалый человек" не принято прилагать к государственным деятелям, к дипломатам. Но дипломат по профессии Джек Мэтлок, проведший годы не только бок о бок со своим президентом, но и нареченный "товарищем послом" в Кремле, наиболее полно определяется этим понятием "бывалый человек". Исколесив Россию, он за одиннадцать лет узнал ее лучше, нежели кто-либо иной из дипломатического корпуса в Москве. И досада (он не скрывает этого), которую приходилось ему порою испытывать, когда перевирались его слова, а действия истолковывались превратно, вполне понятна читателю и, более того, нередко разделяется им.

Читатель, хотя и в воображении, становится соучаст-

ником действия, и события, отчасти, может быть, даже известные, озаряются как бы новым светом и проходят перед глазами, словно увиденные впервые.

В печати в свое время было много разговоров о подготовке антигорбачевского заговора в июне 1991 г. Американский посол в Москве Джек Мэтлок, по стечению обстоятельств и по роли, которую хозяин "Спасо-хауса" принял на себя, оказался одним из главных действующих лиц в событиях тех дней.

Гавриил Попов, тогдашний мэр столицы, в числе других приглашен был на ленч к американскому послу. Прием был назначен на час дня, но утром из канцелярии мэра внезапно передали в посольство сообщение, что он не может прибыть, и предлагали договориться о встрече в другое время. Сообщение, однако, было сформулировано так, что посол Мэтлок тут же отправил свой ответ в мэрию и просил профессора Попова прибыть в посольство столь быстро, сколь это будет возможно.

К полудню мэр столицы уже был в гостях у посла, и оба уединились для разговора. Хотя и оставшись с глазу на глаз с хозяином "Спасо-хауса", мэр Попов, хорошо знающий политические нравы своего отечества, особенно его тайной полиции, взял клочок бумаги и начертил на нем известие, которое привез вашингтонскому представителю в Москве.

Конечно, при других обстоятельствах такая акция могла бы быть истолкована как угодно — мэр столицы входит не то, чтобы в сговор, но в суперконфиденциальные разговоры с иноземным послом! — однако на Москве тех дней взгляды сильно переменились, и что раньше толковалось как отступничество от отечества, теперь толковалось как рвание за него и заступничество.

Несомненно, так именно понимал свою миссию мэр Попов, так понимал его миссию и посол Мэтлок. Словом, это был полный альянс, какой редко случается между высо-

кими представителями двух держав, еще недавно ратоборствовавших в сорокалетней холодной войне.

Что же начертил на клочке бумаги, который тут же передал своему собеседнику-американцу, московский мэр? В книге мемуаров текст этот набран так:

"ОРГАНИЗОВАН ЗАГОВОР, ЧТОБЫ УСТРАНИТЬ ГОРБАЧЕВА. НАДО ДАТЬ ЗНАТЬ БОРИСУ НИКОЛАЕВИЧУ".

Напомним, Борис Николаевич Ельцин, несколько дней назад, 12 июня, избранный президентом Российской Федерации, отправился в первый свой официальный вояж на ролях главы России в Вашингтон. Здесь предстояли ему государственные встречи, в их числе и с президентом Соединенных Штатов.

Возникал естественный вопрос, возник он, естественно и у посла Мэтлока, а дали ли знать самому президенту Горбачеву о заговоре, какой подготовили против него? Оказалось, нет, не дали, а решили действовать вот таким окольным путем: сначала дать знать за океан, в Вашингтон, где через несколько часов ожидалась встреча президента США с президентом России, а уж оттуда, из Вашингтона, дать знать об этом подготовленном против него заговоре президенту Михаилу Горбачеву.

Как именно должно это быть осуществлено технически, поначалу было не вполне ясно. Об известии, полученном от Гаврилы Попова, посол Мэтлок дал знать только троим: президенту Бушу, его советнику по безопасности Бренту Скаукрофту и госсекретарю Бейкеру, который находился в этот момент в Берлине.

Вскоре в посольстве раздался звонок. По телефону (телефон этот был особо секретный) заместитель государственного секретаря Роберт Киммит сообщил, что президент передаст новость Борису Ельцину, но при этом

глава Белого дома распорядился, чтобы Мэтлок отправился к Горбачеву и сам проинформировал его о заговоре. Посол ответил, что он согласен, но просил при этом ни в коем случае не вспоминать в Вашингтоне имени источника, то есть мэра Попова, и имен тех людей, которые, по сообщению последнего, причастны к затее: премьер-министра Павлова, председателя КГБ Крючкова, министра обороны Язова, председателя Верховного совета Лукьянова. Имена эти, сообщает в своих мемуарах Мэтлок, также начертаны были на клочке бумаги Поповым, но, едва посол успел пробежать запись, мэр тут же отобрал у него листок, изорвал его на глазах у хозяина в клочки и сунул их в свой карман.

Тут необходимо пояснить, что передавая сообщение, от которого не осталось никаких письменных следов, в Вашингтон, посол Мэтлок уведомил свое правительство, что никакими другими данными из независимых источников о заговоре Крючкова с сотоварищи не располагает.

И вот, рассказывает посол Мэтлок, начались некие странности, которые трудно объяснить, руководствуясь здравым смыслом.

Забегая несколько вперед, заметим, что по убеждению автора мемуаров, сговор между высшими членами горбачевского кабинета министров в июне действительно был. Свидетельством этому, если не прямым, то по крайней мере, косвенным, могло быть вызывающее выступление в Верховном совете премьера Павлова, который требовал для себя такого расширения полномочий, какое поставило бы его в один ряд с президентом. Поддержали премьера некоторые из министров.

Но в доводе этом есть только один изъян: выступление Павлова было публичным, в парламенте страны, и лишено было по этой причине важнейшей приметы сговора или заговора — секретности. Но, с другой стороны, это могло быть и своего рода пробой сил.

Тем не менее, до randevу с мэром Поповым посол Мэтлок не информировал свое правительство о заговоре, притом уже организованном, против президента Горбачева, хотя слухи о возможности заговора ходили по Москве уже не первый месяц. Не только слухи, но и прямые предупреждения о возможности такого оборота событий, если демократия не сплотит свои силы.

Сообщение мэра Москвы, одного из первых лиц в тогдашней России, было сигналом "SOS", адресованным из Москвы в Вашингтон.

Автор мемуаров говорит, что требовалась исключительная осмотрительность и осторожность в этой критической ситуации, тем более, что первым сигналом выступал здесь мэр Москвы. Верно, что он обращался к президенту Ельцину, находившемуся с визитом в Вашингтоне, но в действительности использовал при этом все каналы американские, естественно ведущие в Белый дом и Госдепартамент.

Понятно, что в подобных обстоятельствах неразумно было предавать огласке, пусть даже ограниченной, имя мэра Москвы, который избрал своим конфидентом посла иностранной державы. В действительности, однако, все сложилось по-другому.

Мэтлок позвонил в канцелярию Горбачева с просьбой о безотлагательной встрече. Ответ получен был без промедления: "Приходите". Теперь, рассказывает мемуарист, он по-настоящему понял всю сложность своей задачи. В самом деле, как было ему, послу державы, которая незадолго до этого в СССР числилась во врагах номер один, сообщить главе государства, что против него организован заговор с участием в качестве главных заводил премьер-министра, шефа безопасности, министра обороны и спикера парламента? Не могло ли это быть истолковано как вмешательство в дела страны, где он был аккредитован, как попытка посеять рознь и подозрения в верхних эшелонах власти, в ближайшем окружении главы государства?

Разве не естественно было бы, если бы сам Горбачев разобрался во всем этом, тем более после вызывающего выступления премьера в парламенте Союза?

Твердо и вместе с тем без избыточного нажима, без драматических или сентиментальных нот живописует Мэтлок свою встречу в этот вечер с Горбачевым.

Как обычно, президент приветствовал "товарища посла", которого возвел в ранг члена "единой команды", чьей главной заботой были гармонические отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Более того, заметил Горбачев, "товарищ посол" стал влиятельным членом "нашего общества" и строгим поборником не только в едином деле общего взаимопонимания, но и в проведении реформ внутри Советского Союза. Учитывая все это, как может он, "товарищ посол", решиться на то, чтобы покинуть Москву, когда он, Горбачев, так нуждается в поддержке обеих стран (его собственной и Соединенных Штатов), чтобы удержаться в колее предпринятых им преобразований?

Это был момент, вспоминает Мэтлок, острого, тяжкого чувства неловкости, которое охватило его при этом потоке дружеских изъявлений и прямых комплиментов, исходивших от президента.

В этот июльский вечер (близился к концу день летнего солнцестояния) у Горбачева было мягкое, благодушное настроение. Ничто не говорило о том, что он ждет неприятных известий. Между тем, именно с этой целью — сообщить чрезвычайную новость — пришел в Кремль американский посол Мэтлок.

Все в этом кабинете — длинный стол, огромные окна, было знакомо послу. И вот предстояло ему свести на нет мирную обстановку прелестного московского вечера начальной поры лета и поставить президента СССР в известность о подготовленном против него заговоре.

"Господин президент, — сказал посол Мэтлок, — прези-

дент Буш просил меня передать вам, что мы получили сведения, весьма, на наш взгляд, тревожные, хотя мы не можем надлежащим образом их подтвердить. Они имеют основания более серьезные, нежели просто слухи, но менее достоверные, нежели проверенная информация. По этим сведениям, намечена попытка устранить вас, случиться это может в любой момент, даже на этой неделе".

Горбачев покачал головой, усмехнулся, и тут же сделался серьезным: "передайте президенту Бушу, что я тронут. У меня было чувство, что мы партнеры, и теперь он подтвердил это. Он сделал именно то, что должен сделать друг. Но передайте ему, пусть не беспокоится. Я все держу крепко в руках".

Затем он добавил, что в общем все наладится, хотя слухи всякие идут. Даже с Ельциным намечается сотрудничество. Посол ответил, что сообщение о крепнущем сотрудничестве между Горбачевым и Ельциным весьма обнадеживает.

"Завтра, — сказал Горбачев, — завтра вы кое-что увидите".

В самом деле, на следующий день, выступая в Верховном совете в связи с акцией премьера Павлова, Горбачев получил поддержку большинства парламентариев.

Между тем, рассказывает Мэтлок, сообщение Гаврилы Попова оставалось в фокусе внимания и президента Буша, и госсекретаря Бейкера, у каждого на свой лад, со своими практическими акцентами.

В Берлине, встретившись с министром иностранных дел Бессмертных, Бейкер просил передать его новость Горбачеву. Это могло быть следствием только полного незнания советских реалий: как будто у министра иностранных дел СССР могли быть особые линии связи, не контролируемые КГБ! Несомненно, это было верхом глупости. Но у министра Бессмертных, добавляет мемуарист,хватило благоразумия не обращаться к каналам технической связи, которые, естественно, все прослушивались.

Впрочем, продолжает свой рассказ Мэтлок, если действия госсекретаря Бейкера были необдуманны, то разговор президента Буша с Горбачевым по телефону был образцом прямой беспечности. Уверяя Горбачева, что Ельцин за время своего пребывания в Вашингтоне не проявил нелояльности по отношению к президенту СССР, Буш уведомил его, что информация о заговоре исходит от Попова. И это при том, что разговор президентов наверняка прослушивался людьми Крючкова. Трудно было поверить, восклицает Мэтлок, что бывший глава Центрального разведывательного управления, который неизменно гордился своим профессионализмом и делал выговор за всякую утечку информации, даже незначительной, мог допустить такую неосторожность, такую беспечность!

А что Горбачев, как сам Горбачев действовал в этой обстановке, которая была несомненным предвестником августа девяносто первого?

Завороженный собственными планами и ожиданиями, Горбачев в оставшиеся до рокового путча недели жил и действовал, говорит Мэтлок, как сомнамбула, у которого свои мерки, не согласующиеся с измерениями в реальном предметном мире.

40 ЛЕТ ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Тибор Мераи

ТРИНАДЦАТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ КРЕМЛЬ

(Отрывки из одноименной книги *)

В мае 1956 года в Национальной академии музыки состоялась премьера оратории друга и сподвижника Бела Бартока, крупнейшего венгерского композитора Золтана Кода на слова поэмы XVII века. Автор этой поэмы, выдающийся полководец и писатель Миклош, сражался против немцев на западе и против турок на востоке и юге. Исполнение сопровождалось возгласами: "Руки прочь от Венгрии!" Аудитория была возбуждена, многие плакали. После финального аккорда зрители встали и стоя аплодировали находившемуся в зале старому композитору. С ним рядом сидел Имре Надь. Нескончаемая овация относилась к ним обоим, ибо оба они стремились к одному и тому же - к освобождению Венгрии.

Примерно тогда же вернулся из Москвы после своей выставки скульптор Зигмунд Штробл Кишифалуди, который пользовался расположением партийной верхушки. Там он сделал бюст председателя Президиума Верховного Совета СССР маршала Ворошилова. Оба они были любители выпить. Однажды, за совместной выпивкой, Ворошилов разоткровенничался:

"Ракоши - большой мерзавец, Гере - ничтожество, а о других и говорить не стоит. В вашем партийном руководстве есть только один честный человек - Имре Надь"...

К началу июня 1956 года этому честному человеку исполнилось 60 лет.

* Tibor Meray, *Thirteen Days that Shook the Kremlin*, Praeger, N.Y., 1959.

Решения XX съезда КПСС и ослабление международной напряженности, которое имело последствием улучшение отношений Советского Союза с Югославией, а также посещение Лондона Хрущевым и Булганиным, вынудили Ракоши пойти на уступки — и не только на словах, но и на деле. Во время визита советских вождей в Лондон представители лейбористов передали Хрущеву список социал-демократов, которые томились в тюрьмах стран народной демократии. И пришлось Ракоши освобождать тех, кто числился в этом списке.

27 июня 1956 года, как раз в трехлетие провозглашения "политики июня"¹, которая была неразрывно связана с именем Надя, дискуссия в кружке Петефи достигла своего апогея, хотя, казалось, обсуждался спокойный вопрос: "Проблемы информации и печать". В дискуссии участвовали лучшие писатели, журналисты и ученые Венгрии. Именно тогда аудитория в шесть тысяч человек, в которой были представлены все слои населения, услышала правду о преступлениях сталинского руководства во главе с Ракоши. Три присутствовавшие члена Центрального Комитета пробовали защищаться, но выглядели при этом беспомощно. С заключительным словом выступил член партии Гейза Лошончи, блестящий публицист и политический деятель, который годы отсидел в тюрьмах, не совершив никакого преступления:

"Бессмысленно говорить о внутрипартийной демократии, о свободе слова, о критике и самокритике, пока Имре Надь лишен возможности защищать себя против своих обвинителей", - сказал Лошончи.

При упоминании имени Надя все присутствовавшие поднялись со своих мест и стали требовать возвращения его в партию.

Через два дня Ракоши созвал Центральный Комитет. Тоталитарный режим не мог допустить расхождений ни в партийном руководстве, ни среди рядовых членов партии; не мог он примириться и с существованием, наряду с парламентом, кружка Петефи. Не могло быть также двух вождей — Матиаша Ракоши и Имре Надя. Члены Центрального Комитета, напуганные известиями о восстании польских рабочих в Познани, приняли резолюцию, в которой осуждали "антипартийную и антинародную" де-

ятельность кружка Петефи и группировавшиеся вокруг Надя "правые элементы".

Но Ракоши не удовольствовался этим постановлением. Он составил список 400 лиц, которых, по его мнению, следовало немедленно арестовать для восстановления порядка и спокойствия в стране. Первым значился Имре Надь.

Эта идея Ракоши оказалась роковой для него самого. Москва потеряла терпение. Переговоры с Тито были в разгаре и шли к "восстановлению дружественных отношений между двумя государствами". Советы готовы были убрать Ракоши, так как Тито его ненавидел. В Будапешт был послан Микоян.

Через три недели после бурных дискуссий в кружке Петефи и примерно через две недели после единогласного осуждения Центральным Комитетом кружка Петефи и Надя, тот же Центральный Комитет и так же единогласно снял Ракоши с поста первого секретаря, назначив на его место Эрно Гере. Ракоши пришлось покинуть страну и укрыться в Советском Союзе.

... Утром 23 октября 1956 года радио сообщило о многочисленных студенческих демонстрациях в Будапеште. Их участники требовали "восстановления товарища Надя на посту руководителя государства и партии".

Накануне вечером на собраниях различных организаций были приняты резолюции с аналогичными требованиями. Люди ощутили себя как первые христиане в римских катакомбах, когда те, наконец, смогли произнести вслух запретное прежде имя Христа. Однако в катакомбах христиане были защищены отъединенностью и мраком их убежища, а на залитых солнцем улицах Будапешта, когда люди читали вслух резолюции студентов, они были в безопасности благодаря сочувствию толпы.

Студенты требовали:

1. Немедленного, соответствующего мирному договору, вывода всех советских войск.

2. Выборов тайным голосованием всех без исключения должностных лиц Венгерской партии трудящихся; немедленного созыва партийного съезда для перевыборов Центрального Комитета.

3. Нового правительства во главе с Имре Надем; удаления всех руководителей, замешанных в преступлениях времен Сталина — Ракоши.

4. Публичного расследования преступлений Михая Фаркаша и его сообщников; возврата в страну и предания суду Матиаша Ракоши как наиболее ответственного за совершенные в прошлом преступления, за разорение страны.

5. Перевыборов Государственного собрания на основе всеобщего и тайного голосования с участием всех партий; признания за рабочими права на забастовку.

6. Пересмотра отношений с Советским Союзом и Югославией в политической, экономической и культурной областях на основе полного равенства и невмешательства во внутренние дела.

7. Перестройки венгерской экономики под руководством специалистов и в интересах венгерского народа.

8. Публикации торговых договоров с иностранными государствами и сумм невыплаченных репараций; точных сведений о залежах урана в Венгрии, об их эксплуатации и о советских урановых концессиях; свободной продажи урана за твердую валюту и по ценам мирового рынка.

9. Пересмотра норм заработной платы с целью их немедленного радикального изменения в интересах рабочих и интеллигенции; согласования с рабочими минимальных ставок оплаты труда.

10. Пересмотра независимыми судами всех приговоров по политическим и экономическим обвинениям, реабилитации невиновных; немедленной репатриации военнопленных и депортированных в СССР венгерских граждан.

11. Свободы мнений и слова, печати и радио; разрешение на издание ежедневной газеты Союза венгерских студентов.

12. Удаления в кратчайший срок статуи Сталина — символа тирании и политического гнета — из Будапешта и замены ее памятником борцам, погибшим за свободу в 1848-1849 гг.

13. Замены чуждых венгерскому народу эмблем старой венгерской эмблемой Кошута; новой формы для венгерской армии, отвечающей национальным традициям; объявления 15 марта национальным праздником и 6 октября днем национального траура с отменой занятий в школах.²

Студенты будапештского технического института единодушно заявили о своей солидарности с рабочими и студентами Варшавы и всей Польши с их стремлением к национальной независимости. Они обязались в кратчайший срок организовать отделения Союза венгерских студентов и созвать 27 октября Парла-

мент молодежи, в котором будут представлены все венгерские молодежные организации.

* * *

24 октября 1956 года, ночью, в 4.30, будапештское радио, вместо обычной музыкальной программы, передало сообщение Совета Министров:

"Фашистские реакционные элементы совершили вооруженные нападения на общественные здания и силы правопорядка. Впредь до восстановления спокойствия всякие собрания, собрания и демонстрации запрещаются. Полицейским частям отдан приказ обходиться с нарушителями порядка по всей строгости закона".

В городе слышалась ружейная стрельба, по улицам двигались танки.

После того как коммюнике Совета Министров было повторено четырежды, в 8.13 утра радио сообщило о назначении Имре Надя главой правительства. В сообщении, однако, подчеркивалось, что смещенный премьер Андраш Хегедуш остается первым заместителем и главным советником Надя. В том же сообщении говорилось, что Центральный Комитет утвердил Эрно Гере на посту первого секретаря...

Народу, тем самым, удалось восстановить Надя как руководителя государства, но в правительстве остались политики времен Ракоши — Гере, Хегедуш, Киш и Апрош. Впрочем, это не поколебало бы прочности позиции Надя, если бы не маневр клики Гере.

Первым шагом нового правительства, о котором немедленно, в 8.45, сообщило радио, было введение военного положения. Согласно опубликованному декрету, всем зачинщикам беспорядков грозила смертная казнь. Надя, которого народ вознес на вершину власти и которому верил, прибег к методам своих предшественников. Так, по крайней мере, это было воспринято населением Будапешта.

Но и это еще не все. После двукратного повторения декрета, подписанного Надем, радио передало следующее:

"Правительственные организации обратились за помощью к советским войскам, которые, согласно Варшавскому договору, расположены на территории Венгрии. По хо-

датайству правительственных организаций, советские войска окажут поддержку при восстановлении порядка".

Переданные одно за другим, эти два сообщения, из которых только одно на самом деле было подписано Надем, вызвали полную неразбериху. Большинство поверило, что оба они исходят от Нады. Нужно было очень хорошо ориентироваться, чтобы заметить, что в сообщении о приглашении советских войск, в отличие от первого, говорилось не о правительстве, а о "правительственных организациях".

Просить помощи у солдат угнетавшего Венгрию государства было равносильно измене. Уязвленный в своей национальной гордости народ вышел на улицы, чтобы отстаивать свою свободу и независимость.

Попытка скомпрометировать Нада в конечном счете потерпела неудачу благодаря огромной популярности нового премьера, которому он пользовался, надеждам, которые он воскресил.

Большинство, оправившись от неожиданности, отказалось поверить, будто советские войска были вызваны по его инициативе, хотя народу были неизвестны закулисные интриги и непонятны оттенки формулировок в официальных коммюнике. Вопреки объявленному военному положению, на заполненных народом улицах столицы продолжались демонстрации против Гере и его клики. Группы студентов скандировали: "Долой Гере!" и "Русские, убирайтесь домой!". Но никто не выступал против Нады. Напротив, распространился слух, что агенты тайной полиции пытаются навязать Надю свою волю.

Что же произошло на самом деле?

Имре Надь находился тогда не в здании парламента, где полагалось заседать правительству, а в Центральном Комитете на улице Академии. Он не имел контактов с внешним миром, фактически он был пленником. Приняв пост главы государства, он взял на себя огромную ответственность, но обладал лишь малой толикой той власти, которой обычно обладает премьер-министр. Впрочем, Надь был пленен не только танками и пулеметами, его связывал не только сталинский партаппарат — прежде всего он оказался в плену у своих собственных убеждений. Свидетельство тому — его "Обращение к венгерскому народу", с которым он выступил по радио в 12 час. дня. В речи Нады звучал отчаянный призыв:

"Порядок, спокойствие, дисциплина. Это требование ко всем".

Он просто умолял прекратить борьбу. Он не мог допустить, чтобы "святое дело национального возрождения было запятано кровью".

Надь силился смягчить впечатление, оставленное первым декретом его правительства о введении военного положения. Он предотвратил суды над повстанцами, которых захватили с оружием в руках. За все время пребывания Нады на посту главы правительства не было ни одного смертного приговора...

Обстановка в городе резко переменилась. Советские войска, при их численном превосходстве, сломали сопротивление повстанцев, но во многих районах Будапешта бои продолжались и даже усиливались. Советское вмешательство изменило положение и политически, и морально. Ситуация упростилась, а борьба приняла иной характер. Речь теперь шла не об усмирении повстанцев и не о борьбе между ними и тайной полицией. Началась советско-венгерская схватка. Внутренний конфликт перерос в битву за освобождение нации от иноземного поработителя. Особенно очевидна была перемена настроения армии. С самого начала многие венгерские офицеры и солдаты симпатизировали повстанцам, но их симпатия обычно не заходила дальше снабжения повстанцев оружием. Советская интервенция облегчила выбор. Большинство офицеров — члены партии или Союза коммунистической молодежи — в те драматические часы примкнуло к восставшим. На их сторону переходили целыми полками, среди них Военная академия Эрини под командованием полковника Андраша Мартона.

Венгерским бойцам удалось вывести из строя значительное число советских танков. Плохо вооруженные повстанцы действовали партизанскими методами, которые усвоили из советской военной беллетристики. Основную массу повстанцев составляла молодежь.

Сообщения будапештского радио о текущих событиях перемежались музыкой из оперетт. На улицах плясала смерть, а по радио звучали вальсы и канканы. Между тем в стране, где газеты не выходили и коммуникации были прерваны, радио осталось единственным источником информации.

Надь встретился с делегатами повстанцев, но их беседа была слишком краткой. Если бы он отказался тогда от абстрактных схем и установил действительный контакт с повстанцами, то понял бы, что они - не бандиты, а воодушевленная благородной целью молодежь. Конечно, в среде повстанцев были "хулиганы" — и фашисты, и уголовники. Но они были в незначительном меньшинстве. Ядро повстанцев составляли сторонники Надя, восприимчивые его идей. Это они сражались на баррикадах и изготавливали "коктейли Молотова". Сопротивлением руководили офицеры-коммунисты, тоже последователи Надя, которые перешли на сторону восставших вместе со своими солдатами. Партия потерпела полный крах. Это было необратимо.

Повстанцы призвали к всеобщей забастовке. Все население столицы прекратило работу.

Во второй половине дня радио передало воззвание:

"Коммунисты! Бойцы! В этот тяжелый час, когда наметились известные успехи в борьбе с контрреволюционными бандами, обязанность всех членов партии, независимо от должностей, защищать мир и порядок. Убеждайте колеблющихся восстановить порядок! Рабочий класс одержит полную и быструю победу над контрреволюционерами нубийцами!".

Это было едва прикрытое признание поражения. Партия, уверенная в своих силах и авторитете, поступила бы иначе. Она вооружила бы своих приверженцев, вывела бы их на улицы штурмовать баррикады. Численность венгерских коммунистов превышала 800 тысяч. Среди них было много мужчин, способных носить оружие. Но партийное руководство не решилось вооружить их, опасаясь, что они повернут оружие против собственных вождей...

В два часа дня перед зданием Центрального Комитета партии на улице Академии появились советские танки. Из них вылезли двое в штатском — маленький длинноносый армянин и высокий худой русский. Это были Анастас Микоян и Михаил Сулов, ближайшие советники главы советского правительства.

Надь был знаком с обоими. Он встречался с Микояном за три месяца перед тем в советском посольстве. Тогда Микоян заверил Надя, что исключение его из партии произошло без ведома

советского руководства, и просил не отказывать в поддержке Гере.

Что касается Сулова, Надя видел его полтора года назад. Сулов появился у постели больного Надя и уговаривал его "раскаться".

Надю было известно, что Микоян придерживался так называемого нового курса, а Сулов остался закоренелым сталинистом. Вместе с Молотовым Сулов категорически возражал против сближения с Тито, защищал Ракоши.

Факт, что они прибыли вместе, представлялся Надю весьма существенным. Они как бы воплощали единство советского руководства.

Надь долгие годы провел в Москве и имел основание полагать, что он разбирается в механизме власти Кремля. Присутствие посланников Политбюро заставляло его считаться с их мнениями. Помещение, предоставленное Микояну и Сулову в Центральном Комитете, стало местом, откуда исходили все решения. Надя и прежде не был свободен в своих действиях, а после этого тем более.

Гнев посланников Кремля обрушился на Гере. Они обвиняли приемника Ракоши во всех смертных грехах. Они говорили, что Гере показал себя плохим политиком. Он не начал исправлять положение в духе XX съезда. Наперекор советам Москвы, он не просил помощи у товарища Надя. Сулов и Микоян привезли в своих портфелях распоряжение об отставке Гере.

Советские сановники утверждали, что остался только один выход: как можно быстрее подавить контрреволюцию силой оружия. Они говорили, что империалисты уже успели извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Как только с восстанием будет покончено, Венгрии надлежало вступить на новый путь, указанный XX съездом КПСС.

Советские сановники полагали, что Гере не следовало выступать публично. Вместо него от имени партии к народу обратится Янош Кадар и выскажется за поддержку правительства Надя.

Уже тогда Кадара готовили для замены Гере. Однако в своем выступлении Кадар лишь повторял приевшиеся за сутки штампы: "вылазка реакционных и контрреволюционных элементов против власти рабочего класса", "провокаторы должны капитулировать или будут раздавлены" и т.д. Кадар призвал коммунистов и рабочих поддержать правительство и пре-

кратить забастовку, но не сказал ни слова о самом главном — о выводе советских войск. Зато он отозвался с симпатией о советских солдатах, назвав их "союзниками и братьями".

Об отставке Гере не сообщалось. Поэтому возобновление работы означало для жителей Будапешта подчинение человеку, которого они люто ненавидели. После призыва вернуться на работу правительство отменило военное положение. Десятки тысяч высыпали на улицы, чтобы узнать новости и обменяться мнениями по политическим вопросам. Скопления студентов, рабочих и служащих вскоре снова перешли в демонстрации. И снова раздался клич: "Долой Гере!"

Знай тогда население, что Гере уже в отставке, возможно, события не приняли бы трагического оборота.

К демонстрантам присоединялись стоявшие в очередях перед булочными. Все были безоружны. Они несли национальные венгерские флаги и шли к зданию парламента с намерением увидеть Надя.

Колонну нагнали советские танки. Среди демонстрантов нашлись говорившие по-русски. Они старались объяснить советским солдатам, что это не фашисты, не контрреволюционеры, что венгры не хотят возвращения старого режима, что их главная цель — свобода и независимость страны.

Юноши взбирались на советские танки и водружали на них венгерские флаги. Демонстрация дошла до здания парламента. Появился офицер тайной полиции, который приказал немедленно разойтись на том основании, что сборища и демонстрации запрещены. В его словах проскользнуло опасение, что демонстранты намереваются атаковать парламента. Это вызвало возмущение. По пути не было никаких инцидентов, покушаться на Государственное собрание никто не думал. "Свинья, — кричали демонстранты, — убийца! Долой тайную полицию!"

На крыше Министерства сельского хозяйства, против здания парламента, расположился отряд тайной полиции для наблюдения за происходящим на площади и прилегающих к ней улицах. Во время перепалки между офицером и толпой солдаты этого отряда без всякого предупреждения открыли огонь.

Началась паника. Часть демонстрантов пустилась в бегство, другие бросились на землю. Кровавый хаос достиг апогея, когда советские танки открыли огонь по находившимся на крыше полицейским, так как советские солдаты решили, что стреляют в

них. Однако они стреляли не только по крыше, но и по толпе. Площадь усеялась убитыми и ранеными. Согласно показаниям многих свидетелей, убитых было примерно 170-180 человек. Эти данные расходятся с докладом охранявшего парламента отряда тайной полиции. В нем говорилось, что убитых было всего 22, в том числе четыре полицейских. Кроме того, были убитые и раненые среди советских солдат.

Весть о бойне, которая произошла между 11 и 12 часами утра 25 октября, быстро распространилась по городу и накалила атмосферу до чрезвычайности. Гнев был направлен прежде всего против тайной полиции. За оружие взялись люди, до тех пор не помышлявшие о вооруженном сопротивлении.

Примерно через час после происшествия у здания парламента радио сообщило о смещении Гере и замене его Кадаром. Эта весть могла бы изменить ход событий, будь она объявлена на два-три часа раньше.

Днем Кадар и Надя выступили по радио. Кадар не сказал ничего нового. Он обрисовал создавшееся положение и дал несколько неопределенных обещаний. Однако Надя не ограничился фразами о контрреволюционерах. Он говорил о возмущении рабочих и объяснял его ошибками прошлого. Он обещал предложить программу реформ ближайшей сессии парламента и реорганизовать правительство в соответствии с пожеланиями Патриотического Народного фронта. Но самое главное, Надя заявил, что правительство начнет переговоры с Москвой об отношениях между обоими государствами и в первую очередь о выводе из Венгрии советских войск. Он подчеркивал, что эти переговоры будут вестись в духе "советско-венгерской дружбы, пролетарского интернационализма, равенства между коммунистическими партиями социалистических стран и на основе национальной независимости". Казалось, Надю удалось добиться от Микояна и Сулова некоторых уступок.

26 октября в 4.30 утра военное положение было восстановлено. Будапештское радио непрерывно повторяло предостережения: не выходить на улицу под страхом смерти. Заводы и фабрики было приказано закрыть. Через несколько часов военное положение несколько смягчилось. Населению разрешили выходить из дому для покупки продовольствия и других неотложных дел.

Радио передавало сумбурные и мало информативные сообщения. Угрозы, предостережения, призывы к разуму и бодрые репортажи о победах над повстанцами следовали одно за другим.

А в это время в провинции солдаты венгерской армии передавали винтовки и танки восставшим, присоединялись к ним. Началась всеобщая забастовка.

Микоян и Сулов старались найти путь к стабилизации положения. Они хотели прекратить восстание, а Надь был единственным человеком, способным восстановить порядок. С другой стороны, Надю тоже было проще иметь дело с ними, чем со своими партийными бюрократами. У Микояна и Сулова не было причин цепляться за Гере и других сообщников Ракоши, они не дрожали за свое положение и привилегии.

Утром в пятницу 26 октября было созвано совещание Центрального Комитета для обсуждения создавшегося положения. Враги Надя все еще преобладали численно, однако Гере и Хегедуш уже отсутствовали. По предложению Микояна они выехали из Будапешта на советских танках и покинули страну. У них не было другого выхода: рано или поздно выяснилось бы, кто призвал на помощь советские войска, и им пришлось бы ответить за это.

Сталинисты предложили резолюцию, которая осуждала "проникшую в страну измену". Центр ее находился будто бы "на улице Академии". ЦК эту резолюцию принял.

На том же совещании обсуждался вопрос о создании рабочих Советов по югославскому образцу. В рабочих Советах Надь видел средство восстановить популярность власти и, таким образом, укрепить порядок. Постановление об учреждении этих Советов было, в конце концов, принято.

Опубликованное Центральным Комитетом коммюнике заметно отличалось от предыдущих. В нем не было упоминаний ни о контрреволюции, ни об империалистах. Напротив, говорилось о трагедии последних дней, высказывалось сожаление о пролитой крови. Центральный Комитет признал необходимость "широкой национальной программы преобразования Венгрии в демократическую, социалистическую, независимую и свободную страну".

Коммюнике показывало, что партия, чтобы сохранить свою власть, готова взять на себя инициативу осуществления некото-

рых требований народа. На этой несколько неопределенной платформе Надю предстояло составить правительство.

Между тем, в столицу приходили известия, что восстание не только не утихло, но расширяется. Свободные радиостанции западных областей Венгрии сообщали, что советские солдаты растянулись вдоль 150-километровой австро-венгерской границы. В Западной Венгрии победили восставшие. Советские войска не вмешивались, а венгерские присоединялись к повстанцам. Провинциальные города один за другим провозглашали себя "свободными". По радио пришло также сообщение из-за рубежа, что Соединенные Штаты, Великобритания и Франция потребовали созыва Совета Безопасности Организации Объединенных Наций для принятия мер против "иностранный военной интервенции в Венгрии". Московское радио тотчас же откликнулось заявлением, будто восстание инспирировано и финансируется Соединенными Штатами и другими западными державами.

Однако в столице, где борьба продолжалась, советские войска постепенно одерживали верх. Но у повстанцев еще оставался оплот, защитники которого не хотели прекратить сопротивление и сдаться на милость победителя. Это были казармы Килиана. В субботу австрийскому журналисту венгерского происхождения удалось туда проникнуть. Его провели к командиру защитников казарм, осажденных советскими танками.

"У нас выбора нет, мы либо победим, либо погибнем, - сказал он. — Мы доверяем Имре Надю, но сдадимся лишь венгерским войскам нового правительства, если признаем его достойным".

Командующий казармами представился журналисту как полковник Аш. На самом деле его звали Пал Малетер. Он начал свою военную карьеру еще при Хорти. Попав в плен к советским войскам во время второй мировой войны, Малетер пошел добровольцем в партизаны и сражался против наци. После войны он окончил советскую военную академию и вплоть до восстания служил в бронетанковых частях.

Малетер рассказал журналисту, как он из кадрового офицера превратился в военного руководителя восстания:

"Рано утром в среду 24 октября я получил приказ от министра обороны повести отряд из пяти танков против повстанцев восьмого и девятого округов. Когда я туда прибыл, я понял, что это вовсе не бандиты, а преданные сыны Венгрии, которые отстаивают ее свободу. И я уведомил министра обороны, что перехожу на сторону повстанцев".

К субботе об обороне казарм Килиана знала вся страна. Были и другие продолжавшие сопротивление изолированные группы, но именно защитники казарм Килиана стали символом борьбы. Их было тысяча двести человек, в большинстве — совсем молодые. Толстые стены казарм защищали их даже от тяжелых снарядов советской артиллерии. Обстреливавшие казармы советские танки один за другим выходили из строя. Вокруг казарм можно было увидеть десятки подбитых танков.

Отдельные группы повстанцев держались на некоторых площадях Будапешта. Они поклялись стоять на месте, пока советские войска не уйдут из Венгрии, или умереть. Эти группы были отрезаны одна от другой и могли поддерживать только случайные контакты. Каждая действовала совершенно самостоятельно, соответственно обстоятельствам.

К рассвету в воскресенье со многими очагами сопротивления было покончено. Хотя защищаемые полковником Малегером казармы Килиана продолжали держаться, советские войска стали хозяевами положения. Они разместились вдоль главных городских артерий; общественные здания охраняли их броневики. Советские солдаты обыскивали прохожих. Теперь уравновесить советское военное превосходство можно было только политическими мерами.

Штурм казарм Килиана был назначен на 6 часов утра. Предполагалось снести до основания и сами казармы, и окружающие их дома. На рассвете об этом плане доложили Надю.

Если бы советские танки при поддержке самолетов сосредоточили огонь на казармах, "порядок" был бы, конечно, восстановлен, но человеческие жертвы были бы очень многочисленны. К потокам крови, уже пролитым перед парламентом, добавилось бы истребление повстанцев в казармах Килиана и в других очагах сопротивления, и страшная память об этом навсегда лишила бы Надю народного доверия.

За полчаса до штурма Надя телеграфировал военному руководству, что уйдет в отставку, если штурм состоится. Этим он спас жизни нескольких сотен молодых венгров и открыл возможность мирного разрешения конфликта.

В ходе переговоров с военными Надя понял, что действовать надо решительно. Микоян и Сулов покинули венгерскую столицу, заверив Надю, что полностью ему доверяют. Тогда казалось, что и Кадар был с ним заодно.

В воскресенье утром последний раз собрался Центральный Комитет Венгерской партии трудящихся. Он принял ряд постановлений, которые имели целью стабилизировать положение. В одном из них говорилось, что несмотря на участие в восстании контрреволюционных элементов, его нельзя считать контрреволюцией, поскольку оно было действительно народным, демократическим движением. В этом постановлении признавалось, что главная причина восстания — преступления прежних руководителей партии и государства, а цели восставших — свобода, демократия и государственный суверенитет — единственно возможная основа социализма в Европе. Правительство, говорилось в постановлении ЦК, обязано удовлетворить законные требования народа.

Постановление ЦК призывало к немедленному прекращению военных действий. Обещалось, что за участие в восстании преследований не будет. Воинским частям предписывалось не стрелять, если они не подвергаются вооруженному нападению.

В этом же постановлении говорилось о необходимости создать новые вооруженные силы, которые опирались бы на рабочих и молодежь. Как только восстановится порядок, начнется организация национальной милиции, а прежняя политическая полиция должна быть распущена.

ЦК постановил также заменить советскую звезду на государственном флаге Венгрии эмблемой Кошута, а 15 марта — дату начала революции 1848 года — восстановить как национальный праздник. Как только будет создана новая милиция, правительство обещало добиться вывода советских войск из Будапешта. Оно обещало также начать переговоры с Советским Союзом о выводе с территории Венгрии всех советских войск.

Руководство партией Центральный Комитет постановил передать группе из шести человек - Анталу Апро, Каролу Кишу, Ференцу Миниху, Имре Надю и Золтану Санто. Главой этой груп-

пы был назначен Янош Кадар. Группе предоставлялись все полномочия до начала четвертого съезда партии, который предполагалось созвать в кратчайший срок.

* * *

В Будапештском университете собрались студенты, преподаватели и виднейшие представители интеллигенции. Они избрали Революционный совет венгерской интеллигенции. Среди его членов было много коммунистов и сторонников Надя. В свое время они открыто выступали против Ракоши, и их престиж был очень высок. Еще до восстания, работая в кружке Петефи, они много сделали для разоблачения позорного прошлого. Имена их были известны, и были основания рассчитывать, что народ к ним прислушается. Собрание в университете попыталось сформулировать программу, приемлемую и для Надя, и для народа.

В ней утверждалось:

— промышленностью в целом и каждым заводом в отдельности должны управлять свободно избранные Советы рабочих;

— должна быть обеспечена свободная инициатива в хозяйстве, отменены обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов государству;

— должна быть гарантирована полная свобода печати и собраний.

В программе также указывалось на желательность всеобщих выборов при тайном голосовании, но не на основе многопартийной системы, а путем выставления индивидуальных кандидатур.

Что же касается отношений между Венгрией и Советским Союзом, то программа настаивала на их немедленном пересмотре на основе полного равенства. Было выдвинуто требование публикации и пересмотра всех секретных торговых договоров, а также вывода с венгерской территории советских войск. Надя обещал гораздо меньше — вывести советские войска только из Будапешта. Но зато программа не предполагала отказа от Варшавского договора, чего настойчиво требовал народ.

В истории бывают времена, когда целые народы впадают в заблуждение. Это случилось тогда в Венгрии. Сообщение Надя о заключении перемирия и его обещание, что советские войска оставят столицу, возбудили всеобщий восторг. Отважные бор-

цы решили, что одержали не только моральную, но и военную победу. Хотя действительность совсем не располагала к этому, венгры повели себя как победители и принялись ультимативно диктовать свою волю. Как минимум, они соглашались на выплату советскими угнетателями репараций.

Пробудились провинции. Крупные провинциальные города превратились в самостоятельные политические центры. Разные провинции требовали не только немедленного вывода советских войск, но и денонсации Варшавского договора. Горняки хотели, чтобы Надя настоял на выводе советских войск непременно под белым флагом перемирия. Рабочие автомобильных мастерских Сомбахтея постановили не выходить на работу, пока с венгерской земли не уйдет последний советский солдат.

Положение обострилось еще более, когда народ принялся критиковать если не самого Надя, то состав его правительства. Говоря об "авторитете" своего правительства, Надя, скорее всего, обольщался. Но требования удалить из правительства людей, олицетворяющих сталинскую эпоху, были еще сравнительно скромны. Настаивая на таких переменах, Национальный комитет провинции Ваш говорил уже не о венгерском правительстве, а всего лишь о "правительстве Будапешта". А Совет рабочих и студентов провинции Боршод заявил о своем нежелании подчиняться правительству, которое "держится на иностранных штыках".

Особенно сложное положение создалось в Дьере. Радиостанция Дьера перешла в распоряжение революционеров еще раньше, чем будапештское радио. С самого начала восстания она принялась диктовать ультиматум за ультиматумом. В городе был создан временный Национальный совет, который возглавил Аттила Сигети, член Аграрной партии и депутат Государственного собрания. Его избрание не было случайным — Сигети был верным сторонником Надя. Кстати, именно он предложил Надю летом 1956 года выступить в парламенте с критикой Ракоши. Сигети старался держать события под контролем и обеспечить Надю массовую поддержку. Но его собственное положение с каждым днем становилось все более затруднительным. Коллеги Сигети по Национальному совету в присутствии западных журналистов требовали, чтобы он позвонил в Будапешт и справился о точной дате свободных выборов, которые, по их мнению, должны были состояться не позже чем через три месяца.

Они настаивали также на немедленном перемирии и эвакуации советских войск. Если же правительство откажется выполнить эти требования, десятки тысяч жителей Дьера намеревались двинуться в столицу, чтобы присоединиться к повстанцам...

Обстановка в Будапеште тоже накалялась. 26 октября по будапештскому радио транслировалось обращение его работников к народу. В обращении говорилось:

"Наши передачи 24 и 25 октября не отражали народных интересов. Они были оскорбительны для нашей национальной чести и памяти о павших. Редакторы, журналисты и техники радио отказываются сотрудничать с авторами, которые организуют или инспирируют такого рода передачи... Честные работники радио сделают все необходимое, чтобы впредь передачи были правдивыми. Следует назвать изменниками тех, кто, уподобляясь снайперам, расстрелявшим мирную демонстрацию в защиту демократии перед зданием парламента, ставит под угрозу само существование нашей родины".

После трансляции этого обращения правительство уволило с руководящих постов всех сталинистов, а по будапештскому радио был передан призыв:

"Не возобновлять работу, пока советские войска не уйдут из Венгрии!"

* * *

После краткого отсутствия вернулись из Москвы Микоян и Суслов. Они привезли подарок, который превзошел самые радужные надежды венгров - "Декларацию советского правительства об отношениях между социалистическими государствами".*

Начиналась она таким утверждением:

"... страны великого содружества социалистических наций могут строить свои взаимоотношения только на принципах полного равноправия, уважения территориальной

* Текст "Декларации" был напечатан в "Правде" 31 октября 1956 года. С некоторыми сокращениями она перепечатана в журнале "Проблемы Восточной Европы" № 1— Ред.

целостности, государственной независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга".

Мог ли Надь воспринять это заявление Москвы как-либо иначе, чем признание своей правоты? Оно соответствовало принципам, которые он сформулировал на десять месяцев ранее в полной изоляции, под постоянной угрозой ареста и гибели. Тогда считалась ересью идея, что одобренные в Бандунге пять принципов должны определять отношения не только между социалистическими и капиталистическими странами, но и социалистических стран между собой.

Казалось, советское правительство пересмотрело свою позицию. Декларация признавала, что в отношениях между социалистическими государствами были ошибки. Советские руководители заявили об этом недвусмысленно:

"в отношениях между социалистическими странами были нарушения и ошибки, которые умаляли принцип равноправия".

И разве буква этого документа, если не его дух, не совпадала с тем, что писал Надь:

"Тяжелое наследие сталинской эры, ее влияние и ее последствия должны быть в социалистическом лагере изжиты".

Казалось, Москва признала свою вину за события в Венгрии. Она больше не перекладывала ответственность за них на "фашистов" или "империалистов". Декларацию можно было понять так, что венгерские события явились следствием внешней политики самого Советского Союза.

Кроме того, Декларация содержала весьма важные сообщения. Советские войска будут выведены из Будапешта; Москва соглашалась даже на их эвакуацию со всей венгерской территории. В Кремле, очевидно, поняли, что тонущие в грязи венгерских дорог советские танки могут двигаться лишь в одном направлении — назад в СССР. Советское правительство, видимо, было готово посчитаться с реальностью, сохраняя при этом свой престиж и достоинство.

Казалось, советская декларация отдает должное Надю-теоретику и предоставляет свободу действий Надю-политику. Един-

ственным ее условием, единственным ограничением было требование сохранить в демократической Венгрии результаты социализации. Поэтому Надю надлежало сосредоточить свои усилия на упрочении аграрной реформы, национализированной промышленности и других социалистических начинаний. Задача нелегкая. Но дружеский жест Москвы значительно ее облегчал. Микоян и Сулов вели себя очень корректно и всячески обнадеживали Надю, советуя ему действовать спокойно и уверенно. В понедельник, 29 октября, маршал Жуков, отвечая журналистам на приеме в турецком посольстве в Москве, сказал:

"Положение в Венгрии улучшилось. Там сформировалось правительство, которому мы доверяем"...

* * *

...Первая неделя революции заслуживает быть названной "неделей нравственного величия". В разбитых витринах стояли нетронутыми редкие и дорогие товары. Вопреки утверждениям сталинистских радиостанций о "бандитах" и "грабителях", никто не прикасался к драгоценностям... На одном плакате было написано: "Так воруют венгры!", и эта надпись охраняла лучше, чем полиция. Были и другие витрины — пустые, но в них были вывешены уведомления, что "нижеперечисленные товары находятся у швейцара".

Однако позднее наряду с политическими заключенными из тюрем освободились уголовники. Кое-кому из них удалось обзавестись оружием. И только тогда начались вооруженные грабежи, нападения и другие акты насилия.

Большинство повстанцев все еще было вооружено. Военные действия почти прекратились, но некоторые использовали оружие в других целях — они мстили. Началась охота за агентами расформированной к тому времени тайной полиции. Ее сотрудники уже были в штатском или в простой полицейской форме без знаков отличия. Большинство из них не решалось появляться на улицах, они прятались в подвалах. Когда кого-нибудь из бывших агентов узнавали, это было равносильно концу. На одном из перекрестков висел труп — последствие линчевания.

Случалось и так, что гнев обрушивался на невиновных. Фанатики едва не убили солдат военно-воздушных сил и военных оркестров, на мундирах которых были синие нашивки, напомина-

ющие знаки отличия работников тайной полиции. Имели место и "народные суды", которые завершались линчеванием. Установить личность жертв этих "судов" и их действительную виновность было, конечно, невозможно.

Наиболее серьезный инцидент случился утром 30 октября на площади Республики. Там, напротив театра Эркеля, находился Будапештский городской комитет Венгерской партии трудящихся. 23 октября, во время первой демонстрации, туда был направлен отряд тайной полиции из 45 солдат, которые заняли позиции с целью охраны горкома. Большинству солдат было по 21-22 года, они попали в полицию по мобилизации. Это были новобранцы, которые не имели никакого отношения к зверствам этой ненавистной народу организации. Так вот, утром 30 октября к зданию горкома подъехал грузовик с продовольствием для солдат. Неподалеку у мясной лавки стояла длинная очередь, и было ясно, что всем мяса не хватит. В толпе распространился слух, что грузовик привез мясо для сотрудников тайной полиции. Эту новость тотчас же сообщили действовавшим в районе вооруженным повстанцам. Они незамедлительно бросились в атаку на здание горкома, охраняемое отрядом тайной полиции. Командовавшему отрядом лейтенанту удалось взять в плен вожака повстанцев. Он передал его секретарю будапештской партийной организации Имре Межо.

Ветеран гражданской войны в Испании, а затем участник французского Сопrotивления, Межо был честнейшим из партийных руководителей. Он был противником политики Ракоши, и поэтому не сделал карьеры. Вместе с Ежefом Коболом он выступил с письменным протестом, когда Надя удалили из партийного руководства. Еще до начала революции именно он предложил включить в венгерский календарь День национального траура в память казненного сталинистами Райка.

В то утро Межо вел переговоры с делегацией министерства обороны об организации вооруженной рабочей милиции для защиты, в случае необходимости, промышленных предприятий. Делегацию возглавляли полковники Ачталос и Папп.

Межо допросил переданного в его руки повстанца и понял из допроса, что нападение должно повториться. Он велел оставить пленного под стражей. Все это вместе взятое — и агенты тайной полиции внутри здания, и грузовик с продовольствием, и приезд двух офицеров, которых тоже приняли за принадлежа-

щих к тайной полиции, и арест одного из повстанцев - взбудоражило толпу. Горком был окружен, его пытались взять штурмом. Из здания отстреливались. Межо и его помощники телефонировали повсюду, ища поддержки. Телефон работал, но просьбы о помощи оказались тщетными. Ни премьер, ни другие руководители не располагали силами, которые защитили бы осажденных в здании партийного комитета.

Наконец, Министерство обороны послало три танка, чтобы разогнать толпу и прикрыть отступление защитников здания. Но когда они прибыли, повстанцы их окружили и убедили танкистов перейти на их сторону. Танковые орудия были направлены на обреченное здание.

Произошло нечто ужасное. Победители-повстанцы разгулялись вовсю. Случайно присутствовавшим иностранным корреспондентам удалось заснять на пленку жестокую расправу. Молодых новобранцев забили до смерти. Тяжело раненый Имре Межо скончался в больнице. Полковник Ачталос был убит. Зверски избитый Папп был повешен за ноги на дерево. Его облили бензином и подожгли.

* * *

После ухода советских войск из Будапешта и роспуска тайной полиции в городе осталось лишь незначительное количество венгерских солдат. В составе венгерских отрядов находились также студенты, на которых Надь мог полностью положиться. Но в этих же отрядах были и выпущенные из тюрем уголовники, и фашистские элементы. Поведение этой единственной вооруженной силы было непредсказуемо. Назрела насущная необходимость создать институты, способные поддержать и укрепить правопорядок, в первую очередь в самом Будапеште.

В решении этой задачи большую роль сыграл начальник будапештской полиции Шандор Копачи. В 1944 году, еще совсем молодым, он активно участвовал в борьбе против нацистских оккупационных войск. Воззрения Надь были ему близки. Копачи понимал, что восстание носит революционный характер, и самого начала волнений отказывался видеть в их участниках контрреволюционеров. Подчиненные Копачи полицейские во время вооруженных столкновений отказывались стрелять. Более того, многие из них отдали свое оружие повстанцам и этим заслужили даже некоторую популярность.

С 28 октября Копачи и его помощники занялись организацией новой милиции. Они старались привлечь в нее дисциплинированных повстанцев и солдат, которые не запятнали себя венгерской кровью. 30-го октября в главном штабе Народной Армии был создан Революционный совет, который декларировал, что "армия — на стороне народа, защищающего завоевания нашей славной революции".

Создание новой милиции, переход армии на сторону революции и поддержка правительства большинством революционных организаций обеспечили возможность создания дисциплинированной военной силы.

* * *

Декларация советского правительства от 30 октября призвала Надь защитить результаты социализации. Но разве многопартийная система им угрожала? Всего за полгода перед тем XX съезд КПСС признал право каждой страны избрать свой путь к социализму. Надь полагал, что именно многопартийная система может стать таким особым венгерским путем. Он надеялся достичь соглашения со всеми партиями на основе общего признания демократического венгерского варианта социализма.

Надь объявил по радио, что его правительство, при полном согласии Президиума Венгерской партии трудящихся, в целях дальнейшей демократизации отменяет однопартийную систему и постановляет, что страна должна вернуться к системе управления, которая основана на коалиционном сотрудничестве партий и которая начала складываться еще в 1945 году.

Микоян и Сулов полностью поддержали Надь. Они все еще находились в здании Центрального Комитета на улице Академии, и, разумеется, невозможно было бы принять это решение без их согласия. Микоян и Сулов соглашались с Надем и Кадаром и в том, что необходимо вывести советские войска из Будапешта, как было обещано в их заявлении от 30 октября. Они приступили к переговорам о полной эвакуации советских войск с территории Венгрии. На эти переговоры дал согласие и Хрущев.

Во вторник, 30 октября, около 5 часов дня Надь объявил венгерскому народу:

"Братья-венгры! По инициативе правительства эвакуация советских войск началась!"

Микоян и Суслов дружески совещались с венгерскими руководителями. С венгерской стороны переговоры вели Надь, Кадар и Тилди. Последний разъярил с полной откровенностью, что необходимо сделать: установить многопартийную систему, вывести советские войска из Венгрии и согласиться на выход Венгрии из организации Варшавского договора. Тилди утверждал, что осуществление этих условий — лучшее средство успокоить народ. Венгры, заверял Тилди, не намерены вести антисоветскую политику. Напротив, они хотят укрепить советско-венгерскую дружбу. Однако дружба должна держаться не на силе, а на взаимопонимании, не на подозрительности, а на доверии.

Микоян, со своей стороны, с этими доводами согласился. Он заявил, что советское правительство и он сам лично полностью доверяют венгерскому руководству. Совершенно очевидно, признал Микоян, что советское вмешательство лишь ухудшило положение. Что бы ни случилось, заверял он, советские войска в Венгрию не возвратятся. Москва обещала строго придерживаться своей декларации от 30 октября. Обсуждать детали советская делегация не хотела: теперь венгерские товарищи должны действовать как сочтут нужным. Единственная просьба Микояна — предотвратить реставрацию старого режима. А также - и это Микоян считал самым важным - Венгрия не должна превратиться в антисоветскую базу. Единодушие было полным. Сомневаться в искренности Микояна не было оснований.

* * *

В Венгрии имелись демократические традиции, но подлинно демократической системы управления никогда не было. Во время революции 1848-49 гг. венгерский народ был так изнурен борьбой, что у него не хватало энергии укоренить демократические институты. В последующий период (1848-1918) страна была европеизирована. Однако полукOLONиальное положение Венгрии и господство феодальных устоев сказывалось на всем, начиная с парламента и кончая общественными организациями. Революция 1918 года длилась всего несколько месяцев, а пришедший ей на смену режим Хорти постарался, чтобы революция прочно ассоциировалась в общественном сознании с диктатурой Бела Куна 1919 года.

При Хорти (1919-1944) в стране существовал парламент, в котором была даже оппозиционная партия, и относительная свобода печати и слова. Но сохранялись крупные поместья, крестьяне не имели земли, положение рабочих было совершенно бесправным, в стране насчитывалось 3 миллиона бедняков. Шовинизм и расовые предрассудки тормозили развитие Венгрии, породив в конечном счете фашизм 40-х годов.

После 1945 года возможности демократического развития были сильно ограничены советской оккупацией. Затем утвердился диктаторский режим Ракоши и Гере. Но несмотря на то, что коммунистическая партия и даже само слово "социализм" были дискредитированы, в 1956 году не нашлось бы ни одного здравомыслящего политика, которому пришло бы в голову агитировать рабочих и крестьян, чтобы они вернули "свои" фабрики и землю прежним собственникам. Крестьяне, которых долгие годы донимали реквизициями в пользу государства, часто полностью лишая продовольственных запасов, и которые пережили насильственную коллективизацию, хотели только одного — стать действительными собственниками обрабатываемой ими земли, мирно и спокойно трудиться. А рабочие добивались передачи предприятий в подлинно групповую собственность.

Следовало приблизить социально-политическую структуру Венгрии к таким государствам как Австрия, Швеция или Финляндия (это относилось и к области прав человека, и к международному статусу страны, к обеспечению ее национальной и государственной независимости).

Однако было неясно, возможно ли без конфликтов и катастроф соединить в одном обществе политические и экономические характеристики разных систем, действуя то путем предоставления займов, то путем политического давления, то, наконец, обоими этими способами одновременно. Также было неясно, насколько устойчивой окажется новая государственная структура перед иностранными влияниями. Как говорят венгры, все это было "музыкой будущего". Но не вызывало сомнения, что обновленная Венгрия может стать одним из самых интересных государств современного переменчивого мира.

Мог ли в Венгрии 1956 года возродиться фашизм?

Нет нужды отрицать, что фашизм пустил в Венгрии глубокие корни, и его ростки начали проступать в дни революции. Хор-

тисты часто хвастали, что первой в мире фашистской страной была вовсе не Германия, и даже не Италия, а Венгрия - еще с 1919 года. В стране оставались бывшие члены фашистских организаций и поклонники фашистских идей. Конечно, какая-то часть эмигрировала, но некоторые продолжали жить на родине, а кое-кто возвратился в дни революции. Фашисты восприняли провал коммунистов как подтверждение правильности своего антибольшевизма. Десятилетний советский гнет необычайно обострил венгерский национализм. Двадцать пять лет антисемитизм был официальной политикой хортистов, достигнув кульминации при истреблении венгерских евреев в газовых камерах концентрационных лагерей. А тот факт, что при диктатуре Ракоши — Гере большинство руководителей оказалось еврейского происхождения, содействовал не только сохранению, но и росту антисемитских настроений. Сам Ракоши и другие близкие ему партийные вожди-евреи были так озабочены сокрытием своего еврейства, что не отваживались бороться с антисемитизмом.

И все же можно определенно утверждать, что серьезной опасности возрождения фашизма в Венгрии не было — хотя бы потому, что он потерпел поражение во всем мире. Прежде он захватил венгров только потому, что процветал в Западной Европе. Большинство венгров фашизму не сочувствовало. Они стремились догнать демократический Запад. Народ мечтал о большей свободе и лучшей жизни. Меньше всего хотела Венгрия менять одну диктатуру на другую. Она была по горло сыта ими после тридцатилетнего опыта. Способные видеть и анализировать понимали, что огромная симпатия, с которой была встречена венгерская революция во всем мире, исчезнет немедленно, если в ней возобладают фашистские тенденции. Это было ясно даже тем, кто стоял на крайнем правом фланге. Если страна рассчитывала на моральную и материальную помощь Запада, ей надлежало избрать путь демократии.

Сам Надь был особенно озабочен будущим коммунистической партии, то есть Венгерской партии трудящихся.

Фактически эта партия прекратила свое существование. Перестал выходить ее главный печатный орган. Большинство ее помещений было разорено толпой. Коммунисты сжигали свои партийные билеты. На одной из улиц Будапешта можно было видеть прикрепленный к стене партбилет. Рядом его бывший обладатель написал:

"Удостоверение о моей узколобости. В назидание людям".

Объяснить, что не все коммунисты виноваты перед народом, было невозможно. Единственным выходом представлялось создание новой партии. С этим согласился и Кадар. Он был готов, видимо, идти даже дальше, как это вытекает из его интервью с итальянским журналистом.

"Какой коммунизм вы отстаиваете, господин Кадар?" — спросил итальянец.

"Новый коммунизм, - последовал ответ Кадара. - Коммунизм, который родился из революции и не имеет ничего общего с кликой Ракоши - Гере".

"Будет ли этот новый коммунизм подобен югославскому или польскому?"

"Он будет венгерским, - сказал Кадар. - Это будет еще один - третий — тип коммунизма, не похожий ни на титоизм, ни на коммунизм Гомулки".

"Каков же он будет?"

"Это будет марксизм-ленинизм, приспособленный к особенностям нашей страны. Он не будет инспирирован ни Советским Союзом, ни кем-либо еще. Повторяю, это - венгерский национальный коммунизм. Он явится детищем нашей революции, при которой, как вы знаете, многие честные коммунисты сражались бок о бок со студентами и рабочими".

"Верно ли предполагать, что ваш новый коммунизм будет сочетаться с демократией?"

"При нашем коммунизме будет оппозиция, а диктатуры не будет. Голос оппозиции будет важен потому, что наш коммунизм должен представлять венгров, а не интересы международного коммунистического движения".

Надь никогда бы не решился высказать то, что сказал Кадар...

Можно было предвидеть, что при свободных выборах партия получит в лучшем случае 6-8% голосов. Но все-таки с ней пришлось бы считаться. Венгерское коммунистическое движение не было исключительно сталинистским. Оно не исчерпывалось террором, угнетением и вероломством. Честность и смелость, свободолюбие и патриотизм — его неотъемлемые особенности. Не будь этих черт, не было бы и революции 1956 года.

Почему революция разразилась именно в Венгрии? Может быть, из-за низкого уровня жизни? Но жизненный уровень в Румынии и Болгарии был еще ниже. Может быть, потому, что были оскорблены национальные чувства венгров? Но то же самое было и в других странах Восточной Европы. Советские войска стояли и в Румынии, и в Польше. Может быть, из-за кровавых чисток? Но процессы Сланского в Чехословакии и Костова в Болгарии были не лучше расправы с Райком. Из-за раболепства, тупости и преступности венгерских вождей? Но Червенков в Болгарии вел себя не менее лакейски, Георгиу Деж был не умнее, а Энвер Ходжа в Албании — не меньший преступник, чем Ракоши и Гере. Может быть, в силу традиционных связей Венгрии с Западом? Но эти связи значительно сильнее в Чехословакии. Может быть, потому, что Венгрия — не славянская страна? Но Албания и Румыния — тоже не славянские страны, а славянская Югославия порвала с Советским Союзом на несколько лет раньше. Может быть, венгерские события стимулировались примером югославского соседа? Но Югославия имела общую границу с тремя другими странами, в которых правили коммунисты. Может быть, потому, что у Венгрии было фашистское прошлое? Но прошлое Восточной Германии было таким же.

Каждый из перечисленных фактов сыграл какую-то роль. Но был один — только венгерский, и он оказался решающим. Только в Венгрии в рядах самой компартии развивалось два взаимоисключающих течения. Этому способствовала упорная борьба Надя против Ракоши и еще то, что при однопартийной системе инициатива принадлежала только членам компартии. Борьба части коммунистов с режимом Ракоши укрепила их нравственный авторитет в народе. В будущей политической борьбе при многопартийной системе этим не следовало пренебрегать.

* * *

Первые сообщения о переходе границы советской армией и о продвижении ее вглубь страны достигли столицы в среду вечером. Надь было подумал, что речь идет о маневре, связанном с отходом советских частей из Венгрии. Но уже в четверг утром сообщения стали вполне определенными. Транспортные служащие и железнодорожные рабочие телефонировали о широком потоке советских танков и транспортеров, который хлынул назад.

Но во времена сумятицы одни сообщения опровергают другие, и не сразу можно разобраться в том, что же происходит на самом деле. Можно было предполагать, что меры были приняты еще до прилета Микояна в Москву и не отражали новой политической ситуации: ведь нужно время, чтобы повернуть огромную военную машину. Микоян по каким-то непонятным причинам не давал о себе знать. Москва хранила молчание. Кремль затаился.

Вся страна настаивала, чтобы Венгрия объявила себя нейтральной страной. Делегации рабочих, одна за другой, шли к Надю с этим требованием. Надь вызвал советского посла Юрия Андропова и потребовал объяснений. Почему советское правительство отступило от своей же декларации?

Посол ответил, что не располагает точными сведениями, и выразил готовность запросить свое правительство. Он добавил, что обратные передвижения совершенно естественны. Они нужны во избежание инцидентов при отходе. Если бронированные автомобили окружили аэродром, то только для обеспечения безопасности при эвакуации раненых офицеров и солдат, а также членов семей военнослужащих. Ничего другого эти меры не означают.

Надь засомневался, не разыгрывает ли Андропов дурака. Но положение было слишком серьезным. А посол просто врал. В бытность свою в Москве Надь мог не раз наблюдать такого сорта поведение. Если Кремль не считал нужным дать ему хоть сколько-нибудь убедительное объяснение происходящего, это значило, что с Надем больше не считались. Однако еще вчера Надь видел, что советское руководство его поддерживает, еще вчера ему казалось, что в Москве его считают другом.

* * *

За полтора года перед этими событиями, когда его сняли с поста премьера, Надь дал себе клятву никогда впредь не доверять кремлевским вождям. И вот они провели его снова.

Это было наглым нарушением принципов, торжественно сформулированных в советской декларации всего несколько дней назад: "полное равенство прав"; "уважение независимости и суверенитета государств"; уважение территориальной неприкосновенности"; "невмешательство во внутренние дела других государств". Слова, слова, слова. Третьего дня все это было напечатано в "Правде", а теперь растоптано...

"Решения XX съезда, их историческое значение..." — с XX съездом тоже было покончено.

Надь попросил, чтобы Андропов запросил из Москвы разъяснения и передал туда его протест. Даже если хоть один шанс из ста был за то, что случилось недоразумение, Надь не хотел им пренебрегать. С военной точки зрения, положение было безысходным. Надеяться на военную помощь из-за рубежа не приходилось. Надь был достаточно реалистом, чтобы понимать бесцельность просьб о такой помощи. На его вопрос Андропову, почему Советский Союз не выполнил своего торжественного обещания не посылать в Венгрию войска, тот просто промолчал.

Что оставалось делать? Надь созвал Исполнительный Комитет компартии. В заседании участвовали Кадар, Миних, Лукач, Санто, Лошончи, Апро и Киш. Все сошлись на том, что Советский Союз фактически нарушил свои обязательства по отношению к Венгрии, вытекающие из Варшавского договора, а потому премьеру надлежит провозгласить Венгрию нейтральной страной.

Президент Венгрии Иштван Доби одобрил это решение Исполнительного Комитета. Ведь и Варшавский договор, и соглашение Надя с Микояном Советским Союзом пограны, поскольку советские войска — снова на венгерской земле.

Первую советскую интервенцию можно было оправдать просьбой о помощи со стороны венгерского правительства. Но вторая? — Теперь законное венгерское правительство протестовало против интервенции. Согласно советской Декларации от 30 октября,

"размещение войск того или иного государства — участника Варшавского договора производится по договоренности между всеми его участниками и только с согласия того государства, на территории которого по его просьбе размещены или имеется в виду разместить эти войска".

Но было ли получено согласие всех государств — участников Варшавского договора, чтобы волны танков затопили венгерские дороги? Или, может быть, сама Венгрия согласилась на прибытие советских войск? Или она вызывала их? Советский Союз превратил свою же Декларацию в грязный клочок бумаги! И все же Совет министров Венгрии предпринял еще одну попытку. Члены венгерского правительства собрались специально,

чтобы выслушать объяснения советского посла. Встреча была напряженной и мучительной. Андропов выглядел как бы невыспавшимся. Он силился умалить военную угрозу. "Говорить о массовом вторжении советских войск - преувеличение", - уверял он. Просто одни части заменяются другими. Ничего существенного не случилось.

Более десяти лет назад Надь, будучи тогда министром сельского хозяйства, заявил официальный протест по поводу истребления советскими солдатами фруктовых деревьев. Теперь была под угрозой судьба Венгрии. Надь, единственный коммунист, который решался говорить правду Ворошилову, говорил теперь Андропову, что у правительства Венгрии имеются достоверные сведения о свежих советских воинских частях, перешедших венгерскую границу. Надь потребовал их увода. Надь сообщил также Андропову, что Венгрия решила выйти из Организации Варшавского договора и стать нейтральной. Правительство обратится в Организацию Объединенных Наций с ходатайством защитить нейтралитет Венгрии.

Андропов обещал немедленно запросить ответ Москвы.

О решении правительства Надя были уведомлены главы всех дипломатических миссий в Будапеште. Надь направил телеграмму Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций Хаммершельду. Он информировал его о создавшемся положении и просил включить венгерский вопрос в повестку дня начинавшейся XI сессии Генеральной Ассамблеи. Гейзе Лошончи было поручено встретиться с аккредитованными в Будапеште представителями иностранной печати.

Будапештское радио передало обращение Надя к народу:

"С чувством глубокой ответственности перед венгерским народом и историей, в соответствии с желанием миллионов венгров, правительство провозглашает нейтралитет Венгерской Народной Республики! Венгерский народ готов поддерживать самые лучшие отношения со своими соседями, с Советским Союзом и с другими государствами мира на основе независимости и равенства, в духе Устава Организации Объединенных Наций.

Венгерский народ будет и в дальнейшем укреплять и развивать достижения своей национальной революции, не присоединяясь ни к какому блоку. Вековые мечты вен-

герского народа осуществились. Революционная борьба венгров в прошлом и ныне за свободу и независимость завершилась победой. Опыт этой героической борьбы побудил Венгрию пересмотреть свои отношения с другими странами, понять, что ее жизненные государственные интересы — в нейтралитете. Мы призываем наших соседей, ближние к нам и дальние государства, уважать решение нашего народа".

* * *

Нет оснований полагать, что Микоян был неискренен, когда договаривался с Надем, Кадаром и Тилди о выводе из Венгрии советских войск и соглашался на ее выход из Организации Варшавского договора. Но приехавший с соответствующими полномочиями Микоян, вероятно, не знал, что в его отсутствие Москва изменила свою точку зрения. Достигнутые в Будапеште соглашения были отменены Постановлением Президиума Верховного Совета СССР за несколько часов до возвращения Микояна в Москву.

Верховный Совет СССР является, по конституции, высшим органом власти, и он вынес решение не допускать откола Венгрии от социалистического лагеря. Советское руководство принялось действовать в направлении, диаметрально противоположном одобренному за двое суток перед тем. Этот поворот невозможно объяснить ни опрометчивостью, ни идеологической догмой, хотя в какой-то мере имело место и то, и другое. У кремлевских руководителей не было заранее выработанной твердой политической концепции на такой непредвиденный случай. Но у них был здравый смысл, и вряд ли им доставляло удовольствие сознавать, что весь мир станет свидетелем той легкости, с которой они нарушают свои же дипломатические и партийные обязательства.

Крутой поворот советской политики ошибочно было бы объяснять какой-либо одной причиной. На первом месте тут следует поставить интересы советской империи. За исключением Берию, с которым уже покончили, и Маленкова, который некоторое время поддерживал Берию, все советские руководители стояли за сохранение целостности этого сталинского наследия. К тому же международная обстановка в тот момент не только не

препятствовала новому повороту советского курса, но, скорее, ему благоприятствовала. Нападение на Суэц глубоко потрясло и Запад и Азию. Хотя англо-франко-израильские действия могли быть оправданы, создавалось впечатление, что Великобритания и ее союзники намеренно воспользовались событиями в Венгрии, чтобы достичь своих целей на Ближнем Востоке.

Советские руководители получили, в свою очередь, возможность извлечь выгоду из этих обстоятельств. Как было не воспользоваться замешательством, которое вызвал суэцкий конфликт, когда он целиком поглотил внимание генеральной Ассамблеи, вынудив ее срочно обсуждать ситуацию на Ближнем Востоке! К тому же Суэцкая кампания породила разлад между странами Запада: французы и англичане настаивали на интервенции, а Соединенные Штаты — на мирном решении конфликта. Можно ли было мечтать о лучших условиях для советской оккупации Венгрии?

И, наконец, большим подарком для Москвы была как раз в это время протекавшая в Соединенных Штатах предвыборная кампания.

Вызванные венгерскими событиями осложнения были явно на руку части кремлевского руководства. Группа Молотова — Кагановича указывала на них, а также на польские события как на подтверждение правильности своей позиции, противоположной позиции Хрущева. Они получили возможность утверждать, что венгерская революция — прямое следствие XX съезда КПСС, "еретической", "либеральной" тактики Хрущева. "Венгерская контрреволюция" не случилась бы, если бы Ракоши не выпустил страну из ежовых рукавиц. Сталинисты нашли ценное для них доказательство, что политика Хрущева ослабила советскую империю и "лила воду на мельницу" империалистов.

Защищаясь, Хрущев говорил, что венгерские события — прямой результат политики Сталина и его сподвижников, что они виновны в подрыве авторитета прежнего режима, они довели народ до восстания против власти и тех, кто ее осуществлял.

Впрочем, в тот момент Хрущеву было не до идеологических и моральных дискуссий. Ему приходилось думать прежде всего о собственном положении в политбюро. Он понимал, что оно пошатнулось, и нужно заново захватывать инициативу. Ему необходимо было опровергнуть молотовское обвинение в "либера-

лизме", продемонстрировать, что он не меньше других дорожит целостностью империи, что он способен расправиться с инакомыслием и отразить "происки империализма". Короче говоря, первой заботой Хрущева было предотвращение консолидации враждебной ему коалиции — сторонников Молотова и военных. Он торопился выступить как надежный представитель генералитета, а потому даже решительнее, чем другие, настаивал на интервенции. Колебаться было некогда, ибо на карту было поставлено его будущее, а, может быть, и его жизнь.

Не было времени раздумывать о том, что новое решение противоречило недавней декларации советского правительства и основным принципам марксизма-ленинизма. Не имело значения, что у всех были свежи в памяти слова Маркса, что не может быть свободным народ, угнетающий другие народы, как и рассуждения Ленина, что ничего плохого не случится, если от России отделятся Финляндия, Польша или Украина, что думающие иначе — шовинисты.

* * *

Численность советских войск на венгерской земле продолжала расти. Однако Надь запретил оказывать им вооруженное сопротивление. Когда советские танки стали окружать аэродромы, венгерские солдаты хотели вступить в бой, но последовал приказ не стрелять.

Была получена нота Юрия Андропова. Советский посол уведомлял венгерское правительство, что демонстранты грозят нападением на советское посольство и что если венгерские власти не могут обеспечить порядок, необходимо просить помощи советских войск.

Надь вызвал к телефону Бела Кираи, которому была поручена оборона Будапешта, и предложил ему немедленно отправиться к советскому посольству, чтобы урегулировать положение. Надь не хотел давать Москве даже ничтожного повода для оправдания интервенции.

Примерно через час из советского посольства была получена вторая нота. Москва соглашалась на создание смешанной комиссии для обсуждения вопроса об отводе советских войск. В ноте сообщалось, что на следующее утро в венгерский парламент

прибудет с этой целью советская делегация во главе с генералом Малининым.

Генерал Кираи телефонировал из советского посольства, что, когда он прибыл туда с моторизованной пехотой и броневиками, у здания не было ни одного демонстранта. Кираи беседовал с послом СССР, и они вместе признали инцидент исчерпанным.

В ночь на 1 ноября два венгерских журналиста под проливным дождем прибыли на аэродром в Матиашфолде. Вместе с национальным гвардейцем они подошли к советскому лагерю. Несколько солдат несли воду к дому, перед которым стоял броневик. Они выглядели усталыми и апатичными. Впоследствии журналисты опубликовали свою беседу с солдатами советской армии на окраине венгерской столицы.

— Откуда вы приехали? — спросили мы.

— Из Темешвара (румунский город около венгерской границы — Ред.), — ответил один из них.

— А что вы тут делаете?

— Нам сказали, что на Венгрию напали немецкие фашисты, и мы должны защищать ее.

В субботу было сформировано новое правительство. Коммунисты и социал-демократы имели в нем по три министерских места, крестьянская партия Петефи получила два министерских портфеля. Революционные вооруженные силы тоже имели своего представителя.

За последние десять лет ни одно венгерское правительство не пользовалось таким доверием, как это. Оно составилось из комбинации разных направлений - как левых, так и правых. Но ни правительство в целом, ни кто-либо из его министров никоим образом не посягал на "завоевания социализма".

Организация национальной гвардии заметно укрепила порядок и общественную безопасность. Революционный комитет по поддержанию порядка назначил генерала Бела Кираи начальником национальной гвардии, а его помощником — Шандора Копачи, который служил прежде в полиции в чине полковника. Город патрулировали смешанные подразделения гвардейцев и полицейских. Они проверяли документы у автомобилистов и пешеходов, отбирали оружие у тех, кто не принадлежал к гвардии или полиции. Таким образом порядок и безопасность были по-

чти полностью восстановлены. Имелось и еще одно убедительное свидетельство укрепления авторитета правительства. Бывшим агентам тайной полиции было предложено сдать власть. Их заверили, что после проверки все невиновные в зверствах получат свободу. Началась регистрация. Никто больше не трогал людей, за которыми еще два дня назад на улицах Будапешта шла жестокая охота. В субботу на регистрацию явилось столько народу, что большинству было предложено возвратиться домой и прийти в понедельник. Успешно проходила и реорганизация компартии. Новый партийный орган "Непсабадшаг" беспрепятственно продавался в тех же кварталах, где прежде жгли "Сабад Неп". В передовице новой газеты было напечатано объявление:

"Желающие вступить в партию должны знать, что членский билет не обеспечит им важный пост или высокое положение. Никаких привилегий у них не будет. Перед нами стоят сложные задачи, предстоит трудная и неблагодарная работа. Впереди суровое будущее - без почестей и верховенства, искусственно поддерживаемого штыками. Мы много потеряли, но зато восстановили честь социализма".

Венгерские руководители старались убедить Советский Союз, что новая Венгрия ему не враг, что, наоборот, ее дружба надежнее, чем при Ракоши.

Министр без портфеля Ференц Фаркаш заявил по радио:

"Добившись признания нашего нейтралитета, мы будем поддерживать искренние и дружеские отношения со всеми социалистическими странами, как в экономике, так и в культуре".

По радио выступил кардинал Миндсенти.

"Даже в нашем трудном положении, - сказал глава венгерской католической церкви, — мы надеемся не иметь врагов, так как ни к кому не испытываем вражды. Мы хотим жить в мире с народами всех стран..."

Наше будущее зависит от решения советской империи, войска которой находятся на нашей территории. Радио сообщает, что численность советских солдат в Венгрии возросла. Но мы заявили о своем нейтралитете. Мы не даем никакого повода для кровопролития. Неужели вожди со-

ветской империи не понимают, что наше отношение к советскому народу улучшится, если нас перестанут притеснять? Нападают только на врагов. Мы же не воюем с Советским Союзом, а потому надеемся, что советские воинские подразделения уйдут из нашей страны".

В эти трагические часы правительство и народ Венгрии были едины. Жители города и деревни пытались внушить советским солдатам, что венгры им не враги. Радио города Печ обращалось к советским солдатам:

"Враги венгерского народа распространяют слухи о контрреволюции в Венгрии, о том, будто власть захватили фашисты и реакционеры, которые стремятся восстановить ненавистный народу старый режим. Этим объясняют ваше прибытие сюда..."

Но это — ложь. Власть находится в руках венгерского народа. Мы хотим, чтобы Венгрия стала свободной, независимой и демократической страной. Мы не намерены снова сажать себе на шею банкиров и аристократию, но мы не желаем больше подчиняться и сталинистской клике Ракоши, которая ограбила нашу страну, причинила нам страдания, ввергла в нужду... Вы — советские граждане. Живите, как сочтете нужным. А нам, венграм, не мешайте устроить нашу жизнь в нашей стране, как мы хотим. Двенадцать лет назад вы принесли нам свободу, и мы вам благодарны за это. Но зачем вы лишаете нас этой свободы сегодня? Мы хотим жить в мире с вами и с другими народами. Наш народ долго страдал. Возвращайтесь домой, не мешайте нам жить спокойно и мирно".

Такие призывы слышались отовсюду.

Финалом совместных усилий народа и правительства явилась поездка военной делегации, в состав которой вошли Ференц Эрдеи, генералы Пол Малетер и Иштван Ковач и полковник Миклош Суч, в маленький поселок Токол на острове Чепель, где располагалась главная ставка советских войск. Делегацию приняли генералы Малинин, Степанов и Чербанин. Переговоры начались в субботу, 3 ноября, около 10 часов вечера.

Получив сообщение о возобновлении венгро-советских переговоров, Совет Безопасности Организации Объединенных Наций,

который в ту же субботу вечером приступил к дискуссии о положении Венгрии, единогласно постановил отложить обсуждение до понедельника. Многие делегаты, правда, высказывали сомнение в доброжелательности Москвы и искренности ее намерений. Однако представитель СССР в ООН Соболев заверил Совет Безопасности, что переговоры возобновились. Это подтвердили представители Венгрии и Югославии.

Генерал Малетер сообщил в Будапешт генералу Кираи, что переговоры в Токоле ведутся в мирной и даже дружеской обстановке. До полуночи делегация поддерживала связь с членами венгерского правительства, которые собрались в здании парламента. Надь тоже был там, чтобы следить за ходом переговоров.

В полночь связь прервалась. В комнату, где велись переговоры, в сопровождении вооруженной охраны вошел незнакомый человек в штатском. Это был генерал Иван Серов, руководитель советских органов безопасности. Он объявил, что члены венгерской делегации арестованы. Советский генерал Малинин решительно протестовал и даже выругался, но Серов отвел его в сторону и пошептал что-то на ухо. После этого Малинин приказал советской делегации покинуть помещение и, явно потрясенный, вышел сам.

В истории Венгрии уже был подобный случай. В 1544 году турецкий султан Сулейман пригласил к ужину венгерского дворянина Балинта Торока. Во время пират Торок заподозрил неладное и захотел вернуться домой. Султан, однако, настаивал, чтобы гость остался. "Вы ведь еще не отведали черного супа", — говорил султан. Под "черным супом" он подразумевал кофе. Когда же кофе был подан, янычары султана напали на Торока и надели на него кандалы. С тех пор "черный суп" стал у венгров синонимом коварства.

* * *

В эту субботу Надь заночевал в здании парламента. Около четырех утра его разбудили сообщением, что советские войска атаковали Будапешт. О Малетере и других членах военной делегации известий не было. Телефон советской ставки не отвечал.

Около половины шестого Надь выступил по радио:

"Сегодня на рассвете советская армия начала наступление на венгерскую столицу с явным намерением низложить законное демократическое правительство Венгрии.

Наши войска действуют.

Правительство остается на своем посту.

Я оповещаю об этом народ нашей страны и весь мир".

Во время выступления Надь уже слышался отдаленный грохот артиллерии и треск пулеметов.

Несколько минут спустя радио передало приказ министру обороны Палу Малетеру и начальнику генерального штаба Иштвану Ковачу немедленно вернуться, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей. А еще через несколько минут было передано следующее сообщение:

"Венгерское правительство предлагает советским солдатам и офицерам прекратить огонь, избежать кровопролития. Русские - наши друзья и останутся нашими друзьями в будущем".

Но никто уже не обольщался иллюзиями, что эти призывы найдут отклик.

Около 6 часов утра Надю стало известно, что сформировано оппозиционное правительство во главе с Яношем Кадаром. Эта новость была для него большим ударом, чем известие о советском вторжении. Накануне сам Надь настоял, чтобы Кадар включили в правительство. Он мог еще допустить, что Кадар бежал, потому что струсил, но не мог поверить, что тот сознательно изменил своей стране и ему, Надю. "Кто предан коммунистическому идеалу, тот верит в будущее", — писал Кадар. Но все-таки в будущее, а не в советские танки? Как удалось уговорить его так поступить?

Телефон сообщил, что советские танки приближаются к зданию парламента. Все было кончено...

Не удивительно, что Надь потерпел неудачу. Он хотел невозможного. Он хотел остаться человеком среди чудовищ, остаться венгром. Он хотел быть подлинным коммунистом и настоящим патриотом одновременно, а это невыполнимо.

Честный венгр и истинный друг Москвы! Его предали те, ради кого Надь рисковал жизнью, его обманули кремлевские вожди, которым он верил, которым он - надо это признать - служил.

Не он им изменил — они его бросили. Его раздавили люди, интересы которых были ему дороже своих собственных, которым он доверился даже после того, как они обманули его. Теперь он оказался в западне.

Такова была награда за сорокалетний партийный стаж, за подорванное тюрьмами здоровье, за преданность идее, вплоть до жертвования своей честью. Катившие по улицам Пешта советские танки приближались, чтобы его раздавить. Но несмотря на то, что случилось, имя Надя навсегда останется символом борьбы за свободу Венгрии.

... Танки приближались. Вместе с ближайшими помощниками-коммунистами, которым теперь более других грозила месть советских руководителей, Надя сел в машину и направился в югославское посольство, чтобы просить политическое убежище.

Надь и его соратники хотели остаться в Венгрии и участвовать в восстановлении нормальной жизни в стране. Но они намеревались заручиться гарантиями личной безопасности. Если бы это не удалось, они предпочитали уехать в Югославию — страну с коммунистическим правительством, не подвластную Советскому Союзу.

21 ноября Кадар в письме югославскому правительству подтвердил свои неоднократные устные заявления, что он "не намерен расправляться с Надем и его окружением за их прошлую деятельность". Он добавлял:

"Я подтверждаю, что эти люди не нуждаются в политическом убежище. Они могут покинуть югославское посольство и вернуться к себе домой".

Получив эти письменные заверения, Надь и его друзья решили разойтись по домам.

Неизвестно, верил ли Надь Кадару. Покинуть югославское посольство его вынуждало и то обстоятельство, что ему стало не очень удобно там оставаться. 11 ноября, через семь дней после предоставления Надю убежища в посольстве, маршал Тито посетил далматский порт Пула и выступил там в Доме Народной армии с речью, в которой содержались выпады против Надя и оправдания Кадара. После этого чувство собственного достоинства не позволило бы Надю продолжать пользоваться югославским гостеприимством, если был хотя бы один шанс из ста остаться в родной Венгрии.

Эту надежду укрепили и полученные от Кадара гарантии безопасности.

23 ноября в 6.30 вечера Надь и его друзья вышли из посольства, поблагодарив югославское правительство за помощь и предоставление убежища. Все они известили родственников и близких по телефону, что скоро будут дома. Заместитель Кадара Ференц Миних выслал за ними автобус.

Около посольства стояли советские броневики. В этом не виделось ничего тревожного, так как посольство находилось под постоянным наблюдением с 4 ноября. Едва ли Надю было известно, что людей, пытавшихся навестить его в посольстве, попросту арестовывали. В автобусе, который пришел за Надем и его друзьями, находились офицеры советского МВД.

Когда Имре Надь вошел, кто-то — кажется, шофер, — прошептал: "Товарищ Надь, вас привезут не туда, куда обещали". Надь тотчас же вышел из автобуса. За ним последовали его спутники. По настоянию Надя вышли и советские офицеры.

Югославский посол распорядился, чтобы двое сотрудников посольства поехали с Надем и его спутниками. Но как только автобус отъехал, в него вскочил офицер МВД. Миновав, не останавливаясь, дом Надя, шофер затормозил перед зданием, где помещалось советское военное командование. Вышедший оттуда советский подполковник предложил пассажирам следовать за ним. Югославские дипломаты отказались подчиниться, но их вытащили силой вместе с Надем и остальными.

Югославские дипломаты протестовали и подчеркивали, что нарушается соглашение, достигнутое между их и венгерским правительствами, но советский подполковник ответил, что он ничего об этом соглашении не знает и подчиняется приказам своего начальства.

В 8 часов вечера в тот же день по будапештскому радио было передано следующее сообщение:

"Как известно, бывший глава правительства Имре Надь и несколько его сторонников 4 ноября обратились в югославское посольство с просьбой о предоставлении им убежища. Имре Надь и сопровождавшие его лица обратились к венгерскому правительству за разрешением на их выезд из Венгрии в какую-либо другую социалистическую страну. Право на убежище в югославском посольстве истекало

22 ноября. С разрешения венгерского правительства Имре Надь и другие выехали 23 ноября из Венгрии в Румынию".

Этому сообщению не мог поверить никто, и меньше всего — его авторы. Югославия немедленно заявила протест, в котором говорилось, что Надь не имел намерения покинуть Венгрию, что он и члены его кабинета "во время своего пребывания в югославском посольстве... отклонили предложение выехать в Румынию". Ответ правительства Кадара на эту ноту последовал только 1 декабря. В нем утверждалось, что дело Надя касается только Венгрии, а югославскому правительству предлагалось считать инцидент исчерпанным.

Чтобы рассеять беспокойство за судьбу Надя, Кадар сам выступил по радио.

"Мы не собираемся судить Надя и его сторонников за их прошлую деятельность, — сказал Кадар. — Наши обязательства мы выполним. Мы не считаем их отъезд окончательным, но Надю и другим лучше на время покинуть венгерскую землю".

Однако не прошло и четырех недель, как Надя и его сторонников назвали "изменниками".

Центральный комитет Венгерской партии трудящихся, который еще в декабре 1956 года, осуждая поведение Надя во время революции, все же признавал его заслуги в непосредственно предшествовавший ей период, сделал 27 февраля 1957 года заявление, согласно которому Надь и его сторонники "до 23 октября были авангардом революции, а после 4 ноября оказались в ее арьергарде". Аналогичное заявление было опубликовано советским правительством.

Ходили слухи, что Надя видели в коридоре тюрьмы на улице Фо, когда его вели на допрос. Было ясно, что его судьба целиком зависит от его советских тюремщиков.

В ноябре 1957 года многие участники движения интеллигенции, вызвавшего венгерскую революцию, были преданы суду и приговорены к длительным срокам заключения.

* * *

Осенью 1957 года в Москву на празднование годовщины Октябрьской революции съехались представители коммунистиче-

ских партий всего мира. Хрущев был тогда на вершине своей славы. Подавление революции в Венгрии способствовало укреплению его положения. Все соперники Хрущева - Маленков, Молотов, Каганович и Жуков - были устранены. Присутствие на юбилейных торжествах представителей Югославии тоже подтверждало политические успехи Хрущева. Однако югославская делегация отказалась присоединиться к совместному коммунистическим партий. Отношения между Югославией и СССР снова несколько ухудшились, что не могло не сказаться на судьбе Надя и его сторонников.

28 января 1958 года Надю и его "сообщникам" было предъявлено формальное обвинение. Первое заседание суда состоялось 6 февраля 1958 года. Однако в это время в Москве произошло, вероятно, нечто непредвиденное, поскольку суд внезапно прервал заседания, приняв решение о доследовании дела.

На празднование годовщины "освобождения" Венгрии в Будапешт прибыл сам Хрущев. Победитель удостоил своим визитом побежденных. Радиотрансляцию массовых митингов, на которых выступал Хрущев, приходилось оживлять заранее записанными на пленку "бурными аплодисментами". Эти пленки были изготовлены еще в сталинское время и теперь пригодились снова.

В начале июня 1958 года Хрущев посетил Софию. Во всех произнесенных там речах он делал выпады против Югославии. Перечисляя прегрешения Тито, Хрущев сказал, что во время "контрреволюционного путча в Будапеште" югославское посольство стало опорой врагов венгерской народной демократии, а после подавления путча там укрылась "группа Имре Надя — Гейзы Лошончи — предатели и трусы". Это звучало предвестием смертного приговора Имре Надю.

* * *

В ночь с 16 на 17 июня будапештское и московское радио одновременно сообщили о казни Надя. В этом коммунике не сохранилось ответов на многие естественно возникавшие вопросы: не сообщались имена ни прокурора, ни защитника, не назывались свидетели, ничего не говорилось о показаниях самого обвиняемого и даже о месте и времени суда.

Вскоре прокурор Венгерской Народной Республики Гейза Се-

наши, отвечая на вопросы иностранных журналистов, сказал ("с улыбкой", как было отмечено), что приговор был вынесен судом, который длился 12 дней. Месяц спустя правительство Кадара в ответ на запрос Югославии заявило, что суд проходил с 9 по 15 июня и приговор был вынесен 15 июня. Эти явные противоречия вызвали сомнения в осведомленности венгерского правительства относительно обстоятельств дела. Анализ официальных документов наводит на мысль, что в состав суда, по крайней мере, входили советские представители. Во-первых, ни в одном из публичных заявлений Центрального комитета Венгерской партии трудящихся не было упоминаний ни о Наде, ни о предстоящем процессе, хотя обычно принято готовить общественное мнение к такого рода судам заранее. Во-вторых, и официальное коммюнике по этому поводу, и выдержки из протоколов суда, опубликованные в специальной "Белой книге", написаны таким языком, что похожи на плохой перевод, сохранивший особенности языка оригинала. Чтение этих документов вызывает множество недоумений: например, зачем могло понадобиться венгерскому юристу или судье особо подчеркивать, что контрреволюция, о которой там говорится, имела место именно в Венгрии? О собственных внутренних событиях так не говорят. Подозрительна и дата вынесения приговора — 15 июня 1958 года, воскресный день. Венгерский суд никогда, даже во время знаменитых показательных процессов, не заседал и уж ни в коем случае не выносил приговоров по воскресеньям. Слушание дел Миндсенти и Райка, например, постоянно прерывалось по субботам и возобновлялось в понедельник. Если действительно Надя приговорили к смерти в воскресенье, это свидетельствует, с одной стороны, о поспешности, которую можно объяснить заранее заданным сроком, а, с другой стороны, побуждает предполагать, что дело это, по крайней мере частично, слушалось не в венгерском суде.

Согласно официальному коммюнике, на скамье подсудимых, кроме Нады, были еще восемь человек: Ференц Донат, Миклош Гимеш, Золтан Тилди, Пал Малетер, Шандор Копачи, Ференц Яноши, Ежеф Силаги и Миклош Вашархеи. Донат, Силаги, Вашархеи и Яноши, как и Надя, просили убежища в югославском посольстве. Затем чины советской армии доставили их в Румынию, где, как утверждалось, им тоже должны были предоставить убежище. Однако нигде не сообщалось, что Румыния дала им

его. Нигде не сообщалось, почему они были переданы Румынией венгерским властям. Их выдача была явным нарушением международного права.

Пал Малетер был арестован генералом Серовым во время переговоров с командованием советских войск в Венгрии, на которых он в качестве министра обороны и уполномоченного правительства возглавлял венгерскую делегацию. Его арест тоже был вопиющим нарушением элементарных международных норм, не говоря уже о правах Венгрии. Копачи тоже был арестован советскими военными в ноябре 1956 года. Гимеша арестовал в декабре смешанный отряд советских солдат и солдат Кадара. Об аресте Золтана Тилди стало известно впервые из сообщения о вынесении ему приговора.

В том же коммюнике говорилось, что Гейза Лошончи "скончался от болезни". Лошончи занимал в правительстве Надя пост министра без портфеля и был вместе с Надем в югославском посольстве. При Ракоши он провел много лет в тюрьмах, вышел оттуда с тяжелой болезнью легких и нервным расстройством. Не исключено, что новое тюремное заключение оказалось для него роковым.

В коммюнике не было ни слова о членах семей обвиняемых — о 15 женщинах и 17 детях, которых тоже депортировали в Румынию. Только в декабре 1958 года было сообщено, что они, вместе с Золтаном Вашем и Золтаном Санто, получили разрешение вернуться на родину.

Вместе с Надем получили смертный приговор Никлош Гимеш, Ежеф Силаги и Пал Малетер. Ференца Доната приговорили к пожизненному заключению, Золтана Тилди — к 6 годам тюрьмы, Ференца Яноши — к 8 годам, Миклоша Вашархеи — к 5. Коммюнике заканчивалось так:

"Приговоры являются окончательными и апелляции не подлежат. Смертные приговоры приведены в исполнение".

* * *

Говорят, история не повторяется. Но временами случаются удивительные вещи. Венгерская революция 1956 года, как и в 1848 году, началась со студенческой демонстрации. Затем, как и 108 лет назад, разразилось вооруженное восстание, которое было направлено против чужеземной державы, обладавшей ог-

ромным военным превосходством. Обе революции завершились казнью их вождей.

Но в 1849 году, после того как австрийской монархией были вынесены смертные приговоры главе правительства и венгерским генералам, им было позволено, по крайней мере, написать прощальные письма. Была известна дата казни и ее способ. Московские правители отказали Имре Надю и его товарищам даже в этом. До сих пор неизвестно, как это произошло. Мы не знаем последних слов казненных, не знаем не только часа, но даже дня казни.

По слухам, последнюю свою ночь Надь провел за работой. Если приговор, действительно, вынесли 15-го, то это была ночь с 15 на 16 июня. 16 июня в полночь радио сообщило о казни. Скорее всего, это и есть дата гибели Нады.

Примечания

Имеется в виду решение Пленума ЦК Венгерской партии трудящихся от 27-28 июня 1953 года об устранении ошибок в экономике и внутренней политике. На этом пленуме подвергалось критике руководство венгерской партии трудящихся во главе с генеральным секретарем Матиашем Ракоши, ответственным за экономику Э. Гере, ответственным за оборону и госбезопасность М. Фаркашем и др. Их ошибки привели к одностороннему развитию Венгрии - вместо предполагаемого создания индустриально-аграрной страны, в Венгрии форсировалось строительство тяжелой промышленности. Соотношение капиталовложений в тяжелую и легкую промышленность равнялось 96 : 4, хотя сырьевой базы для развития тяжелой промышленности в Венгрии не было. Насильственная коллективизация привела к резкому сокращению сельскохозяйственного производства.

Реальные заработки рабочих снизились вследствие введения системы принудительных государственных займов. Преследовались ни в чем неповинные люди. "Политика июня" была попыткой ликвидировать эти недостатки. Основные пункты этой политики заключались в следующем:

1. изменение плановых показателей первого пятилетнего плана в пользу легкой промышленности;

2. прекращение насильственной коллективизации сельского хозяйства;

3. восстановление социалистической законности, ликвидация концентрационных лагерей, прекращение принудительного выселения из Будапешта;

4. улучшение положения рабочих путем сокращения сверхурочных работ, а также ликвидации обязательных государственных займов и системы штрафов.

Это был "новый курс", выработанный Имре Надем, который тогда был председателем венгерского правительства. Группа Ракоши саботировала политику Нады, обвиняя его в "правом уклоне". В апреле 1955 г. Имре Надь был освобожден от своих обязанностей председателя правительства и лишен возможности участвовать в политической жизни страны.

² С 1526 года Венгрия была частью Габсбургской империи. До 1848 года правящей нацией империи были немцы. Революция 1848 года, которая ликвидировала крепостное право, для венгров была и национально-освободительной революцией. Под руководством Лайоша Кошута венгры добились принятия конституции (15 марта 1848 года.), в соответствии с которой Венгрия получила автономию, признавая при этом Габсбурга венгерским императором.

В 1849 году Габсбурги аннулировали венгерскую конституцию, и тогда Кошут призвал венгров свергнуть императора. На помощь Габсбургам пришел Николай I, и совместными усилиями Австрии и России венгры были разгромлены. 6 октября 1849 года австрийцы казнили тринадцать венгерских командующих, а Венгрия снова стала частью Габсбургской империи. С тех пор 15 марта и 6 октября считаются памятными датами истории венгерского народа.

**Заказы на журнал
"Проблемы Восточной Европы"**

посылать по адресу:

**PROBLEMS OF EASTERN EUROPE
P.O. Box 6005
Washington, D.C. 20005-0078**